

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ЦЕНТР ЭТИКИ И ЭСТЕТИКИ РУССКОГО МИРА»**

**ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ РУССКОГО УКЛАДА ЖИЗНИ:
ПРОЙДЕННЫЙ ЭТАП ИЛИ УТРАЧЕННЫЙ РЕЦЕПТ?**

**Материалы «круглых столов»,
проведенных «Центром этики и эстетики Русского мира»**

2018

УДК 316.7+316.4
ББК 60.524

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор философ. наук Н. А. Моисеева
канд. философ. наук А. Ю. Трубецкая

Составитель и ответственный за выпуск
председатель «Центра этики и эстетики Русского мира»,
доктор филос. наук И. К. Джерелиевская

Ценности и смыслы русского уклада жизни: пройденный этап или утраченный рецепт? : м-лы «круглых столов», проведенных «Центром этики и эстетики Русского мира» / сост. и отв. за выпуск И. К. Джерелиевская – М.: «Центр этики и эстетики Русского мира», 2018.- 132 с.

ISBN 978-5-6041297-0-8

В сборнике публикуются выступления участников «круглых столов, проведенных «Центром этики и эстетики Русского мира» в 2017- 2018 учебном году. Издание адресуется философам, психологам, социологам, этнографам, культурологам, политологам, теологам, специалистам в области социального управления, научно-педагогическим работникам, аспирантам, студентам, всем, интересующимся проблематикой аксиологической системы Русского мира.

УДК 316.7+316.4
ББК 60.524

ISBN 978-5-6041297-0-8

©«Центр этики и эстетики Русского мира»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
М. Ю. СПИРИНА	
Традиционные ценности и служение: общетеоретический аспект.....	8
С. В. ШАЧИН	
Опыт диалектического рассмотрения идеи служения с целью её универсализации и конкретизации.....	15
И. К. ДЖЕРЕЛИЕВСКАЯ	
Категория справедливости в контексте этико-философских воззрений.....	22
Е. В. ВИНОГРАДОВА	
Чувство справедливости как источник движения	26
С. В. ШАЧИН	
Размышления о новом способе понимания справедливости путём критического переосмысления исторического опыта построения справедливого общества в России.....	27
В. Ф. ГАНОВИЧЕВ	
Космическая русская справедливость – правда для всех.....	35
Г. Ю. КАНАРШ	
Социальное государство: проблема реализации в современной России	39
И. К. ДЖЕРЕЛИЕВСКАЯ	
Особенности отношения к феномену любви в русской культуре.....	46
Е. М. ВЛАДЫКИНА	
Любовь как доминанта русской ментальности	49
Е. В. ВИНОГРАДОВА	
Любовь как возможность всеединства.....	52
А. Л. САЗОНОВА	
Любовь в системе «семейных» ценностей россиян.....	53
М. Ю. СПИРИНА	
Категория любви в традиционной культуре.....	59
С. В. ШАЧИН	
Любовь: опыт диалектического рассмотрения сущности и путей преодоления кризиса любви в современной России	65

О. С. КРЮКОВА	
Оппозиция «любовь-нелюбовь» в русской литературе XIX - начала XXI вв.	73
И. К. ДЖЕРЕЛИЕВСКАЯ	
Понятие смысла в гуманитарных науках.....	75
Е. В. ВИНОГРАДОВА	
Русское смысловое пространство	79
Т. Е. БАРСОВА	
Ноосферное сознание – универсальная общечеловеческая парадигма современности.....	82
В. Ф. ГАНОВИЧЕВ	
Свобода и осмысленность	88
М. Ю. СПИРИНА	
Народный орнамент как механизм трансляции смыслов	91
Е. М. ВЛАДЫКИНА	
Творческая личность в игровом сообществе: цели, задачи, смыслы.....	99
О. С. КРЮКОВА	
Поиски смысла жизни в прошлом и в современности: из литературного опыта	105
М. Г. ПЕРЕСТОРОНИНА	
Русская классика как механизм трансляции смыслов и отражение морфо- логической структуры развития общества (на примере учения о доминанте Ухтомского и соотношения эстетических категорий формы и содержания)	107
С. В. ШАЧИН	
О переходности общественного развития и общественного сознания как причине дефицита осмысленности и о пути его преодоления посредством осознания всеобщности.....	111
М. В. БЕЙЛИН, Л. М. ГАЗНЮК	
Смыслы абсурдного в жизнедеятельности человека.....	119
А. А. ШПАКОВСКИЙ	
О вкусах спорят или куда подевалась монументальная скульптура?.....	124
ПОСЛЕСЛОВИЕ	126
Справедливость как фундаментальная, но неудовлетворенная потребность	130
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....	134

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начиная публикацию материалов «круглых столов», проведенных «Центром этики и эстетики Русского мира» и посвященных исследованию ценностного аспекта Русского уклада жизни, мы хотели бы привести ряд аргументов актуальности этого исследования.

Экономоцентричность общественного развития и социального управления крайне сужает пространство, а порой делает и невозможным реализацию экзистенциальных потребностей человека – потребность в ценностях и смысле жизни, самоидентификации, в причастности и укорененности, в преодолении пределов. Вследствие этого человек живет, что называется, не по-человечески: его жизнь, подчиненная исключительно материальному началу, теряет полноту и целостность, у него нарастает внутренняя неудовлетворенность, он утрачивает способность радоваться бытию.

Обратим внимание на то социальное напряжение, которое имеет место в среде работников образования, включая высшую школу, науки, медицины, культуры, словом, в той среде, которую в прежнее время называли советской интеллигенцией и которая была призвана быть носителем и выразителем гуманистических ценностей. Оставляя пока за границами разговора вопрос о справедливости финансовой оценки их деятельности, мы фиксируем их несогласие с фактом упразднения общественно-значимого содержания их труда. Вследствие этого каждому работнику предписывается проявлять себя лишь как носителю определенных функций и компетенций, как производителю соответствующих услуг, но не как человеку, приносящему благо другим людям и обществу в целом. Это несогласие свидетельствует о наличии серьезного противоречия в организации современной общественной жизни, поскольку мера человеческой жизни определяется ее социальной и нравственной формой. Как заметил Монтень, мера жизни не в ее длительности, а в том, как она была использована. Чувство полноценности жизни возникает тогда, когда дело, которым занимаешься, связано не только с вещными целями, реализация которых востребует от человека лишь возможность продажи им своих качеств, а пронизано возвышенным социальным смыслом.

Очевидно, в процессе трансформации общественной жизни допущена серьезная ошибка, суть которой, как мы думаем, состоит в отношении к организационной стороне человеческого бытия как к культурно-нейтральной категории, что делает реформаторов нечувствительными к факторам, воздействующим на социокультурные процессы в России. Иными словами, пренебрежение к культурно-религиозным и цивилизационным основам общественного устройства России формируют деструктивные тренды в ее социальном развитии.

В общественное сознание, как указывал А.С. Панарин, усиленно внедряются два мифа, игнорирующие социальный статус культуры, в логике которых принимаются управленческие решения. Первый миф рассматривает технологический и экономический прогресс в качестве социального идеала. Второй – приписывает индивидуальным целям и практикам людей характер «конечной инстанции», исключая наличие каких-либо высших смыслов, общего блага. И тот, и другой миф утверждают сугубо утилитарный тип сознания, отнимают возможность осмысленного отношения к жизни, игнорируют роль и пространство человеческого духа.

Мы явились свидетелями удивительной инверсии: если в процессе идеологизации общественной жизни в советское время произошла замена нравственного идеала, центрирующего общество, образом «светлого будущего», то в процессе деидеологизации нравственный идеал как ценностно-смысловой центр общества устранен полностью. Случилось то, о чем предупреждал Н.А. Бердяев: «Человек целиком выброшен в процесс времени, ... в нем нет ничего от вечности и для вечности. Поэтому человек оказывается лишенным внутреннего содержания, он становится общественной функцией, его жизнь дегуманизируется».

Наше несогласие с подобной ситуацией понуждает нас обратиться к традиционной культуре, поскольку убеждены, что двигаясь вперед, Россия обречена углубляться к самой себе. **Перед страной стоит сложнейшая задача синтеза модернизационных потенциалов развития с традиционными для России ценностями и институтами жизнеобеспечения.**

Но здесь мы наблюдаем еще один культурный разлом: ряд общественных деятелей и ученых полагают, что скорейший путь «осовременивания» России – разрушение традиций. Обращение к традиционной культуре им видится как акт архаизации общества, «возвращение в средневековье». В связи с этим считаем необходимым дать некоторые пояснения.

Причинами архаизации общества, как правило, являются кардинальные реформы, инициированные властью с целью модернизации общества, но не согласующиеся с культурными традиционными особенностями модернизируемого общества. Это приводит к кризису социальной трансформации, социальной анархии и, соответственно, дезориентации, дезорганизации значительной части общества, становящейся носителем архаизационных тенденций, и, в конечном счете, субъектом архаизации, поскольку люди вынуждены с целью выживания обратиться к архаическим культурным смыслам и социальным практикам. Субъекты архаизации могут принадлежать ко всем социальным слоям; общим для них является ориентация на архаику.

Однако архаизация общества имеет принципиальное отличие от традиционализма и неотрадиционализма, которые также представляются процессами об-

ращения общества к прошлому социокультурному опыту. Традиционализм характеризуется ориентацией общества на сохранение и приверженность традициям, сформированным в любой исторический период. Если архаизация обращена к конкретному – древнему архаическому культурному опыту, то традиционализм может обращаться к разным историческим периодам. Неотрадиционализм представляет собой сознательную деятельность по возрождению традиций, использованию их в новых условиях для определенных социальных целей, архаизация же всегда отличается неосознанностью мотивации поведения людей.

Отвергая в свой адрес обвинения в архаизации, мы полагаем, что русский уклад жизни как социокультурный феномен достоин серьезного изучения.

Этот уклад жизни складывался в течение тысячи лет как ответная реакция на вызовы различного характера, перед которыми оказывались народы, населяющие огромную территорию, называемую ныне Россией. Одновременно с этим формировался и менталитет народов, который проявляется не только в продуктах рациональной деятельности, но и в глубинных бессознательных структурах: традициях, обычаях, ритуалах, стереотипах поведения и стереотипных способах решения и т.д., которые осознаются только при встрече с другими ментальностями или тогда, когда они подвергаются разрушению или насильственной замене другими культурными образцами. Между тем, возникшие исторически ментальные образования позволили множественным этносам Российской империи, а затем Советского Союза, несмотря на многоконфессиональность и этнически культурное разнообразие, сохранять единство и способность к развитию. Это – уникальный опыт России, которым не обладает ни одна современная цивилизация. В основе этого опыта – аксиологический универсализм русской культуры, её метанациональный и духовный характер. Заметим, что нравственные ценности традиционно обладали в России более сильным регулятивным действием, чем правовые нормы. Поэтому нравственное состояние личности являлось важнейшим индикатором социальных процессов как на макро, так и микроуровне. По этой причине русский человек был постоянно искушаем надбиологическим способом жизни, у него развилась гиперпотребность в духовном наполнении собственной жизни: жизненный успех и качество жизни он, прежде всего, связывал с бытием и только потом с потреблением. Эта особенность и определяет силу духа, лежащую в основании великих побед России. Это – ее основное богатство и залог успешного развития.

Духовность составила содержательную сущность «русского гуманизма», принципиально отличающегося от западного и лежащего в основании русской, а потом и советской культуры. Русский гуманизм покоится на пяти ценностных блоках: небесное выше земного; духовное (идеальное) выше материального; общее (коллективное) выше личного; будущее важнее настоящего; справедливость

выше закона. Это универсальное ценностно-смысловое, метанациональное культурное пространство есть Русский мир, который духовно окормляет и универсализирует этносы, которые «каждый за себя», а Русский мир – «один за всех». Поэтому татары, чеченцы, мордва, башкиры и другие народы, населяющие Российскую Федерацию, – одновременно русские, если они «заразились» русским гуманизмом. Русский мир в основе цивилизационной идентичности народов России, поэтому его исследование, перевод бессознательных структур в наше сознание – важнейшая задача, на которую и нацелена наша работа.

В течение 2017– 2018 учебного года было проведено четыре «круглых стола», в процессе которых были подвергнуты исследованию ценности служения, справедливости, любви, а также стремление человека к смыслу жизни.

В ряде случаев в результате дискуссии «круглый стол» завершался особым резюме, смысловым итогом, который, как мы полагаем, также представляет интерес, поэтому мы его прилагаем в конце сборника, после изложения текстов.

И. К. Джерелиевская

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И СЛУЖЕНИЕ:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
М. Ю. Спирина

Научный мир уже в конце второго десятилетия третьего тысячелетия обратился к важнейшей проблеме общественного бытия — отечественным традиционным ценностям. Причиной такого интереса явилось внедрение в образование и воспитание, в информационную сферу далеко не лучших западных образцов, слепое копирование и перенос их на отечественную почву. Такие же явления имели место и в деятельности новых государственных образований Евразии, сменивших Советский Союз. Все это значительно осложнило дальнейшее развитие межкультурных коммуникаций, особенно в свете евразийской интеграции и Большого евразийского партнерства. Обратившись к историческому опыту развития российской культуры, не трудно заметить, что на протяжении веков западным ценностям индивидуализма, верховенства ценности личности и личного спасения в российском обществе противостояли коллективизм, традиционность, возможность личностной реализации только в процессе осуществления общего дела.

Н. Я. Данилевский подчеркивал, что в российской (славянской) цивилизации, у русского народа, в отличие от западной цивилизации, «стержнем» которой является экономическая заинтересованность, «не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу <...>, а внутреннее нравственное сознание,

медленно подготавливающееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настанет время для его внешнего практического обнаружения и осуществления» [1, с. 163].

Эта особенность российского менталитета противостоит европоцентристским воззрениям, характерным для образованной страты русского общества, со времён Петра Великого ориентированной на западноевропейскую культуру и совершенно забывшей о существовании собственной, отечественной традиционной культуры, в которой издавна сложился «народный идеал совершенного человека» (Г. Н. Волков). Важнейшей составной частью этого идеала выступало понятие служения, трактовавшееся многозначно: служение семье, обществу, государству.

В современном российском социуме это понятие практически отсутствует, хотя его вполне можно отнести к тем самым традиционным ценностям, о защите которых неоднократно говорил Президент РФ. Понятие «служение» можно найти в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где оно отнесено к «традиционным российским духовно-нравственным ценностям», в перечень которых входят: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [6].

Мы полагаем традиционные ценности ценностями, прежде всего, национальными, народными, национально-этнографическими, национально-религиозными. Традиционные ценности носят базовый, фундаментальный, стержневой, основополагающий, системообразующий характер. Они имеют истоки в прошлом, являются результатом исторического саморазвития ценностной системы этноса, нации, цивилизации. Традиционные ценности обеспечивают идентификацию личности, общества, цивилизации среди других личностей, обществ, цивилизаций. Они содержат потенциал будущего развития человека, общества, государства. В связи с этим вспомним концепцию культуры В. С. Стёпина, отметившего в современном культурном тексте сохранение таких исторических феноменов, которые можно назвать культурно-генетическим кодом. Анализируя тенденции цивилизационного развития, философ выделил «мировоззренческие универсалии», охарактеризовав их следующим образом: «Мировоззренческие универсалии выполняют в жизни общества такую же функцию, как и гены в живом организме. Они организуют в целостную систему сложный набор различных феноменов культуры и выступают в качестве базисных структур социокода, играют роль своего рода ДНК социальной жизни». Автор делит мировоззренческие универсалии на две группы: одну составляют категории «природа», «космос», «пространство», «время»; другую образуют категории «справедливость», «доб-

ро», «красота», «человек», т.д. [5, с. 60-61]. Смыслы таких универсалий выражают шкалу ценностных приоритетов соответствующего типа культуры.

Все эти универсалии вырабатывались в процессе формирования традиционной культуры, которая отнюдь не является архаичной и примитивной, но содержит потенциал оживления хозяйственной жизни регионов России, закрепления в них молодежи, всестороннего совершенствования человеческой личности, что позволяет противостоять глобализационным кризисам и осуществлять «служение Отечеству». Воспитание готовности служить, но не прислуживать, остается главным направлением формирования высокодуховной личности человека третьего тысячелетия.

Средства воспитания такой личности не трудно обнаружить в средствах и методах народной педагогики, которая являет собой бесценное хранилище исторического опыта сохранения человеческого в человеке. Выдающийся отечественный мыслитель И. А. Ильин в своей работе «Путь духовного обновления» предложил особую систему национального воспитания. Он не уставал повторять: «Русский народ должен найти древнюю и священную глубину своего духа, из которой творилось величие России, и из нее заново начать созидание своей страны и культуры» [2, с. 465]. Особо он выделял значение семейного воспитания: «Воспитать ребенка – значит заложить в нем основы духовного характера и довести его до способности самовоспитания. Родители, которые приняли эту задачу и творчески разрешили ее, подарили своему народу и своей родине новый духовный очаг; они осуществили свое духовное призвание, оправдали свою взаимную любовь и укрепили, обогатили жизнь своего народа на земле: они сами вошли в ту Родину, которую стоит жить и гордиться, за которую стоит бороться и умереть» [3, с. 150].

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года подчеркивает необходимость эффективного использования уникального российского культурного наследия, называя литературное, музыкальное, художественное, театральное и кинематографическое. Но в этом перечислении отсутствуют традиционные культура и искусство, хотя система духовно-нравственных ценностей России, на которую опирается Стратегия, включает «человеколюбие, справедливость, честь, совесть, волю, личное достоинство, веру в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством», т.е. те самые «мировоззренческие универсалии», что образуют традиционные ценности.

Сегодня можно отметить постепенное расширение сферы привлечения народной педагогики. Это определяется такими ее главными особенностями, как историзм, синкретизм, целостность, традиционность, оптимизм, высокий императив, экологичность, преемственность, эффективность методики, др. В народной педагогике присутствуют многие принципы и методы, которые современной пе-

дагогической наукой рассматриваются как инновационные [4]. Народная педагогика позволяет осуществлять воспитание субъекта этноса как целостной биосоциальной системы. Сегодня народную педагогику оценивают как исторически сложившуюся совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, своде правил традиционного поведения и воспитания, обычаях, обрядах, детских играх и т.д. Народная педагогика содержит как идеал воспитания, так и пути и средства его достижения. В ней целью воспитания выступает идеальная совершенная личность, нравственность которой у всех народов тесно связана с умением человека преодолевать трудности, выполнять определенные обязанности, проявлять волевые черты характера (упорство, терпеливость, настойчивость, чувство долга). Он также включает в себя такие черты личности, как трудолюбие, ответственность, человечность, самостоятельность, ум, здоровье, любовь к Родине и др. Именно в традиционной культуре пребывают истоки того качества человеческой личности, которое Д.С. Лихачёв определил как «нравственная оседлость».

В народной педагогике воспитание готовности к служению начиналось с раннего детства, с формирования в маленьком человеке уважительного отношения к труду. Добросовестный, систематический и разумный общественно полезный труд оценивался как неотъемлемая составляющая человеческого бытия. Сегодня труд в жизни детей отсутствует практически полностью, а, значит, не формируется и готовность к служению. И здесь нельзя забывать еще и о коллективности традиционной культуры, что в одном из своих проявлений означает психологическую готовность ставить общественное выше личного, объективно оценивать значение человеческой жизнедеятельности в целом наряду с частными ее проявлениями.

Народная педагогика широко пользовалась художественно-творческими методами, в частности способами обучения народному художественному ремеслу, в связи с чем необходимо обратить внимание на традиционное прикладное искусство, более известное как «народные художественные промыслы». Его изделия формируют предметно-пространственное окружение человека, ему присуща редкостная способность влиять на духовный мир человека, делая его добрее, умнее и счастливее, воспитывая в нем национальный этический и эстетический идеал, включающий и понятие служения.

Отдельно обратим внимание на знание родного языка и умение им оперировать. К.Д. Ушинский называл родной язык «удивительным педагогом». Он подчеркивал, что язык «является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории <...> Но этот удивительный педагог — родной язык —

не только учит многому, но и учит удивительно легко, по какому-то недостижимо облегчающему методу <...>» [7, с. 558-559].

Малые научные знания о традиционной культуре обусловлены очень поздним началом ее изучения. Известный русский философ Г. П. Федотов писал: «Мы очень мало знаем о народе, его жизни, его затаённых мыслях – до XIX века, когда русская интеллигенция начала жадно приглядываться и прислушиваться к нему» [9, с. 155]. И вот тогда стало ясно, что все консервативные направления русской мысли выросли на почве традиционной (народной) культуры, в коей коренятся моральные устои России.

Современные общества и государства могут воспользоваться неоцененным потенциалом традиционной культуры в самых разных сферах своей жизнедеятельности, таких, как предпринимательство, социально-культурная деятельность, наука, образование, искусство и др. Традиционная культура обладает особым значением для самого человека, начиная с воспитания детей и юношества, включая семейное воспитание, формирование межпоколенных отношений, развитие межкультурных коммуникаций, формирование физической культуры, обеспечение психического здоровья и т.д. Сохранять духовное здоровье позволяет человеку оптимизм и жизнерадостность, что определяются исследователями как принцип и образ жизни в традиционной культуре.

Развитие традиционной (народной) культуры обеспечивает возможность преодоления многих проблем и аномалий, прогрессирующих в общественной и экономической жизни на протяжении последних десятилетий. Президент России неоднократно подчеркивал: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность... и общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории». Вспомним при этом мнение великого отечественного педагога К.Д. Ушинского о том, что нельзя жить по образцу другого народа, как бы заманчив ни был этот образец, точно так же нельзя воспитываться по чужой педагогической системе, как бы ни была она стройна и хорошо обдумана. «Каждый народ в этом отношении должен пытаться собственными силами» [8, с. 130].

Традиционная (народная) культура прошлого универсальна. Она содержит исторический опыт правосознания, хозяйствования, общественного делания, искусства, развития нравственности, что позволяет поддерживать и поощрять взаимопонимание как внутри одного общества, государства, так и среди различных народов. Базисные составляющие традиционной культуры народов Евразии поз-

воляют противостоять вызовам глобализации, противодействовать этнической и религиозной ненависти, насилию, сепаратизму и другим формам экстремизма.

Обеспечить защиту традиционных ценностей смогли бы комплексные инновационные центры, созданные в каждом крупном регионе России. Они способны объединить усилия представителей художественной промышленности, образования, науки, искусства, социокультурной деятельности по сохранению и актуализации традиционных ценностей, содержащихся в традиционной культуре. Особую сферу деятельности таких инновационных центров должна составлять профессиональная подготовка специалистов традиционного искусства и разработка инновационного содержания образовательной деятельности разноуровневых образовательных учреждений, где осуществляется подготовка художников-мастеров, дизайнеров, социальных работников, управленцев, педагогов, искусствоведов и др. Эта проблема является одной из самых острых, решение её требует принятия скорейших мер.

Традиционная культура является целостной системой, включающей в себя зародыши будущего экономического, социального, эстетического и др. видов развития человека и страны в современном мире. Ее развитие способствует сохранению самобытного места России в ряду ведущих стран мира, ее международного престижа как страны, обладающей высоким уровнем производства, науки, образования, культуры. Формирование подобных центров взаимодействия стимулирует осуществление приоритетных национальных проектов по развитию малого и среднего предпринимательства, профессионального образования, отраслевой науки и культуры, но, прежде всего, духовно-нравственного воспитания и развития гражданина России.

Начинать работу необходимо с того, чтобы на местах и в центре стимулировать и поддержать проведение комплексных исследований традиционной (народной) культуры, обратив особое внимание на локальные традиции. Организовать исследования следует таким образом, чтобы их результаты стали важной основой более целостного осмысления исторической, национально-культурной специфики народной культуры во всем многообразии проявлений её многовекового бытования. Изучению и освоению подлежат фольклор (словесный, музыкальный, театральный), народная одежда, художественные промыслы и ремесла, другие сферы народного знания. Особое внимание следует уделять установлению ценностных философских, социально-культурных, психолого-педагогических, общеэстетических ориентиров.

К подобным исследованиям и пропаганде их результатов необходимо привлечь представителей различных сфер культуры, искусства, образования, социальные институты, средства массовой информации, радио, телевидение, общественные организации. Проблемы изучения, сохранения и дальнейшей эволюции

традиционной (народной) культуры на сегодняшний день требуют особо пристального внимания и соединения усилий различных органов власти, учреждений и организаций культуры, искусства и образования, усилий общества и отдельных личностей. Социокультурный, экономический, философский, образовательный, нравственно-эстетический потенциал этого феномена отечественной культуры еще недостаточно исследован, способы и методы его применения слабо изучены и апробированы, перспективы недооценены.

Традиционная культура и защита традиционных ценностей должны сыграть ведущую роль в формировании региональных экономико-культурных ландшафтов, сохранении национального, в том числе и регионального культурного наследия, обеспечении социально-исторической и духовно-генетической преемственности поколений. С их помощью жители различных регионов России получают возможность удовлетворить свои духовно-культурные, экономические и художественно-творческие запросы и потребности. На их основе подрастающие поколения впитают в себя потребность служения человеку, семье, обществу, государству. Проблемы изучения, сохранения и дальнейшей эволюции традиционной (народной) культуры на сегодняшний день требуют особо пристального внимания и взаимодействия различных органов власти, учреждений и организаций культуры, искусства и образования, соединения усилий общества и отдельных личностей.

Список использованной литературы:

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. / Предисловие Н.Н. Страхова; статья К.Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступ. ст. и комментарии А.А. Галактионова. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995. — 552 с. — (Литературное наследие русских мыслителей)
2. Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего. / Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. 603 с.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления. О национальном воспитании. / Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 1./ Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. 400 с.
4. Свешникова Е. Е., Спирина М. Ю. Гуманитарные технологии прошлого в профессиональном образовании XXI века // Гуманитарное образование в экономическом вузе: материалы Международной научно-практической интернет-конференции. 1-30 ноября 2013 г. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2014. 328 с. — С. 242-252.
5. Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.
6. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
7. Ушинский К.Д. Родное слово. – Собрание сочинений. / Ред. колл. А. М. Еголин (гл. ред.), Е. Н. Медынский, В. Я. Струминский. – М.-Л.: изд-во Акад педаг. наук РСФСР, 1948. – т. 2. – 1948. – 655 с.
8. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании; о нравственном элементе в русском воспитании / Избранные труды. В 4-х кн. Кн. 1. Проблемы педагогики / К. Д. Ушинский; вступ. ст., прим. и коммент. Э. Д. Днепров. М.: Дрофа, 2005. 638, [2] с.
9. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избр. статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х тт. / Сост., вступ. ст., прим. Бойкова В.Ф. СПб.: София, 1991. Т. 1. 352 с.

ОПЫТ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ ИДЕИ СЛУЖЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ЕЁ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ И КОНКРЕТИЗАЦИИ

С. В. Шачин

Прежде всего, разговор о служении должен быть освобождён от идолопоклонства, от «человеческого, слишком человеческого» (Ф. Ницше). Нас провоцирует неправильно понимать служение сам язык, который после существительного «служение» всегда требует пояснения: служение чему-то или кому-то. Между тем, если мы пойдём по этому пути, то сразу же столкнёмся с неразрешимыми парадоксами в использовании понятия служения: если я начинаю служить кому-то (или чему-то), то это означает опасность того, что я начинаю ему «прислуживать»; я отказываюсь от собственной воли и делаю то, что этот кто-то (или что-то) требует от меня; я начинаю жертвовать своим благом в пользу блага другого; наконец, я начинаю терять свою свободу и приобретаю взамен ... состояние зомби, что ли?

Недостаток этого рассуждения заключается не в том, что оно доводит до абсурда какие-то отдельные черты служения (а якобы если мы будем придерживаться «золотой середины», то сможем согласовать нашу волю и волю того, кому мы служим, да и тот не полностью нас превратит в безвольный механизм, будет оставлять нам свободу в определённых рамках, вот между господином и слугой и установятся гармоничные отношения).

Никакой путь «золотой середины» нас не приведёт к позитивному результату, только он будет гонять нас за миражами подольше, чем при том вполне циничном «срывании покровов», что мы совершили с самого начала. Дело в том, что если мы служение будем интерпретировать в антропологическом смысле, то у нас появится наряду со «слугой» и «господином»; между прочим, знаменитый раздел в «Феноменологии духа» Гегеля, который Г. Шпет перевёл как диалектика «господина и раба», в подлиннике-то звучит как диалектика «господина» (Herr) и «слуги» (Knecht), и только советский идеологический климат заставил называть этот раздел по сути дела неточно. Однако Гегель показал в нём, что в действительности и господин, и слуга выработали в себе лишь несовершенную форму самосознания, которая потом превратится в «несчастное сознание» (то есть и «господин», и «слуга» несчастны, только ещё не до конца осознали это). Вот тут-то и лежит корень всего! Оба участника этой диалектической пары не до конца познали самих себя, не открыли в себе абсолютный дух. Если «господин» был готов пожертвовать своей самостью ради чего-то надындивидуального и потому победил в борьбе, то «слуга»-то был слишком привязан к материальному уровню своего существования, он не стал ставить на карту своё физическое существование,

почему и подчинился воле другого, и возникли отношения господства и служения...

Однако очевидно, что такие отношения являются пародией на то, что имеется в виду под служением по сути дела. Ведь господин ещё не осознал, ради чего он победил в борьбе со слугой, он просто поработил другого (других), сделал их орудием своей воли, а до конца воля его не стала осмысленной; слуги своим «служением» просто-напросто могут удовлетворять его страсти, как материальные, так и – что более тонко – духовные: питать его гордыню, подчиняясь ему и тем самым представляя ему его для самого себя как того, кто стал большим из-за того, что слуги маленькие (он высок потому, что другие стоят перед ним на коленях). А вот слуги не знают и этого, они вообще не смогли осознать свободу своей воли и по сути дела лишены её, не могут в полноте проявить свою волю: над ними довлеет воля господина, которая им глубоко чужда, так же, как и благо господина не может быть их благом (ибо они вообще не знают, что такое благо, они привязаны исключительно к тем жалким крохам, что им перепадают с барского стола в ответ на их «служение»). Дальше господин вообще очень склонен впасть в пассивность, так как он в пределе не совершает никаких действий, а за него всё делают его слуги; в результате он от них становится зависимым, и осознание этого когда-нибудь придёт в голову даже слугам, после чего они начнут свою подрывную работу против воли господина, сначала по мелочам отщипывая кусок от господского пирога в больших масштабах, чем сам господин согласен им выделить, а потом, когда воля господина всё больше деградирует, начиная уже открыто ей не подчиняться. Наконец, слуги могут поднять против господина бунт, в результате которого они оказываются способными принести те самые жертвы, на которые ранее (на предыдущем витке цикла) был готов пойти сам господин: слуги начинают стремиться к абстрактному идеалу выйти из-под воли господина, но по-прежнему не понимают и не могут понять на этой стадии своего духовного развития, ради чего им такое приключение – борьба с господином, что они смогут сделать со своей свободой, если они победят последнего. Вообще из антропологической диалектики господства и служения следует, что вопрос о смыслах на этой стадии вообще не мог возникнуть: ради чего господину надо было обращать слуг в орудие своей воли, он понять не мог, а если бы он его поставил бы, то, возможно, вообще постарался бы выйти из-под этой формы несчастного сознания властвовать над слугами; слуги понимали, ради чего им подчиняться – чтобы получать какие-то гарантированные блага (материальные, безопасность и пр.), но делали это ценой как раз прекращения своего духовного развития и отказа от слишком опасного поиска смыслов; и господин мог быть господином только потому, что были слуги, а слуги – потому, что был господин, то есть ни те, ни тот не имели в

самих себе какого-то основания, а имели псевдооснование в своей противоположности.

Вот так мы и добрались до исходной ущербности отношений господства и служения, если их трактовать сугубо в антропологической перспективе: они очень легко скатываются в отношения господства и рабства, так что, по большому счёту, Шпет со своим вариантом перевода Гегеля был всё-таки прав (только надо было достигнуть философского уровня самого Шпета, чтобы это понять) ...

Очевидно, что для адекватного самому предмету разговора об идее служения надо поставить в центр именно смысл и говорить о чём-то, что было выработано в результате духовной работы всех участников социального взаимодействия: то есть если бы было бы так, что и господин, и слуги служат этому общему для всех их смыслу, который в то же время осознаётся каждым из них как свой, то тогда такое взаимодействие уже не было бы диалектикой господства и служения, а стало бы чем-то иным. Господин при этом превращался бы просто-напросто в орган управления, функция которого, как уже давно известно системной теорией общества (Т. Парсонса, Н. Лумана, у нас – А. Зиновьева), – целеполагание и организация целедостижения; а те, кто в предыдущем рассуждении считался слугами, становились бы управляемым социальным телом, распределили бы соответствующие функции между собой и пошли бы заниматься каждый своим делом, работая на коллективное благо.

Дальше мировая управленческая наука наработала громадный опыт осмысления эффективного управления – проблема в том, что у нас в стране он хорошо известен учёным-теоретикам, которые мало чем в своей жизни управляли, и слабо известен практикам, которые реально управляют, но это уже – вопросы не к проблематике служения, а к проблематике критической теории общества...

Для нас же в этом месте, чтобы не менять тему обсуждения, напрашивается вопрос: а каковы те самые коллективные смыслы, которые могут быть ориентирами развития для всего современного российского общества как неотъемлемой части человечества, что сейчас находится на пороге неких чрезвычайно интересных и опасных трансформаций, не имеющих аналогов в своей истории? Это есть ни много ни мало – вопрос о смыслах всего постсоветского развития, о том, что же мы тут, вообще-то говоря, строим, после того, как «катастроили» (А. Зиновьев) Советский Союз. И именно определение таких смыслов должно «войти в резонанс» с совершаемой каждым из современных постсоветских людей напряжённой духовной работой по выработке смыслов индивидуального развития, своей жизни, чтобы они перестали бы себя чувствовать временщиками в этой стране – радикальнее говоря – в этой жизни в целом, чтобы они наконец вышли бы из плена коммунального мировоззрения, как его раскрыл А. Зиновьев, то есть стали бы по-

настоящему индивидуальностями, а не частями массы, травой, которая клонится по ветру (а этим ветром является воля их правителей-олигархов)...

Впрочем, разговоры на подобного рода темы в постсоветской России периодически возникают и имеют такую интенцию: вот соберутся умные люди небольшим кружком, выработают национальную идею (потом додумались: не национальную, а государственную, ведь Россия-то – страна многонациональная, и она должна быть общим домом для множества народов с русским во главе как государствообразующим). Потом эту идею надо будет каким-то образом доносить до народа, причём с ней согласятся и правящие классы, так что мы перестанем быть просто «демократией», а станем ещё и демократией «суверенной» или какой-то ещё... Но благими намерениями всегда вымощена дорога в ад, как хорошо знает русский народ; и успеха эти намерения не могли иметь хотя бы потому, что эта кучка интеллигенции практически не контактировала с каким-то социальным кругом за пределами кучки чиновников; а ведь настоящей властью над народом обладает прежде всего школьный учитель, и этой власти завидовал, как известно, сам премьер У. Черчилль... А народ все постсоветские времена имел и имеет вполне конкретную идею – идею выживания; вот только она очень сильно напоминает те псевдоценности, которыми руководствуются слуги в изображении Гегеля, и получалась ситуация, хорошо известная ещё Теодору Адорно: нельзя быть здоровым в больном обществе, нельзя быть свободным, если все вокруг поработаны... Вариант «мы смотрим сквозь пальцы, как вы тут выживаете (допустим, в форме теневой экономики, в которой, по официальным данным, заняты до 35 млн. человек из 75 млн. трудоспособного населения России!), а вы не интересуетесь тем, как мы над вами господствуем» будет означать по сути дела те компромиссные отношения между «господами» и «слугами», что были рассмотрены ранее, за одним важным исключением: наша правящая верхушка, как это показал в своих произведениях 90-х – начала 2000-х гг. А. Зиновьев, в неких критических вопросах практически полностью зависит от воли «глобального сверхобщества» и может быть в любой момент им даже уничтожена (например, в форме присвоения богатств наших олигархов в оффшорах), так что тут работает ещё одна русская поговорка: «Молодец против овец, а против молодца – сам овца». Но вот если не брать коммунальное злорадство, которое охватит наш народ в случае, если такая операция будет совершена, то жизнь-то его от этого не просто не улучшится, а может скатиться вообще в ситуацию прямых бедствий (так как будет означать новый передел собственности и даже власти в государстве)... Так что зачем нам вообще идти привычными кругами судьбы и вообще заговаривать об идее служения, не лучше ли взять участок земли, научиться крестьянскому труду, а также быть готовым защищать собранный урожай, превратившись в реалистов, изуча-

ющих устройство «Калашникова», как говорили в перестройку, а не заниматься болтологией?

Ответ на этот вопрос, актуальный перед Россией вот уже более столетия (так как по сути дела с начала XX века стабильность России, имевшая место в течение нескольких столетий истории, если считать начиная с постепенного преодоления смуты к 20-м годам XVII века, завершилась), может быть дан только в том случае, если мы поймём ещё более универсальную вещь: мы, русские люди, не одиноки в наших осознаниях того, что «все мы живём радикально не так», а это настроение овладевает по сути дела всем миром, то есть всё современное человечество накануне смены социального строя. И если мы от мировых потрясений будем пытаться отсидеться в узком мирке, то мы тем самым будем не интеллигентами, а кучкой мелкой буржуазии, которых бичевал ещё Горький в «Буревестнике», сравнивая их с «глупыми пингвинами» с «жирными телами».

Вместо этого надо задать вопрос: если не мы будем вырабатывать смыслы нового посткапиталистического общественного строя для всех людей, то кто же тогда «рассеет тьму»? Зачем нам государство давало образование, если в переломный момент истории мы не сможем ему помочь в самом главном – в определении тех самых коллективных целей, которые лягут в основу целеполагания как основы управления? И на какой передовой общественный класс мы при этом сможем опереться, чтобы наши идеи соединились бы с интересами, что и может гарантировать не просто реализуемость идей, но и их ясность, ибо только в практической деятельности становится до конца понятным, что же идея представляет собой в её сущности? Чему (а не кому!) же служить-то и как?

И вот сама логика наших рассуждений вывела нас к пониманию того, что служить ни в коем случае нельзя чему-то узкому и конкретному, даже если это конкретное выражается в сумме миллиардов долларов (и уж тем более – в чём-то намного меньшим). Предметом служения может быть нечто универсальное, особенно для интеллигенции, которая должна активизировать свой разум и понять это первой; а самым универсальным является человечество в целом, причём не то, каким оно является в своём нынешнем, в общем-то, неприглядном и даже жалком виде, а то, каким оно должно быть в своей идее, то есть полностью разумным, развившим максимальным образом свои способности. Значит, мы вспоминаем позицию И. Канта и осознаём, что этого от нас требует категорический императив в своей третьей формулировке, причём его требование есть закон нашего же собственного практического разума, ведь именно соблюдение морального закона и делает каждого из нас человеком. В качестве конкретизации вспоминаются слова И. Канта из «Религии в пределах только разума», которые редко попадают в поле внимания, однако они, возможно, являются одними из самых мудрых, что сказал представитель Homo sapiens за всё время, пока этот род себя помнит: «Наилуч-

шим выразителем идеи человечества является Иисус Христос». Надо обратить внимание на то, что тут не имеется в виду религиозная вера: у неё – другая сфера реальности и другие формы постижения истины. Наш практический разум, если он продумает себя до конца, должен прийти к этой идее естественным образом, после чего он не должен делать её предметом рассудочного рассмотрения (иначе впадёт в антиномии), а должен обращаться с этой идеей как с тем, что является для него самого условием его собственной возможности, наряду с идеей свободы и бессмертия души (и человечества в целом). По сути дела, если мы боимся смерти в смысле уничтожения, то не может быть никакого служения; но если мы способны пойти за границы нашего природного бытия, то мы обнаруживаем в себе новые возможности, которые в нашу эпоху могут быть способностями к творческой деятельности!

И вот тут-то и начинает брезжить свет в конце туннеля: именно творческое преобразование существующей социальной, культурной, технической, политической и прочих реальностей, доступной нашему опыту, и может стать тем самым идеалом, который конкретизирует идею служения; и именно сообщества творцов и могут быть тем самым прогрессивным общественным классом, который укажет человечеству пути выхода из тупиков общего кризиса всемирного капитализма; и именно вступление в такое сообщество и солидарное творческое действие и может быть моральным долгом для современного интеллигента, если он хочет настоящей жизни, соответствующей его личностной сути. Если интеллигент поймёт, что он в неоплатном долгу уже перед народом, который вынужден работать ради того, чтобы он учился и развивал свою личность (как это понимал ещё Н. К. Михайловский), то он выплатит его одним простым (в теории...) способом: пробуждения в народе творческих способностей и содействия всё большему распространению в его толще сообществ, аналогичных творческим ... Также интеллигенцию поддержит патриотично ориентированная промышленная буржуазия, поскольку она по идее должна стать новой опорой государственной власти в России взамен сырьевой и финансовой буржуазии, которую скоро поток истории должен сбросить (или смыть) со сцены. Промышленная буржуазия в России начинает формироваться одновременно с описанными творческими сообществами и потому может быть от них заражена тем же самым духом креативности, который предохранит её от маниакального стремления к прибыли ради неё самой. Наконец, сообщество творцов сумеет дать бой государственному чиновничеству как силе, слабо подконтрольной не просто остальному российскому обществу, но и даже верхушке правителей.

А для этого сообщество творцов должно преодолеть разногласия, из которых самое главное, наверное, разногласие между светскими и религиозно ориентированными людьми, потому что именно в религии творцы смогут почерпнуть

новые источники вдохновения в условиях, когда социальный кризис по мере своего разрастания окончательно поставит крест на надеждах российской интеллигенции на сытую и благополучную жизнь по образцам западных интеллектуалов. Исходя только из своих материалистично понятых интересов, уже нельзя будет понять, ради чего вообще надо жить и уж тем более творить.

В принципе всё зависит от того, насколько силён этот самый заряд творчества в современной России, потому что предложенные здесь рассуждения не будут утопичными только в одном поразительном случае: если нас впереди будет ждать эпоха, сравнимая с той, какую Запад пережил в период Возрождения; только если там творческий дух был направлен в основном в сферу искусства и гуманизма, то в России XXI века он приведёт к неким новым коллективным религиозно-философским обретениям, которыми будут потом питаться и наука (также вошедшая в предреволюционное состояние, что многие продвинутые учёные уже понимают), и искусство, и право, и политическая жизнь... Как конкретно будет совершаться этот творческий прорыв России в духовные лидеры всего человечества – здесь обосновать невозможно, но очевидно, что только на этом пути могут быть даны ответы на ключевые вопросы настоящей эпохи.

Итак, мы живём в исключительно интересное время, в котором все предложенные рассуждения могут или стать катализаторами для позитивного социального переворота, либо проявлениями экзальтации чудака, который скоро убедится, что не найдёт понимания. Здесь можно провести аналогию с лазером: если рабочее тело уже находится в возбуждённом состоянии (то есть электроны в атомах рабочего тела от природы находятся на орбитах, более высоких, чем нулевой энергетический уровень), то переход отдельных маленьких частей вещества в уже сверхвозбуждённое состояние (то есть переход их электронов на ещё более далёкие от ядра, но ещё более энергоёмкие в своих взаимоотношениях с ядром орбиты) и небольшое излучение от них (в силу перескакивания этих электронов после этого на более устойчивые орбиты внизу, ниже по своему энергетическому потенциалу, чем тот, что был до этого) будет приводить к каскадному освобождению чудовищной энергии: ведь вспыхнет постепенно всё рабочее тело, и останется только сфокусировать эту энергию, чтобы она сумела бы пойти на благо... А если рабочее тело находится в состоянии «нерабочести», то есть если электроны уже попадали на самый низкий энергетический уровень, то сколько бы отдельные участки вещества не возбуждались, их излучение рабочее тело не воспламенит и потому скоро погаснет. Вся суть состоит в том, в каком состоянии находится народ, образующий мир российской цивилизации...

Этого автор видеть «со своей колокольни» не может... Очевидно, что враги и соперники Русского мира делают всё зависящее, чтобы перевести его в описанное выше «нерабочее состояние», то есть лишить его не только креативности, но

и самой способности понимания того, что такое креативность, и самого желания творить и присваивать плоды творчества другого в форме со-творчества (подменяя последнее потреблением). Потому главной нивой работы русской интеллигенции сейчас должно стать народное образование в смысле образования народа в направлении создания пространства совместного творчества; а такая работа в образовании, скажу уже по своему опыту, все постсоветские времена совершается не благодаря, а вопреки системе образования... Это и есть тот индивидуальный уровень, на котором могут быть постигнуты описанные истины, а о том, как от субъективного духа перейти к объективному, надо будет рассуждать уже в другом месте, опираясь на более универсальный опыт жизненной практики – при этом надо будет не ограничиваться только современностью и только Россией, но и посмотреть, как образовывалась и образуется «креатосфера» (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов) во всём мире...

КАТЕГОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

И. К. Джерелиевская

Спор о природе справедливости начинается с самого зарождения философии, но до сих пор нет единодушия в интерпретации понятия: она колеблется от понимания как фундаментальной ценности человеческого бытия до сведения к функции нейтрализации дефектов социальной жизни. Продолжается дискуссия о самих критериях справедливого и несправедливого. Остается актуальным вопрос об источниках справедливости.

К пониманию происхождения и сущности справедливости в истории философии существуют два подхода:

- справедливость как результат Божественного закона и этико-идеалистическое понимание сущности справедливости;
- справедливость как результат общественного договора и договорная концепция справедливости.

Справедливость придает легитимность общественным действиям и формам жизни. **Она восходит к вопросу о смысле совместного, социально-упорядоченного существования и о предназначении государства.** В зависимости от ранее обозначенных подходов к пониманию происхождения и сущности справедливости существует два ответа на этот вопрос.

В контексте этико-идеалистического понимания сущности справедливости государственно организованное общество есть нечто большее, чем условие выжи-

вания и безопасного существования индивидов. **Оно – способ добродетельной жизни, конкретная форма самореализации и достижения совершенства.** Государство в его адекватных формах (полис для античных философов, просвещенная монархия для Гегеля) мыслится как воплощенный разум, опредмеченная справедливость. Поэтому благо государства ставится выше блага отдельного человека. Но его гарантией, в конечном счете, выступает индивидуальная нравственная добродетель.

В контексте договорной концепции справедливость понимается по преимуществу как объективный принцип, совокупность требований, чаще всего имеющих статус закона, осуществление / неосуществление которых ведет к поощрениям или наказаниям.

Как институализированная совокупность требований справедливость предполагает и формирует определенные субъективные способности и тип поведения (способность следовать нормам).

Договорная концепция справедливости исходит из естественного состояния, в котором индивиды обладают неограниченной свободой, в силу чего они, постоянно сталкиваясь, оказываются в ситуации тотальных опасностей. Государство является разумным выходом из подобного состояния: **его предназначение состоит в том, чтобы гарантировать безопасность индивидов путем взаимоуравновешивания их прав.**

Здесь государство понимается лишь как способ ограничения, сдерживания конфликтов, как внешняя среда безопасного существования человека. Справедливость государства измеряется благополучием индивидов: «наибольшее счастье наибольшему количеству людей» (Бентам)

С некоторой долей условности к первому подходу следует отнести Платона, Аристотеля, Гегеля и русских христианских философов.

Ко второму – Гоббса, Локка, Канта и особенно французских просветителей, оставивших наиболее развернутую концепцию общественного договора.

Интересно проследить динамику понимания «естественного закона» как основания справедливости:

- для античных мыслителей (Эпикура, стоиков и др.) «естественный закон» как универсальный космический принцип управления богами, людьми, всеми элементами природы;
- для средневековых мыслителей – вечный естественный закон вложен Богом в сердца людей и составляет самую природу разума;
  - ослабление Божественного начала в Новое время означало разрыв сущей и должной справедливости. Поэтому не было другого выхода, как признать сущую справедливость продуктом общественного договора между

людьми. Признание общественно-договорного происхождения справедливости утверждает мысль об ее относительном характере.

В концепции договорного происхождения справедливости важнейшее место принадлежит теории справедливости Джона Роулза (1921 – 2002). Американский философ предпринял попытку обосновать концепцию справедливости, руководствуясь при этом принципом честности и исходя из приоритета индивидуальных прав и свобод человека. Разработанные Роулзом положения представляют собой **рациональную модель общественного равенства как равенства возможностей**.

В своем фундаментальном труде «Теория справедливости» Роулз формулирует два принципа справедливости:

1. «...Каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других»;

2. социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы:

(а) «от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех,

(б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем» [1, с. 403]

Если первый принцип представляет собой интерпретацию категорического императива, то второй развивает этику «равных возможностей»: в первой своей части он сводится к «постулату различия», когда неравенство компенсируется предоставлением большого доступа к ресурсам для наименее обеспеченных, а во второй – закрепляет равенство шансов для занятия должностей и получения статуса.

Важнейшая проблема социальной справедливости – поиск соотношения равенства / неравенства. Её неверное решение выступает источником борьбы народа за справедливость.

С одной стороны, люди равны как «соучредители» социального пространства. С другой стороны, сам акт учреждения состоит в легитимации неравенства занятий, положений.

С точки зрения И.А. Ильина, справедливый человек и справедливое общество – это такие, которые могут найти нравственную меру в распределении благ, а нравственной мерой может считаться такая, которая устраивает всех и на которую получено согласие тех, на чью долю выпадает больше тягот. Он жестко критиковал и французских просветителей, и русских большевиков за принцип «равенства», положенный в основу справедливости.

«Справедливость не только не требует уравнивания, а наоборот: она требует жизненно-верного, предметного обоснования неравенства. Надо предоставлять

хорошим людям (честным, умным, талантливым, бескорыстным) больше прав и творческих возможностей, нежели плохим (бесчестным, глупым, бездарным) – и это будет справедливо. Надо возлагать на людей различные обязанности и бремена: на сильных, богатых, здоровых – большие, а на слабых, больных, бедных – меньшие, и это будет справедливо» [2, с. 65].

Категория справедливости имеет три уровня явления: институциональный, символический, субъектно-экзистенциальный.

Субъектно-экзистенциальный уровень – метафизический, собственно философский выражает интенцию, установку, эйдос, тягу человека к справедливости.

К сожалению, этот уровень осмысления практически утрачен в социальной философии и, особенно, в современном социальном конструировании, поэтому особый интерес представляют идеи русских христианских философов, рассматривающих справедливость как важнейшую ценность русского менталитета.

Русскую мысль не удовлетворяет плоскостное понимание справедливости. Важнейшая идея – положение о связанности бытия человека с Богом как соотношение трансцендентного и имманентного. Индивид связан с Абсолютом по существу: Бог есть начало, центр и смысл мира. Бог есть абсолютная справедливость, часть которой присутствует в каждом человеке в виде совести, и именно она побуждает перманентное стремление к «вечной справедливости». Отношения с Богом выступают для человека как заданная ему тема творческого самораскрытия и самопреодоления, реализуемая при любых обстоятельствах «по совести».

Справедливость обретает форму двух правд: принудительной «внешней» правды в праве и изначальной «внутренней» правды в нравственности. При соотношении справедливости с правом, законом на первый план выступают проблемы равенства, распределения, наказания. При соотношении справедливости с основами нравственности встает проблема ее взаимодействия с категориями добра и зла, а также с состраданием-милосердием, несовместимым с эгоизмом. Поэтому право

Двойственная трактовка справедливости приводит к тому, что она предстает на внешнем уровне социально-политической ценностью, основой общественного устройства, на внутреннем уровне – как изначальная сущность человека, зовущая его к добру и милосердию, любви и состраданию. Это обстоятельство постоянно и с необходимостью требует согласования нравственного начала и общественных форм.

Путь к справедливости в русской философии неразрывно связан с общественным идеалом как целью и смыслом общественного развития.

Однако идея создания справедливого общества без духовного становления человека, личного творчества есть утопия, а также ложна и сама идея насильственного воплощения самого возвышенного идеала. Невозможно втиснуть полноту человеческого духа в узкие рамки принудительной власти идеала, как невозможно представить идеальную действительность частью эмпирической реальности. Человек может совершенствовать отдельные моменты социального бытия, не посягая при этом на онтологические начала, не приравнивая себя в конструктивных стремлениях к Богу. Воцарение человека на место Бога есть подмена Абсолютного конечным и определенным.

Русскими христианскими философами постулировалось движение от личности к обществу, возведение духовно верного и справедливого интереса отдельного человека в интерес всего народа. Утверждался внутренний путь к справедливости, связанный с поиском смысла человеческого существования как раскрытия творческой программы самоопределения и самоосуществления, заданной Богом каждому человеку.

«Справедливость есть великое и вечное всенародное задание, которое неразрешимо «раз навсегда». Это задание подобно самой жизни, которая вечно запутывает свои нити и узлы и вечно требует их нового распутывания. И распутывать эти нити, и развязывать эти узлы – должны не одни законы и не одни правители, а весь народ сообща, в непрерывном творческом искании и напряжении»[2, с 67].

Список использованной литературы:

1. Роулз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-т, 1995.
2. Ильин И. А. В поисках справедливости // О грядущей России. – М: Воениздат, 1993. – С.67.

ЧУВСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ИСТОЧНИК ДВИЖЕНИЯ

Е. В. Виноградова

Справедливость как чувство (а она проявляется именно как чувство, т.е. не может осознаваться как понятие, будучи не в проявленном состоянии) обнаруживает себя как реакция на несоответствие идеалу и в своем действии как стремление к совершенству.

Этимологически понятие справедливость происходит от латинского «соединяться». Это говорит о том, что эта категория появляется как регулятор общественных отношений. Она контролирует равновесие между индивидуумом и обществом через определенные фильтры, такие как: право, порядок, гармония, сво-

бода, равенство. Чем выше общественный идеал, тем больше критериев соответствия ему.

На первый взгляд может показаться, что интересы индивидуума и общества не совпадают. На самом же деле, именно в обществе человек может быть поистине защищен, реализован, свободен. **Механизм реализации гармонических взаимоотношений человека и общества заключен в усвоении всеобщего идеала, в понимании единой цели общественного и исторического развития и осознания одной судьбы.** Без принятия этих принципов индивидуум не может реализоваться в полной мере. Именно поиск гармонии, поиск принципа равенства неравных возвышает человека над своим особенным. Результатом усвоения всеобщего особенным является стремление к воплощению этого нравственного общественного идеала.

Можно сказать, в русском понимании идея справедливости сама по себе и есть идеал. Таким образом, она является средством с точки зрения чувства и целью с точки зрения понятия одновременно.

Иными словами, справедливость равно разумности, органичности. Русская идея о справедливом социальном устройстве – это идея построения единого социального организма. Как и в человеческом организме нет ничего лишнего, так и в социальном организме гармонично реализуется принцип равенства неравных, где каждый член общества воспринимает свой труд как вклад в общее дело. Неравенство в возможностях компенсируется этим осознанием. А равенство в реализации потребностей возводит социальную справедливость до Божественной.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОМ СПОСОБЕ ПОНИМАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПУТЁМ КРИТИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ПОСТРОЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

С. В. Шачин

Для адекватного предмета рассуждения о проблеме справедливости необходимо для начала провести «феноменологическую редукцию», т.е. опустошить сознание от всего, что не является верным представлением о справедливости. Для этого нам необходимо в комплексе осмыслить ситуацию в нашем обществе в последнее столетие после Революции 1917 г. После победы коммунистической политической силы в Гражданской войне и до её поражения в ходе – если мы объективно назовём всё своими именами, – контрреволюции 1991 г. ситуация была вполне понятной: советское государство провозглашало в качестве цели построе-

ние справедливого общества в глобальном масштабе. В последние три десятилетия идея справедливости сначала откровенным образом замалчивалась, затем стала принадлежностью левого дискурса, маргинального в общественной жизни постсоветской России (лидером этого дискурса является Школа постсоветского критического марксизма) и, наконец, стала предметом определённого интереса общества в связи с 100-летним юбилеем Революции (после чего рискует вновь уйти на задворки внимания к ней до очередного исторического катаклизма, очень вероятного в связи с надвигающейся третьей волной всемирного кризиса). Уже этот короткий анализ показывает простую вещь: российское общество все 100 лет шарахалось из крайности в крайность, следовательно, так и не прошло тот необходимый «процесс обучения» (Ю. Хабермас), который и может привести его к выработке определённого непреходящего понимания справедливости, а это, в свою очередь, повлечёт за собой определённую реализацию этого идеала, пусть исторически несовершенную, но, тем не менее, стабильную, не чреватую откатом назад от достигнутого уровня развития.

Значит, начнём с постановки вопроса: что же в нас, россиянах, было такое, что помешало нам за уже больше чем 100 лет разобраться в идее справедливости? Почему мы оказались в ситуации у «разбитого корыта», вернувшись почти к тому же уровню, что был достигнут 100 лет назад (почти с такими же вопиющими общественными конфликтами, что были в то время, откуда следуют вполне явные аналогии...), совсем как об этом повествуется в одной мрачной американской поговорке: «Между беднотой и голытьбой проходят три поколения»? Ответим на этот вопрос с позиции метода Гегелевской диалектики: очевидно, что нам, россиянам, была свойственна некая ложная форма понимания справедливости, которая просуществовала 77 лет и потом была некритически отвергнута больше чем на 25 лет. Но от отвержения ничего толком не изменилось – пока не будет выработано некое позитивное содержание, общество не выйдет из шизофренической раздвоенности сознания и из кричащих социальных конфликтов. Какая же ложная форма?

И тут первый наш тезис заключается в том, что им было представление о справедливости членов соседской крестьянской общины, которая в связи с распространением капиталистических отношений (после реформ 1860-70-х гг.) вошла в состояние кризиса, но, тем не менее, искусственно удерживалась правившей в дореволюционной России государственной бюрократией от распада в качестве социальной единицы, удобной для эксплуатации со стороны этой бюрократии. В результате крестьянская община деформировалась настолько, что породило сознание большевизма. Именно господствовавший в России бедный крестьянин-общинник был главным историческим субъектом разрушительной деятельности в 1917 – 21 гг. (то, что его организовали городские интеллигенты с леворади-

кальным сознанием, назвавшие себя коммунистами, только усложняет картину, но не меняет её общей композиции, которую тут мы очерчиваем лишь в грубых контурах). Крестьянин-общинник, превратившись в рабочего заводов в результате сталинской индустриализации, стал создателем нового общества, назвавшего себя социалистическим в 1936 г., в 1977 г. – «развито-социалистическим», а в 1991 г. сметённым с исторической арены под действием общего кризиса, которым капиталистическое «глобальное сверхобщество» воспользовалось в своих интересах. В результате чего Россия была направлена на «нисходящую модель эволюции», по выражению А. Зиновьева, то есть, проще говоря, прогрессирующей деградации, конца-края которой не видно. Если зреть в корень, то становится очевидным, что деформированная дореволюционная соседская община после массового переезда бывших крестьян-бедняков в города в 30-е гг. XX в. (точнее, вместе со строительством ими этих городов) превратилась в квази-общинную организацию, которую А. Зиновьев называет коммунальностью. Именно коммунальность и была «клеточкой» советского общественного строя, именно её разложение вызвало общий кризис социализма, а возрождение на новом историческом уровне привело к относительной стабилизации в государстве после 2000 г.. Целостной теории коммунальности ещё не построено: если тот же Зиновьев в период своего диссидентства в СССР и вынужденной эмиграции на Запад акцентировал негативные черты коммунальности, то в 90-е гг. и после своего возвращения в Россию, т.е. в период своего уже постсоветского диссидентства, стал указывать на множество позитивных черт коммунальности. Великому русскому философу и социологу жизни не хватило, чтобы проанализировать коммунальность в её диалектичной многоаспектности (тут его дополняют исследования С. Кара-Мурзы, особенно изложенные в книге «Советская цивилизация») – значит, он именно нашему поколению и завещал такую творческую сверхзадачу. Разрешить её по сути дела означает – подобрать ключ к одному из главных духовных феноменов российской цивилизации.

Мы же в данном тексте пока что ограничимся методологической постановкой вопросов, памятуя о мысли А. Эйнштейна, что в науке правильная постановка вопроса есть наполовину гарантия получения на них ответа. Но вот что несомненно: эта форма понимания справедливости потерпела крах, так почему же? Потому что крестьянская и коммунально-общинная справедливость в описанном смысле есть такая, что основывается на глубинном архетипе «чёрного передела» всех земель в общине. Сам этот передел можно осмыслить как некое сакральное событие, когда все в короткое время братаются, а имущество становится общим (или Божьим – русский народ был до последнего времени религиозным, правда, скорее не в православно-христианской, а, возможно, преимущественно в христианизированно-языческой, или ещё глубже – ведической форме). Поэтому для по-

стижения архетипа «чёрного передела» может хорошо работать методология осмысления карнавала, реализованная М. Бахтиным в общеизвестной книге о М. Рабле. Вся революция 1917 г. и последовавшие за нею разрушительные события были временем господства именно такой формы общественного сознания. Однако по второму кругу народ пока по той же колее судьбы не пошёл, остановившись у края пропасти в октябре 1993 г., возможно, потому, что на генетическом уровне исторической памяти извлёк урок из событий теперь уже 100-летней давности.

В чём же состоит ложность этой формы осмысления справедливости на базе архетипа «чёрного передела»? Ответить на этот вопрос означает по сути дела совершить критику исторического опыта России за 100 лет, что может быть только результатом глубоких исследований. Здесь мы можем высказать лишь самые общие идеи, причём, нас будет вести сама методология: ложность революции как «чёрного передела» состоит в том, что она заканчивается поражением (пусть и через 77 лет, но что этот срок значит в масштабах всей истории? Миг!). А почему? *Потому что такая революция карнавальна по своей сути* (автор текста здесь имеет в виду метафизическую сущность революции, а то, что исторические события сопровождалось чудовищным насилием над обществом и конкретными людьми, должно стать предметом специального рассмотрения). Есть хороший карнавал (1917 –21 гг.), перевернувший мир, и плохой карнавал (1989 –91 гг.), тоже его изменивший (только в худшую сторону), причём, не только в странах бывшего СССР, но и на Западе. Именно после окончательного крушения СССР началась безудержная экспансия виртуально-финансового капитализма, который через несколько лет, похоже, придёт к своему окончательному и «горячему» краху. Но в обоих случаях того, что хотели творцы революций, они не достигли, а того, что достигли, восприняли бы с глубоким сожалением, если бы перенеслись в будущее. А что недостаточного в карнавале? Да, он открывает людям разгадку загадки конечных смыслов бытия – по Бахтину, смыслов жизни и смерти, но сам по себе *не порождает* эти смыслы; он просто вводит людей в определённую *настроенность сознания*, в которой они *ещё должны* сотворить эти смыслы, а дальше всё зависит как раз от их предельного творческого усилия и способности его оформить в результаты технического, экономического, социального, культурного, семейного и прочих видов труда.

Вот и получается, что русский народ оказался неспособным ни в 1921 – 91 гг., ни после 1991 г. к этому усилию, хотя немало продвинулся на этом пути и познал великие обретения, особенно, в 1941 – 45 гг., в 1961 году и на пике своего развития в конце 60-х – начале 70-х гг. Впрочем, А. Зиновьев верил, что в глобальной войне сверхобщества за окончательное порабощение России, что вошла в горячую фазу после 1991 г., «ещё будет свой Сталинград». С позиции нашего опыта мы пока должны с умеренным пессимизмом констатировать, что к такому

усилию русские люди всё ещё оказались неспособными: они так и не построили процветающее и свободное общество, о чём мечтали, затеяв перестройку, а создали какого-то «рогатого зайца, достойного музея исторических уродцев» (по выражению того же А. Зиновьева), а в последние годы напрягают все силы ради элементарного самосохранения, индивидуального и коллективного... Почему же так обстоят дела?

Первый ответ, который напрашивается и который очень вероятен: россиянам в XX веке не хватило энергии повышенной человеческой активности, которую Л.Н. Гумилёв обозначил термином «пассионарность». Способность изменять мир в соответствии с постигнутым в духовном умозрении идеалом Гумилёв считал самым ценным, созидающим историю этноса (а, если почитать его труды, то по сути дела именно из этногенезов и этнораспадов и образуется всемирная история). При этом для Гумилёва не было принципиально важным, что это за идеал – допустим, для монголо-татар это было «дойти до последнего моря», как мы помним из знаменитых романов В. Яна, что читали в детстве, а для коммунистов – общество социальной справедливости в глобальном масштабе; главное, чтобы была энергия, кратно превосходившая ту, что есть у «гармоничной особи» (у которой инстинкт самосохранения и служение идеалам уравновешены и в итоге составляют 0). В результате идеалы воплощаются в жизнь с той или иной степенью приближения – монголы дошли не до берегов Атлантики, а до степей Венгрии, а советские коммунисты сумели сделать треть мира почти на 25 лет (начиная реально с 60-х гг. и до середины 80-х гг. XX в.) зоной своего влияния. Впрочем, в этом месте мы можем скорректировать Гумилёва: разные идеалы есть разные степени приближения к абсолютной истине, к реализации окончательного исторического предназначения человечества. Здесь нам уже придётся прибегнуть к наиболее мистическим частям философии истории Гегеля о духе времени, который воплощается в определённом народе в определённый исторический период и который осознают великие личности наподобие Наполеона, становящиеся теми самыми центрами притяжения человеческой активности...

В общем, в пространстве спекулятивного знания мы можем далеко продвинуться, но для раскрытия темы наше пребывание там уже мало что даёт. Пассионарность даже для Гумилёва была чем-то непостижимым, объясняемым влиянием Космоса на человечество, которое приводит к мутациям в человеческих популяциях и к образованию генов пассионарности в её носителях. Этот процесс людям совершенно неподконтролен и непостижим; пассионарность даже невозможно объективно измерить – но «гармоничные особи» всегда чувствуют присутствие пассионариев и способны индуцироваться ими (впрочем, не отдавая себе в этом отчёта). Наконец, пассионарность напрямую не связана с одарённостью и с та-

лантливостью, последние только могут породить с первой симбиоз, вызывающих к жизни гениев в той или иной области.

Мы не можем раскрыть тему, если будем основываться на такой ненадёжной категории, исследования которой ещё предстоят в будущем (причём, по сути дела, полем эксперимента будет этногенез в глобальном масштабе). Можно лишь в завершение этого аспекта рассуждений отметить, что носителей повышенной пассионарности в России следует искать прежде всего там, где возник в последние 100 лет новый мир и где люди ощущали себя его творцами. Как ни странно, при такой постановке вопроса самый высокий её уровень будет, вероятно, не в буржуазной Москве (которая притягивает к себе скорее не пассионариев, а «гармоничных особей», мечтающих о благополучной жизни по западному типу), а на Севере России (где соблюдается баланс сравнительно высокого уровня жизни, суровых условий и возможности их изменения, что благоприятен как раз для того, чтобы стать предметом творческого преодоления). Может, настоящее возрождение России в XXI веке начнётся именно с Севера...

Поэтому мы поищем ответ на поставленный вопрос где-нибудь в более надёжном месте, и тут нам поможет ещё одна знаменитая мысль Л.Н. Гумилёва, которую мог сказать только человек творческий: «Культура есть кристаллизованная пассионарность». Действительно, если некие новые энергии из неисчерпаемого и непостижимого бесконечного бытия (а мы живём в многоуровневой реальности) придут в наш человеческий мир, а у людей не будет органа для их адекватного восприятия и орудия для их конструктивного оформления, то эти энергии лишь разрушат те результаты труда, что оставили предыдущие поколения, но ничего взамен не дадут. Более того: эти энергии уйдут в непостижимом направлении, оставив после себя хаос, а люди через некоторое время будут задаваться вопросом: а что и – самое главное – зачем это, собственно говоря, было?

В этом месте текста нет особого смысла распространяться о известных после «Вех» и работ И. Ильина темах о недоразвитости в нашей стране самых главных форм культурного творчества, которые гарантировали бы успех социального созидания: у нас в России довольно слаб общий уровень образования, довольно силён слой среди интеллигенции полуобразованных людей, вообще городская цивилизация оказалась развитой недостаточно (поэтому в 90-е годы была потеряна фактически половина производительных сил и не восстановлена до сих пор). У нас слабы также институты права, частной собственности, вырастающие из них институты демократии и правового государства. И вообще у нас большой редкостью являются самостоятельные личности, независимые не только от государства, но и в целом от коммунальности – борьба выдающегося человека с последней служит одной из главных тем социологических романов А. Зиновьева, в основном оканчивающихся поражением личности. ...Коммунальность забирает у человека

слишком много энергии на разного рода интриги и борьбу за выживание, поскольку именно от места в иерархии, т.е. близости к непосредственному начальству зависит социальный статус человека и соответственно доля коллективных благ, которая ему причитается при распределении. С другой стороны, правящая в России государственная бюрократия использует коммунальность для эксплуатации общества в целом, монополизировав функцию распределения и распределяя результаты труда членов коммунальных общин в своих интересах, ради сохранения своего господства, имеющего в нашу эпоху разнообразные формы «кормления» (именно так стоит более правильно называть коррупцию в современной России). Поэтому, если культура, частная собственность, высокое образование в России и создавались, то во многом не благодаря, а вопреки системе, путём героических усилий одиночек, живущих в немыслимых для человека Запада условиях. Результаты их труда долгое время игнорируются и востребуются в обществе, как правило, только тогда, когда наступает очередной исторический перелом. Поэтому К. Чуковский и говорил: «В России надо жить долго: тогда есть шанс до чего-нибудь дожить».

После Революции 1917 года широкие массы дотеле угнетённых классов (крестьянской бедноты, к которой вследствие неправильной реформы 1861 г. относилось большинство крестьян, а также городского пролетариата) были приобщены к социальному творчеству. В 90-е г. на короткий срок была благоприятная ситуация, по выражению того же А. Зиновьева, для создания «ячеек деловой активности», да и интеллигенция на короткий срок пережила звёздный час своего авторитета среди народа в качестве критиков коммунистического режима. По прошествии времени мы видим вновь ситуацию творчества «не благодаря, а вопреки» системе, так что приходим к грустному выводу о том, что идея справедливости для своего воплощения требует совершенно иных энергий человеческой активности и совершенно иных форм социально-культурного творчества, чем те, что может русским людям предоставить господствующая коммунальность.

Что ж, нам предстоит через пару поколений окончательно деградировать, превратиться в «русоидов», как предупреждал опять-таки А. Зиновьев; и россиянином через 50 лет станет человек с китайскими, среднеазиатскими и кавказскими корнями? Нам остаётся надеяться только на чудо, так что справедливость чудо и есть?

И в этом месте наш анализ как раз и приходит к интересному выводу, если только мы спросим себя: а что такое, собственно говоря, чудо? Это есть вмешательство детерминированности высшего уровня в детерминированность низшего уровня, писал великий индийский мыслитель Шри Ауробиндо. На научном языке чудо есть качественный переход в любой системе, выступающий результатом хаоса, если только последний будет не разрушительным, а созидательным. После

хаоса происходит возвращение к нереализованному позитивному содержанию альтернатив прошлых качественных состояний. Эту мысль автор обосновал в своих книгах. Примеры: если в идее коммунизма было подлинное содержание, которое не сумело воплотиться в силу исторической недостаточности предпосылок для осуществления в советский период, поэтому было искажено в советской системе и стало альтернативой последней в виде некоего «демократического социализма» Горбачёва, то в ходе всемирного кризиса ещё возникнут условия для реализации этого неведомого и кажущегося сейчас загадочным содержания, и именно в той форме, о которой мечтали «застрельщики перестройки» (как бы они сейчас не были ненавидимы и непонимаемы). Точно так же мы сейчас наблюдаем опыт воплощения идеала православного государства, который не мог реализоваться до 1917 г. и который тем не менее представляет собой альтернативу нынешней власти государственной бюрократии, служащей по сути дела компрадорской сырьевой буржуазии (но этой бюрократии предстоит в будущем серьёзное обновление даже не в персональном смысле, а в смысле социальном – она должна вступить в союз с прогрессивным классом отечественной промышленной буржуазии). Мы не можем сейчас представить себе детально контуров новой формы осмысления справедливости, которые примет новая социокультурная система после трансформации или даже крушения существующей сейчас в России системы вместе с крахом глобального неолиберального капитализма. Поэтому концовку статьи о справедливости мы сделаем напоминающей уже не научный анализ, а эссе.

Итак, на смену одностороннему научно-техническому развитию может быть предложен новый путь духовного самосовершенствования человечества в глобальном масштабе через диалог между различными религиозными и духовными учениями современности, идею которого высказал Даниил Андреев в «Розе Мира». При этом надо придерживаться не буквы, а духа анализа Андреева: необходимо реформировать его позицию с целью освобождения её от односторонностей в интерпретации христианства, а также соединить её с позицией П. Сорокина. С точки зрения последнего, человечеству предстоит в будущем переход от чувственной формы социокультурной реальности к интегральной, основанной на реализации метафизической энергии братской любви (агапе) в человеческом мире. Но для этого нам, людям, необходимо найти в себе новые источники креативности. Их поиск активно ведётся в передовых отраслях науки (в современной американской философии мозг уже рассматривается как квантовый объект, а компьютеры нового поколения основываются уже не на принципах «да» – «нет», т.е. двоичного кода, соответствующего «плотскому разуму» в его изображении Апостолом Павлом и рассудку в его понимании Гегелем, а на принципах квантовой суперпозиции, т.е. как бы движения энергии и информации одновременно по раз-

ным направлениям, ведущим к взаимообогащению качественно различных энерго-информационных потоков). Другим источником креативности станет продвижение в так называемые экстремальные ситуации и природные зоны. Поэтому мысль о том, что Арктика становится приоритетом для России, надо понимать не только как конъюнктурный лозунг, а как начало долгого пути возрождения (вплоть до нового пассионарного толчка на Севере, который приведёт к тому, что поле повышенной пассионарности в Арктике будет привлекать наиболее активное и пока не находящее себе применения «лишнее» население Тропической Африки, Китая, Индии, Кавказа и др. регионов Земли). На Севере возникнет поколение очень талантливых детей в результате смешения разных генов. Именно на основе новых источников креативности и начнётся новое социальное творчество в глобальном масштабе, что приведёт к преодолению общего кризиса капитализма. А базовым классом, призванным в современную эпоху диалектически «снять» господство класса капиталистов, призваны стать уже не пролетарии, а творцы, как это показал в своих трудах лидер Школы постсоветского критического марксизма А. В. Бугалин. В результате, научно-техническая цивилизация может превратиться в цивилизацию органическую, соответствующую заветам великих русских мыслителей, которые обосновывали «философию мира как органической целостности»: В. Соловьёва, Н. Лосского, П. Флоренского, А. Лосева. Именно на этом пути и может быть достигнут синтез немецкого рационализма и российской духовности, о котором писал автор в одной из своих книг. А базисом этого синтеза будет синтез материализма и идеализма, который и заложит новый мировоззренческий фундамент под новую теорию справедливости, что послужит творческим продолжением и диалектическим снятием коммунистической теории К. Маркса.

КОСМИЧЕСКАЯ РУССКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ – ПРАВДА ДЛЯ ВСЕХ

В. Ф. Гановичев

В отношении друг к другу все люди нетождественны (различны в своих особенностях) и ... в то же время тождественны (едины в плане принадлежности к роду человеческому). Иными словами, они абсолютно равны по своей всеобщей сущности и абсолютно неравны друг другу по своим акциденциям – формам проявления этой сущности. Единство этих противоположных моментов человеческой связи – тождества и нетождества другим, разности и единородности («от одной крови Он произвёл весь род человеческий...», Деян.17:26), неравности и равенства применительно к общественным отношениям есть основание социальной гармонии и источник удовлетворённости индивида (проявляющееся как чувство и сознание справедливости, правды). Чувство несправедливости, неправды, непро-

тив, есть ощущение дисгармонии, неудовлетворённость отношениями, осознаваемые как нарушение баланса этих моментов связи в частных и общественных отношениях, субъективная реакция на игнорирование одного из них со стороны другого субъекта, общества или государства.

Игнорирование различий при уравнивании (например, по качеству или количеству потребления и труда), различающихся по способностям и потребностям членов общества, неизбежно порождает несправедливость. Всем понятно, что инвалид или беременная женщина не могут трудиться наравне со здоровым мужчиной, а взрослый человек имеет большие потребности, чем младенец или старик, и здесь очевидна абсурдность уравниловки. Настолько же нелепо уничтожение талантов, нравственных качеств, самоотверженной общественной деятельности человека лишь по причине его принадлежности к непрестижной части общества, инородства или других, не связанных с достоинствами личности, особенностей. Отвержение сущностной единоприродности, когда люди жёстко разделяются на принципиально различные категории, также пробуждает острое чувство несправедливости.

По-настоящему справедливые отношения не устраняют неравенство и не закрепляют природное различие, но дают полностью утвердиться обеим характеристикам как равенство неравных. В полной мере такой подход имеет место в умонастроении русского человека, потому что только в русском понимании справедливости тождественность человека не ограничивается своим сообществом, но распространяется на всех обитателей Земли. Русский человек способен увидеть в самом далёком и отличном от себя равного себе (по человеческому достоинству), потому на русской почве не могут прижиться расовые, ксенофобские идеологии. Всеохватность Русской Правды возвышает её до абсолютной, Божественной Правды и приравнивает к ней. Глобальный масштаб видения равенства и неравенства людей ориентирует русское сознание на установление справедливости не только в рамках однородного сообщества, но и среди культурно разнородных народов и государств Планеты.

Справедливость обитает в сфере чувств и сознания субъекта. Чувство может быть ложным, обманывать. Неудовлетворённость и разлад в отношениях всегда присутствуют у несовершенного человека, но недостаток, слабость осознания («кто виноват?») позволяет переносить причину вовне – в мнимые эгоизм партнёра, безразличие общества, бесчеловечность государства и даже злую волю Бога – и порождает обиду на весь мир. Если дисбаланс имеет место, но приносит преимущества человеку, удовлетворяет его лично, то при отсутствии сознания разлада (совести) его чувство справедливости не подаёт своего голоса. Субъективное сознание также может быть не более чем заблуждением, выдающим «чёрное за белое, а белое за чёрное». Можно обмануть чувство справедливости, усыпить со-

весть затуманиванием сознания лживыми теориями. Нестойкость чувства и субъективного ума позволяют существование в мире несправедливости. Культура Востока достигла больших высот в управлении чувствами, западная культура – в обуздании ума, но только соединение разума и совести в мудрой святости (к чему устремляет русская культура покаяния – «перемены ума») способно стать неизблемым критерием и бдительным стражем справедливости.

Равенство людей – это не только ничтожность всякого частного, особенного перед всеобщей сущностью, но и величие этого сущностного во всякой особенной форме. Справедливость осуществляется не только в уничтожении всякого отдельного человека перед высшим – законом, обществом и Богом, но и в возвеличении его самого как образа Божьего. Поэтому тотальное господство закона не несёт справедливости – реализация человеком духовной, Божественной потенции возвышает его над законом. Ни закон, ни мораль – никакие внешние нормативы не способны принести удовлетворение русскому чувству справедливости, никогда не избавляли от чувства обиды, от нигилизма, бунта.

Благодать и милость (которые превосходят закон) – одни из главных ценностей русского человека. «Закон что дышло – куда повернул, туда и вышло» – негативный смысл эта русская поговорка приобретает в том случае, когда он поворачивается в пользу частных интересов и так уже обласканного судьбой лица. Справедливость же по-русски – когда закон закрывает глаза на проступки маленького, но имеющего достоинство человека (но неумолим в отношении «сильных мира сего»), а нравственному, духовному человеку позволено нарушать правила (потому что он способен творить только благие дела).

Ключевые понятия русской справедливости – единение и родство. Никогда русский человек не бывает удовлетворён, если он отчуждён от общества, если оно ему чужое, а он чужой в нём. При отстранении от социального организма возникает чувство несправедливости, чувство потери причастия целому. В русского человека его величайшей культурой вложено ощущение сопричастности всей вселенной. Природный русский космизм заставляет авансом видеть всякий уголок земли как свой, а всякого человека как своего брата (до тех пор, пока это единение не будет нарушено). Разрушение единства, отчуждение вызывает чувство несправедливости, оскорбления лучших побуждений.

Русский – всеобщий человек, а не частный. Он не считает племенной критерий («у нас украли – плохо, мы украли – хорошо») справедливым не потому, что закон един, а потому, что всяк человек един – унижая одного, унижен всеобщий человек. Русское чувство несправедливости – это чувство оскорбления в своём лице человека вообще, что соответствует учению Христа: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» («Тогда скажет и тем, которые по левую сто-

рону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?» Тогда скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне», Мф 25:41-45).

Русская справедливость торжествует только там, где отношения в обществе строятся по принципу семьи, по принципу единого организма, в котором нет чужих, а значит, ненужных. В своих исторических поисках Царства Правды русский человек не обращается к Западу, где царит бездушный закон, низводящий личность до «винтика социального механизма», разлагая общество на частные «атомы», но интуитивно стремится на Восток, где господствует идея служения большему, чем частный человек, что превращает общество в единую семью, так чаемую русской душой. Отсюда вера в сказочное «Опоньское Царство» (в реальности оказавшееся японским разочарованием – «пришёл к своим, свои Его не приняли»). Русский поиск идеального места – это поиск любви и уважения со стороны окружающих его людей.

Люди западной культуры не видят высшего достоинства ни в себе, ни над собой – они согласны со своим ничтожеством перед законами (которые также ничтожны). Восток – абсолютная сакральность закона и традиции. Люди Востока сознают величие целого и отдаются ему как частички, имеющие функциональное достоинство в нём. Человек русской культуры, даже будучи наименьшим в социальной иерархии, ощущает своё абсолютное достоинство как человека, как образа Творца.

Обе стороны всеобщего равенства – и в умалении перед Высшим, и в возвышении до «Божественных пределов» – осуществляются в сообществе, построенном по принципу любящей семьи, когда наименьший и наислабейший получает наибольшее попечение и снисхождение. В любящей семье чувство обделённости преходяще, не превращается в затаённую обиду, ибо нет другой такой семьи, где бы он был так любим даже в наказании, где бы он всегда оставался своим, а не в отчуждении («я другой такой страны не знаю...») – вот пример русского сознания справедливости, праведности родного сообщества).

Справедливость является не только предметом постоянной (неудовлетворённой в истории) жажды русского человека, но все её аспекты исторически выявлены в общественных отношениях (как внутри русского культурного пространства, так и вне его), что даёт уникальный и достаточный опыт для полного и повсеместного осуществления Правды на Земле – Правды по-русски.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Г. Ю. Канарш

Основной тренд развития современного российского общества, активно реализуемый сегодня властью, – защита национальных интересов России. Этот тренд со всей очевидностью проявляет себя и на постсоветском пространстве (ситуация в Украине, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье), и на более дальних рубежах (Ближний Восток – Сирия). Безусловно, укрепление российской государственности, ее военно-политической мощи представляется важной (если не ключевой) задачей, на которую откликаются сердца большинства россиян. Однако не менее важной, с нашей точки зрения, является задача решения насущных внутриполитических проблем – и прежде всего, проблемы бедности и неравенства. Думается, что устойчивость развития России как государства-цивилизации [4] зависит сегодня в значительной мере и от того, как и в какой мере будут решаться указанные проблемы, без чего невозможно достижение внутривнутриполитической стабильности и гражданского мира.

Итак, первый вопрос, который возникает: как же обстоят дела с бедностью и неравенством в современной России? Почему именно этот – социальный – вопрос является на сегодняшний день наиболее тревожащим? Как показывают существующие исследования, ответ на вопрос о социальном благополучии современного российского общества не является однозначным. С одной стороны, на всем протяжении 2000-х гг. (а также, начала 2010-х гг.) общее благополучие российского общества постоянно возрастало. В первую очередь, как известно, это было связано с нефтегазовыми доходами, но не только: постепенно улучшалось положение в промышленности и сельском хозяйстве, росли доходы населения. Улучшалось положение в сфере обеспеченности жильем, а также в сфере товарного потребления [5, с. 39–40]. Однако с другой стороны, рост общего благополучия сопровождался растущей социальной дифференциацией, когда доходы наиболее благополучной части населения (верхние 10%) в разы отличались от доходов нижней прослойки (нижние 10%). Так, различие в доходах верхних и нижних 10% процентов населения оценивается социологами как девятикратное, а различие между самым верхним и самым нижним процентами уже как сорокакратное [5, с. 26]. Фиксируется также крайне неравномерное распределение доходов среди населения: так, на долю 60% населения страны приходится лишь 29,9% общего объема денежных доходов [5, с. 28]. Во многом то же самое можно сказать и о росте товарного потребления. С одной стороны, как мы сказали выше, происходит

его значительное увеличение, однако с другой стороны, товарное потребление существенно различается в группах населения с неодинаковым доходом.

Итак, в целом можно говорить об увеличении общего благосостояния российского общества на протяжении последних 17 лет (с начала 2000-х гг.), однако все это время рост благосостояния сопровождается увеличением социальных неравенств, что не позволяет отнести российское общество к подлинно благополучным. Более того, подавляющее большинство россиян считает существующие неравенства не только чрезмерно большими, но и нелегитимными. Ситуация усугубляется также тем, что для большинства не видно возможностей самостоятельного преодоления существующего положения дел, поскольку нынешний социальный порядок организован таким образом, что каналы восходящей социальной мобильности оказываются заблокированными. Т. е., иными словами, общество устроено так, что существующие институты служат в первую очередь интересам богатых слоев. При этом, как показывают исследования Института социологии РАН, нельзя говорить о том, что нынешние поколения россиян хотели бы жить в обществе полного социального равенства: речь идет о том, что неравенства (даже достаточно глубокие) признаются легитимными, но лишь в том случае, если они проистекают из более высокого уровня образования, квалификации, либо трудового вклада. И естественно, предполагают наличие честных возможностей для продвижения по социальной лестнице. «Таким образом, выбор общества равных возможностей – это устойчивая норма российской культуры, и, говоря о более справедливо устроенном обществе, две трети населения подразумевают именно равенство возможностей, а не доходов и уровня жизни» [3, с. 157]. Отличительной чертой российского социума в этом отношении является так же то, что основные надежды по достижению социальной справедливости возлагаются на государство, однако парадокс заключается в том, что граждане не верят в возможность осуществления справедливого общественно-экономического порядка [3, с. 173].

Итак, согласно выводам социологов, справедливое общество в представлениях россиян – это общество равных возможностей, в котором существуют неравенства, но они рассматриваются как справедливые и необходимые, с точки зрения развития экономики. С точки зрения же социальной структуры, идеальное общество – это общество не богатых и не бедных, но общество *средних слоев*, отличающихся устойчивым социально-экономическим статусом и достаточно высокими стандартами потребления. В целом, можно говорить о том, что такие представления вполне соответствуют европейским и делают российскую культуру частью общеевропейской. В практическом же плане это означает необходимость более активной государственной политики, направленной как на социальную поддержку наименее обеспеченных, так и на выравнивание доходов и создание

условий для роста численности среднего класса. Иными словами, существует потребность в практической реализации одного из важнейших положений Конституции РФ – положения о социальном характере российской государственности (ст. 7).

Второй вопрос, который возникает, это вопрос о том, является ли современное российское государство социальным. Если же нет, или является не в полном смысле (как показывают приведенные выше данные исследований), то, что препятствует развитию данного типа государства в современной России, и возможно ли преодолеть данные препятствия? Опуская здесь вопрос о том, было ли советское социалистическое государство социальным (на этот счет существуют разные мнения), обратимся непосредственно к постсоветскому российскому опыту. Здесь важно то, что именно с переходом от социализма к капитализму на рубеже 1980-х – 1990-х гг. начинают складываться все основные *предпосылки* классического социального государства: институт частной собственности, рыночная экономика, классовая структура общества (класс предпринимателей и класс наемных работников). В этих условиях чрезвычайно важным оказывается и правовое (конституционное) закрепление самого принципа социального государства (Конституция 1993 г.), в соответствии с которым Россия провозглашалась таковым.

В то же время, возникновение социально-экономических предпосылок, а также законодательное закрепление принципа социального государства в Конституции РФ еще отнюдь не означало действительного воплощения идеи социального государства на практике. Напротив, хорошо известно, что период первой половины и середины 1990-х гг. – это чрезвычайно драматичное для российского общества время – и в политическом (противостояние ветвей власти, дошедшее до вооруженного столкновения), и в социально-экономическом отношении. Если иметь в виду экономику и социальную сферу, то это – время беспрецедентного падения промышленного производства, резкого сокращения количества рабочих мест, падение престижа рабочих и инженерных профессий, оттока квалифицированных кадров из производства и связанной с ним научной сферы в сферу коммерческую, а также появление новых социально уязвимых слоев населения, которые в условиях крайней финансовой недостаточности, фактически остались без материальной поддержки со стороны государства. Поэтому совершенно справедлив вывод о том, что в 1990-е гг. «...реальное обеспечение социальных гарантий, предоставляемых государством в форме законодательных установлений, находилось на чрезвычайно *низком* уровне: реальная ситуация в сфере реализации социальных прав шла прямо вразрез с закрепленной в Конституции и законах правовыми гарантиями. Население России оказалось в радикально новой ситуации, характеризующейся беспрецедентно высоким уровнем всех видов *социальных рисков*» [2, с. 136]. При этом справедливо отмечается, что социальная инфраструкту-

ра, оставшаяся еще со времен СССР (системы образования, здравоохранения, социального обеспечения), в условиях отсутствия попыток ее реформирования, фактически функционировала инерционным образом, а личные материальные запасы граждан были к тому времени практически истощены (в условиях либерализации цен и связанной с ней начавшейся гиперинфляцией). Поэтому, не случайно социально-экономическое положение основного количества населения России в тот период характеризуется многими исследователями как *адаптация* (или попросту выживание).

В то же время, именно в этот период, как мы уже отметили выше, в России начинают закладываться основы социального государства – прежде всего в форме соответствующих правовых установлений, но не только: в начале 1990-х гг. в стране, в соответствии с новыми социально-экономическими условиями (капиталистическая экономика) начинает развиваться система *социального страхования*, возникают ключевые для этой системы государственные учреждения: Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, Фонд обязательного медицинского страхования (его федеральное и региональные отделения), а также просуществовавший до 2001 г. Государственный фонд занятости населения. Именно эти учреждения должны были играть в условиях новой общественно-экономической формации роль аккумулятора денежных средств для страхования основных социальных рисков и осуществления полноценной социальной политики. «Именно эти фонды существенно облегчили адаптацию населения к рынку, обеспечили социальную стабильность, несмотря на грандиозные потрясения, и заложили основы построения социального государства» [2, с. 137].

Если говорить про 2000-е гг., то они известны как период относительной стабилизации и в политической, и в социально-экономической ситуации в стране, связанный, с одной стороны, с политикой нового президента России В. В. Путина, а с другой – с высокими ценами на энергоносители, и получением в связи с этим государством огромных доходов от продажи нефти и газа, которые позволили расплатиться по внешним долгам, сформировать бездефицитный бюджет, и значительно поднять материальный уровень жизни населения (прежде всего, за счет увеличения зарплаты, а так же определенных социальных программ). В то же время, период президентства В. В. Путина – это и время значительно увеличившегося социального расслоения (основы которого были заложены еще в 1990-е гг., прежде всего в связи с массовой приватизацией). Кроме этого, внутренние противоречия этого периода (2000-е гг.) связаны так же с непоследовательностью социальной политики (в частности, с отменой в начале 2000-х гг. страховых отчислений работодателей и введение Единого социального налога), а также с фактически принимавшимися попытками части политической и экономической элиты страны осуществить демонтаж социального государства под видом замены его т.

н. *субсидиарным государством*, т. е., попросту говоря, заменить ключевой для социального государства принцип коллективной ответственности (посредством систем социального страхования, а также налогового перераспределения) принципом самоответственности граждан, лишь в вынужденных случаях дополняемым принципом общественной солидарности [2, с. 137–138].

В результате, в настоящий момент можно говорить лишь о наличии в России необходимых *предпосылок* для создания социального государства (социально-экономических, правовых, институциональных, ценностных), но как таковое социальное государство в России все еще не сформировано [2, с. 143].

Но что же, в конечном счете, является главным препятствием для складывания полноценного социального государства в России? Ответ на этот вопрос предполагает анализ фундаментальных *политико-экономических оснований* современного российского общества.

Как показывает, например, экономист О. А. Александрова, для современной России характерно отсутствие фундаментального консенсуса между элитами и массами, что становится главной причиной того, что социальное государство в нашей стране не развивается (а точнее, следовало бы говорить о его фактическом демонтаже). Как показывает исследователь, для всех моделей социального государства, известных в настоящее время, характерен примерно один и тот же механизм связи между экономикой и социальной сферой, который успешно «работает» одновременно на развитие и той, и другой. Этот механизм заключается в наличии, с одной стороны, развитой системы социальных трансфертов, что обеспечивает массовый платежеспособный спрос, а с другой стороны, прогрессивной шкалы налогообложения, благодаря которой удастся аккумулировать финансовые ресурсы для: а) их последующего частичного перераспределения, и б) необходимых вложений в развитие промышленности (инвестиций). Эти элементы дополняются также системой льготного налогообложения для тех или иных групп отечественных производителей, что также стимулирует производство. Таким образом, что характерно именно для социального государства, не экономика, и не социальная сфера оказываются однозначно доминирующими, но возникает их *плодотворное взаимодействие, взаимообусловленность* [1, с. 56–57].

Что же отличает в этом плане Россию? В нашей стране ситуация прямо противоположна вышеописанной модели, и она принципиально не изменилась по сравнению с концом 2000-х гг. Мы по-прежнему имеем плоскую (а не прогрессивную) шкалу налогообложения, регрессивную шкалу отчислений в социальные фонды, отсутствие специальных налогов на наследство и предметы роскоши, крайне низкие ассигнования на социальную сферу и науку, сохраняющуюся политику занижения прогнозных цен на энергоносители, «излишки» от которых вкладываются не в развитие отечественной экономики, а в соответствующие резерв-

ные фонды (а фактически, в зарубежные ценные бумаги), разительные перекосы в соотношении федерального и региональных бюджетов (когда основные расходы перекладываются на региональный и местный уровень), неадекватность управления государственным имуществом (приватизация наиболее доходных государственных активов), столь же неадекватные промышленную и кредитно-денежную политику (работающие в интересах естественных монополий, но не в интересах основной массы населения, а также мелкого и среднего бизнеса). Анализ данной ситуации вполне естественно приводит к следующему выводу: «подобная социально-экономическая политика свидетельствует о том, что вопреки риторике основной задачей российского государства по-прежнему является *всемерный учет и продвижение интересов сформировавшейся в последнее двадцатилетие политико-экономической элиты и ее зарубежных партнеров*. И потому нехватка бюджетных средств – следствие описанной выше политики – компенсируется за счет усиления разного рода поборов с большинства населения, перекладывания на население все большего объема платежей в социальной сфере, фактического регресса в социальных обязательствах государства, снижения доступности качественного образования и здравоохранения для существенной части россиян» (курсив мой. – Г. К.) [1, с. 61–62].

Здесь возникает закономерный вопрос: что за политико-экономическая система сложилась в настоящее время в России, какова ее природа и особенности функционирования? Как показывают другие авторитетные исследователи, эту систему можно было бы охарактеризовать как абсолютное доминирование государственной бюрократии, при одновременной слабости («рыхлости») государства. Так, отечественный исследователь социального государства, политолог А. Ф. Храмцов в своих работах предлагает именовать данную систему «бюролиберализмом», обозначая этим термином всевластие бюрократии, фактически существующей исключительно ради собственных узкокорпоративных интересов, но мимикрирующую под некий прогрессивный либеральный правящий класс, действующий во имя общего блага и – главное – в полном соответствии с мировыми стандартами социального государства [6]. Однако, как убедительно показывает исследователь, реальная ситуация такова, что в России фактически создано *социальное государство для бюрократии*, которое вполне успешно функционирует на трех уровнях (или ярусах, как говорит Храмцов) – *федерального бюджета, уровне внебюджетных фондов и на остаточном уровне простого населения*, – осуществляя политику перераспределения не «сверху вниз», как в нормальных европейских социальных государствах, а наоборот, «снизу вверх», т.е. исключительно в интересах правящего класса. Реальным выходом из данного положения могла бы стать политическая демократизация (и прежде всего, создание конкурентной партийно-политической системы, формирующей независимую законода-

тельную власть, а также правительство), и развитие институтов гражданского общества [6, с. 227], однако надежды на скорое изменение ситуации в этих сферах весьма и весьма небольшие.

Таким образом, как бы пессимистично не звучал основной вывод, надежды на цивилизованное развитие социального государства в России по-прежнему остаются весьма туманными, по крайней мере, до тех пор, пока реально не изменится сама *политико-экономическая структура* российского общества (т. е. не произойдет реальная деbüroкратизация и рост влияния гражданских, низовых структур). Сложившаяся же ситуация (особенно рост коррупции, захватившей все сферы общества и структуры государственного управления) создает *крайне опасную ситуацию* в плане устойчивого развития российского общества в ситуации глобальных вызовов.

Список использованной литературы:

1. Александрова О. А. Социальное государство в современной России: развитие или демонтаж // Вестник РГГУ. 2013. №15 (116). С. 56–57.
2. Кочеткова Л. Н. Философский дискурс о социальном государстве. М.: ИНФРА-М, 2012. 216 с.
3. Мареева С. В. Справедливость и равенство в мечтах россиян и реалии современной России // «Идеальное общество» в мечтах людей в России и Китае: [монография] / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н. Е. Тихонова; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. 424 с. С. 152–174.
4. Спиридонова В. И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. Акад. Наук, Ин-то философии; В. И. Спиридонова, Р. И. Соколова, В. Н. Шевченко; Отв. ред.: В. И. Спиридонова, В. Н. Шевченко. М.: ИФРАН, 2016. 122 с.
5. Тихонова Н. Е. Материальная сторона жизни в мечтах россиян и в реальности // «Идеальное общество» в мечтах людей в России и Китае: [монография] / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н. Е. Тихонова; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. 424 с. С. 20–45.
6. Храмцов А. Ф. Бюрократия и социальное государство. М.: ИСРАН, 2010. 244 с.

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ФЕНОМЕНУ ЛЮБВИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

И. К. Джерелиевская

Заметим, что русская культура не знала таких богатых традиций любовного романа, какие имелись в Западной Европе: у нас не было Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, Петрарки и Лауры. Тем более удивителен факт, с какой неудержимой энергией врывается тема любви в русскую культуру в конце девятнадцатого – начале двадцатого века. О любви пишут все: философы и теологи, поэты и писатели, критики и литературоведы.

В течение нескольких десятилетий о любви в России пишется больше, чем за несколько веков. Причем, все написанное отличается глубиной мысли. Ничего подобного мы не встретим в это время ни в европейской философии, ни литературе, где доминирующей концепцией, определяющей интерпретацию любви, стал фрейдизм, акцентирующий внимание на биологической природе человека.

В отличие от западной культуры русские мыслители раскрывали тему любви посредством ее связи с духовной жизнью человека – с религией, художественным творчеством, поиском новых смыслов. Поэтому в русской культурной традиции осмысление темы любви оказывается одновременно и этикой, и эстетикой, и психологией, и постижением Бога. Этот синкретизм – важнейшая особенность отношения к любви в русской культуре.

Достаточно условно можно выделить две линии в русской интерпретации любви:

- линия христианского платонизма, связанная с попытками просветления и возвышения чувственности, с защитой индивидуальной, личной любви, с отрицанием аскетизма (Вл. Соловьев, Л. Карсавин, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, З. Гиппиус);
- ортодоксально-богословское направление, ориентированное на средневековое аскетическое понимание любви исключительно как сострадания, милосердия, жалости и связанные с ним идеи христианской этики относительно семьи, брака (П. Флоренский, С. Булгаков, И. Ильин).

Между этими двумя направлениями осмысления темы любви происходила довольно острая полемика.

В духовной жизни человека любовь понималась как преодоление эгоизма, зло которого состоит не в том, что человек слишком высоко себя ценит, придает себе безусловное значение и бесконечное достоинство, а в том, что приписывая себе по справедливости безусловное значение, он несправедливо отказывает дру-

гим в этом значении, оставляя за ними только относительную ценность. Эгоизм, утверждающий человека вне всего другого, лишает его не только полноты бытия, но и смысла жизни, превращает его индивидуальность в пустую форму. Только благодаря любви возрождается истинная индивидуальность как надбиологическое начало.

Любовь как упразднение эгоизма, по мысли Вл. Соловьева, важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни. Такой процесс обусловлен нашей духовной природой, особенность которой состоит в том, что человек может, оставаясь самим собой, в своей собственной форме вместить абсолютное содержание (которое на религиозном языке называется царствием Божиим).

Н. Бердяев, следуя за Вл. Соловьевым, внес в раскрытие темы любви два принципиально новых сюжета: во-первых, любовь как особый вид энергии представляет собой вечный источник творчества (и не только художественного), поэтому природу творчества следует понимать только посредством понимания любви; во-вторых, любовь связана с красотой, она означает поиски и путь к прекрасному.

На основе изучения творчества Ф. Достоевского Н. Бердяев обнаруживает антипод любви в разврате, который, по его мысли, есть явление не физического, а метафизического характера. Разврат всегда начинается со своеволия, ложного самоутверждения, в замыкании в себе. Разврат есть разорванность. В своей разорванности человек замыкается в своем «Я», теряет способность к соединению с Богом. Если настоящая любовь – всегда любовь к другому, то разврат – любовь к себе. Разврат – это глубокое одиночество человека, уклон к небытию.

Рассуждая о понимании любви в русской культуре, нельзя не сказать об ином смысле, который вкладывали русские мыслители в понятие «сублимация». Так, полемика с психоанализом З. Фрейда составила основное содержание книги Б. Вышеславцева «Этика преображенного Эроса», где он признает за Фрейдом заслугу в том, что тому удалось обнаружить в основе самых возвышенных форм человеческого сознания (религии и искусства) подсознательные сексуальные инстинкты. Однако, по мысли Б. Вышеславцева, З. Фрейд не сумел постичь возвышающий характер сублимации, заключающийся в возведении низшего к высшему, а не к сведению высшего к низшему, как полагал Фрейд, в результате чего все возвышенные формы: индивидуальная любовь, религия, нравственность, красота представляли собой, по Фрейду, лишь подавленную сексуальность.

Подобно Н. Бердяеву Б. Вышеславцев обращается к творчеству Ф. Достоевского, в частности, он подчеркивает его мысль об идеале бессмертия как свойстве человеческой души, поэтому человеческая культура и история невозможны без

стремления к идеалу. Если бессмертие возможно через идеал, то для христианина, как полагает Ф. Достоевский, оно есть бессмертие через Христа. Но христианский идеал, по мысли Б. Вышеславцева, убедителен не только для христиан. Он есть единственно возможный и единственно мыслимый идеал, поскольку «высочайшее последнее развитие личности, полнота развития своего «Я» – это отдать себя целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно». Поэтому в русской культуре понимание любви связано с понятием бессмертия.

Заповедь Христа: «Возлюби все, как себя», призывающая к полной отдаче своего малого «Я» – остается одной и той же и для ученого, и для художника, и для святого, и для атеиста – через нее душа раздвигается до пределов Вселенной. Путь к такой Любви – жертва ограниченным, малым, своекорыстным «Я» как великое освобождение, необходимое для всякого творчества, как выход из порочного круга эгоизма в полноту всеединства.

В этой идеальной аксиоме Достоевский выделяет и другой этический аспект – взаимоотношения индивида и общества: «Я» и «Все» – иными словами, принцип соборности. Этот принцип звучит так: «индивидуальная личность и община всех лиц достигают предела развития, жертвуя друг другу всем, взаимно уничтожаясь друг для друга, и в этом уничтожении обретая всю полноту бытия».

Это значит, что личность отдает себя обществу (всем и каждому) всецело, но, с другой стороны, и общество отдает себя личности, каждой отдельной индивидуальности, – тоже всецело, представляет каждой личности все свои общественные силы, заботу и организацию для ее расцвета и развития.

Здесь Достоевский сформулировал совершенно парадоксальный принцип христианской этики: индивид и общество равноценны. Эта мысль была совершенно непонятна античному миру, она осталась непонятна и большевикам, где личность никогда не была равноценна государству. Но эта этика отрицает и западный индивидуализм, в котором личность использует все силы общества и организации для своих выгод и целей. Сформулированное Достоевским идеальное равновесие двух противоположностей (Я и Все) составляет принцип соборности, братства и любви.

Соборность и любовь, таким образом, выходят за пределы отношений человека к человеку, они расширяются до пределов всего мира, до пределов настоящего всеединства. Так, любовь в русской культуре трансформируется в единый собор, объемлющий всю полноту жизни и всю красоту бытия, которая «спасет мир».

Список использованной литературы:

1. Соловьев В. Смысл любви. // Русский Эрос, или Философия любви в России.- М.: Прогресс, 1991, - С.19-76.

2. Бердяев Н. Любовь у Достоевского. // Русский Эрос, или Философия любви в России.- М.: Прогресс, 1991, - С.273-283.
3. Вышеславцев Б. Достоевский о любви и бессмертии. // Русский Эрос, или Философия любви в России.- М.: Прогресс, 1991, - с.364-376.

ЛЮБОВЬ КАК ДОМИНАНТА РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Е. М. Владыкина

«Любовь – кольцо, а у кольца начала нет и нет конца», – читаем мы на предметах повседневного обихода средневековой Руси. Любовь – это высшая духовная потребность человека. Интересно рассмотреть, какое влияние оказывает любовь на нашу ментальность.

Сознание русского человека предельно конкретно: «Возьмешь в руки – маешь вещь». Поэтому в нашей жизни нет утонченного культивирования чувства влюбленности, отсутствует культ Прекрасной Дамы (как это имело место в европейской культуре), массово не празднуется активно внедряемый День святого Валентина – праздник всех влюбленных. 8 марта мы поздравляем всех женщин – коллег, подруг, родных и близких, а не конкретную избранную особу. Международный женский день, введенный в советское время пламенными революционерками, стал поистине народным праздником. В дореволюционной России женский день имел свой аналог – по православному календарю поздравляли женщин в честь жён-мироносиц. Можно вспомнить и дохристианские времена, празднование дня Ивана Купалы – языческую мистерию с обязательными омовениями и оргиями во славу Лады и Леля. Что касается святых Петра и Февронии, каковых православная церковь почитает истинными влюбленными, то они являют собой пример верности и нерушимости религиозного брака. А он был заключён, если верить легенде, благодаря чудесному исцелению Петра и без особого рвения с его стороны. Итак, в центре внимания – сама любовь, а не влюбленные, семья, а не чувства, женщины, а не конкретная возлюбленная.

Женщина нашим сознанием не идеализируется. Её место – не на балконе в образе утонченной аристократки, к ногам которой средневековый рыцарь несёт награбленные в Константинополе сокровища. Она – рядом, зримая, родная, необходимая. Легендарные амазонки, защищающие себя во время пребывания в военных походах мужей, былинная женщина-богатырь Василиса Микулишна, историческая Василиса Кожина – участник войны 1812 года, наводящие на фашистов ужас «ночные ведьмы»... Примеры мужества и исключительной жертвенности

русских женщин, не требующих вульгарного поклонения и в прямом смысле слова подставляющих хрупкое плечо. Но это ещё пример самоотверженной любви. Любовь, согласно нашей ментальности, есть призыв к активному действию, к подвигу. А не упоение возвышенным чувством с одухотворённым его смакованием и нюансировкой. Что характерно, само чувство допускается, переживается, но не доводится до безысходной трагедии. Пример тому – народные частушки и так называемые «страдания». Вот есть где разгуляться народному юмору – гротеску, хулиганству, иронии и самоиронии! Чувству не дают выйти из своих берегов, очерчивая определённые границы.

Ещё одна черта любви по-русски: её жизненность, оптимизация, целесообразность. Любовь – цементирующий материал для строительства семьи, общества, государства. Любовь понимается конкретно, физически. Неспроста на Руси всегда культивировали внешнюю красоту, ставили её выше богатства. Красота возбуждает чувство, она в союзе с физическим здоровьем способна укрепить род, улучшить породу и облагородить потомство. Неспроста в русском языке предпочтение какому-либо блюду, занятию и особенное отношение к конкретному человеку обозначается одним и тем же глаголом – «люблю».

Русские – народ темпераментный, но в то же время сдерживаемый многовековой христианской традицией. Всё, что выходит за границы установленного обществом и религией идеала, мы безапелляционно окрещиваем блудом и грехом. Не впадая при этом в фарисейскую праведность и назидательность. Допуская порок как слабость человеческой природы, мы крепко держимся за наши духовные лекала. Наша национальная черта – установить границы дозволенного и обязательно их нарушить. Так устроена наша психика, это предписывал и аграрный календарь, где всенародные языческие гуляния с обязательным ритуальным переданием и всевозможными излишествами сменялись жёстким постом. Своего рода хлыстовство. Однако никакая любовь в наших глазах не может оправдать преступление, предательство, подлость. В русской ментальности любовь никогда не будет являться смягчающим вину обстоятельством. Сам собою напрашивается литературный пример – гоголевский «Тарас Бульба».

Любовь есть гармония повседневности. Проведённая через религиозное чувство, она заряжает и наэлектризовывает всё пространство. Любовь понимается, прежде всего, как лад, как гармоничное домостроительство и мироустройство. Это не сугубо личное, касаемое только двоих дело. Любовь – стержень, вокруг которого вращается вся наша жизнь, включая в свою орбиту всё новых близких по духу людей. Забытое обращение «браток», «отец», «сестрица», «мать», «дочь» со стороны незнакомых людей... Это уже христианское понимание любви, чувство родства ко всему человечеству, так недавно утраченное. Однополярный мир со своим неистовым поклонением золотому тельцу навязывает любовь только как

индивидуальное персональное чувство, которое может быть каким угодно, в том числе извращённым. В общественной жизни люди разобщены, одиноки, запуганы и беспомощны. Вспомним один из признаков надвигающегося Апокалипсиса: «и, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф 24:12). Как раз то, что нужно для успешного глобального управления. Подобная форма взаимоотношений между людьми возможна в мегаполисе, но совершенно неприемлема в небольших городах и посёлках необъятной России-матушки. Любовь, не выходящая за стены собственного жилища – убога, ущербна и эгоистична. А в нашем сознании приравнивается к нелюбви.

Любовь есть общение. Главным пожеланием молодожёнам остаётся «совет да любовь». Ещё в предыдущем поколении деревенская молодёжь собиралась на «гуляния». Приглашали профессионального гармониста, пели, плясали, провожали домой девчат. Пример, когда поистине народное сотворчество в союзе с живым общением способствовало выбору пары, в идеале, и, как правило – на всю жизнь. Разрушение этой традиции, отсутствие в полном смысле слова культурного досуга у русских людей привело к гибели деревни, к разрушению семьи, деградации личности, переформатированию народа. Ибо русский народ – самый общинный и общежительный по своей природе, способный к социальной самоорганизации. Никакое виртуальное общение не заменит живого коллектива людей, где каждый может выделиться бойкостью, чувством юмора, красотой и талантом!

Любовь, являясь стержнем нашей жизни, не обладает самоценностью. В этом заложено противоречие. К любви стремятся опосредованно, через служение высшему принципу. Она есть то, что прилагается, даётся свыше, сверх заслуг. Главный герой в русской волшебной сказке отправляется за тридевять земель не в поисках невесты, а идёт туда, повинувшись воле отца. Елена Прекрасная достаётся ему как главный приз, как награда за смелость, смекалку, доброту. Мы не любим саму любовь. Мы любим профессию, друзей, Отечество. «Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь», – звучало в популярной советской песне. Она есть тайная, робко ожидаемая награда, подарок судьбы. Поэтому русские не спешат вербализовать свои чувства, не хотят их озвучить, по-язычески боятся сглазить, спугнуть счастье.

Можно отдельно поговорить о любви русского человека к родной природе, к родимой земле, к Родине, к высшей Правде, к Богу, к братству... но все эти смыслы органически переплетаются и проецируются на образ любимого человека. Итак, будем любить друг друга, как заповедал нам Христос!

ЛЮБОВЬ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ВСЕЕДИНСТВА

Е. В. Виноградова

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий» (Первое послание к Коринфянам 13:1).

Любовь – предмет познания для обретения полноты жизни. Она познается в стремлении овладеть объектом любви, будь то человек, Отчизна или Бог. Иными словами, в стремлении слиться, обрести целостность. На этом пути человек открывает в себе неизведанный до возникновения этой цели потенциал. Это и высшее дерзновение, и глубочайшее смирение, и жертвенность, и подвижничество, и мудрость. Любовь как стремление к целостности можно проследить во всех ее ипостасях: в любви к Богу, к Отечеству, в любви матери к ребенку, в братской любви, в половой любви.

Платон тесно связывает любовь и познание, видит в ней стремление к полноте бытия. Столкновение с неизвестным, неизведанным, с другим, отличным от тебя, заставляет окунуться в процесс познания потенциалов, и, как следствие, порождает желание преодолеть отчуждение. Любовь предполагает нахождение или познание другого в себе и себя в другом. Можно сказать, что нет истинного познания без любви и любви без познания.

Не формальная, а действительная любовь к Богу предполагает познание Его как Он есть, Его воли по отношению к человеку. Последовательное познание Божественного приводит к осознанию, сначала – разотождествления с объектом любви, несоответствия ему, и это осознанное различие порождает желание целостности, слияния, через познание Его воли, через познание себя как Образа Божия. Этот честный путь в мышлении открывает человеку наличие Образа Божия как в себе, так и в другом, сознание абсолютной ценности индивидуальности.

Жертвенное служение Отечеству, народу, Государству возникает как результат осознания сопричастности целому, как осознанная необходимость в жертвенном поступке ради сохранения и поддержания целостности. Жертвенность может проявляться в необходимом терпении, в солидаризации с властителем, в подвижничестве, в воинском или гражданском подвиге.

В материнской любви, в жертвенном служении своему другому любовь проявляется как прообраз всеединства, действительное упразднение эгоизма, но в материнской любви, одновременно, происходит утрата индивидуальности. Владимир Соловьев видит в этой любви изоощренный эгоизм, хотя «по силе чувства, и

по конкретности предмета» она приближается к половой, которую он считает высшим расцветом индивидуальной жизни.

Половая любовь, по Соловьеву, незаменимое основание для дальнейшего совершенствования индивидуальности. Она безусловная, не связанная с идеей продолжения рода. В противовес Шопенгауэру, который проводит параллель между любовной страстью и совершенствованием потомства, Соловьев утверждает, что сила любви не находится в прямом отношении со степенью типичности и значительности происходящего от нее потомства. Он видит в половой любви действительный эквивалентный обмен любимого и любящего, видит абсолютность познания и прочувствования истинного всеединства.

Состояние любви всегда конкретно, действенно, практично. Она в любом проявлении подрывает эгоизм, упраздняет отчуждение, трансформирует индивидуальность. Задача любви – не преодоление индивидуальности, не отрицание абсолютности значения индивидуальности, но признание за другим такой же абсолютной значимости. «Не оставайтесь должны никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон» (Послание к Римлянам 13:8).

ЛЮБОВЬ В СИСТЕМЕ «СЕМЕЙНЫХ» ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН¹

А. Л. Сазонова

Любовь между мужчиной и женщиной занимает значительное место в жизнедеятельности россиян. О чём свидетельствуют, например, данные опросов ФОМ, «Левада-Центра» и др. в преддверии Дня Святого Валентина [см. 6-12]

Большинство россиян признается, что для них важно ощущать себя любимыми; более 80% довелось в жизни испытать настоящую любовь; почти ¾ имеют любимых женщин / мужчин. Определяя сущность любви, россияне говорили о том, что это *"великое чувство"*, нечто *"возвышенное, светлое, прекрасное"*, *"высокое чувство, невыразимое словами"*, *"когда душа поет и на сердце радость"*

---

¹ В докладе использовались материалы социологических исследований под руководством или с участием автора: «Ежегодный мониторинг социальной сферы России» 2002-2009гг.; «Изменение образа жизни человека на постсоветском пространстве (1982-2008)» 2008; «Положение молодежи современного московского мегаполиса: потенциал и риски стабильного развития города» 2010; «Разработка предложений по вовлечению молодежи в спортивно-массовые мероприятия. Спортивное волонтерство и другие виды деятельности, как сдерживающий фактор роста количества молодых людей с девиантным поведением». 2011; «Молодёжь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития» 2013; «Молодежь Южной Осетии России в контексте трансформационных и интеграционных процессов» 2014; «Представления московского студенчества о семье» апрель-июнь 2016; «Отношение молодежи московского региона к семье» апрель-июнь 2017; а также данные опросов ФОМ, «Левада-Центра», ВЦИОМ, портала для молодых специалистов Career.ru в преддверии Дня Святого Валентина (февраль 2000, 2004, 2007, 2013, 2015, 2016 2017г.г.)

но". Для многих любовь – это, прежде всего, "взаимопонимание", "доверие друг к другу" и «уважение». Конечно же, любовь – это семья, дети, теплые отношения между близкими родственниками ("это основа жизни, любовь к детям, родителям, мужу"). Соотечественники называют любовь "важнейшим элементом жизни", "самым главным чувством", определяющим суть человеческой жизни ("все построено на любви, без любви нет счастья", "если нет любви, нет и жизни") [9]. Более половины опрошенных студентов и молодых специалистов (n=723) порталом Career.ru (2015) на вопрос: «Как вы относитесь к празднику День святого Валентина?» ответили – «Крайне положительно, ведь это лишний повод сказать слова любви» [12]. Столько же, на вопрос социологов Левада-Центра: «Влюблены ли Вы сейчас?» [2007] ответили утвердительно [11].

К семейным мы относим следующие ценности: «понимание и уважение супругами друг друга», «духовная близость между супругами», «супружеская сексуальная гармония», «постоянство в отношениях (верность)», «ответственность за любимого человека, за семью» и т. п. Кроме того, к семейным ценностям, безусловно, относится ряд универсальных ценностей, таких, как собственно «семья», «материальная обеспеченность», «секс», «любовь к детям», и, конечно, «любовь между мужчиной и женщиной».

Ценность «семья» традиционно устойчиво занимает высшие ступени ценностной иерархии, входит в «тройку» наиболее значимых ценностей большинства россиян.

По данным многочисленных исследований, семью, как наиболее значимую ценность, отмечают примерно три четверти респондентов. При этом все исследователи отмечают сильную половозрастную детерминацию степени ее значимости.

В частности, женщины, в целом, гораздо чаще, чем мужчины, «выставляют семье» высший балл по шкале значимости. Разрыв между ставящими на высшее место ценность семьи мужчинами и женщинами достигает иногда почти 20% (по результатам разных исследований, соответственно, 63-68% и 75-80%).

Анализ распределения ответов респондентов о значимости ценности «семья» по возрастным когортам показывает следующее: семью, как высшую ценность в группе до 20 лет отмечают 65-68% от числа ответивших; в группе 20-29 лет – 75-77%; в группе 30-39 лет – 80% и более; в группе 40-49 лет – 75-77%; в группе 50-59 лет – 66-69%; в группе 60 лет и старше – 65-67%.

Как видно, самые низкие показатели значимости находятся на полюсах возрастной шкалы, а наиболее высокий – ровно посередине, у группы в возрасте 30 – 39 лет.

Если первый факт (женщины – мужчины) легко и однозначно объясним спецификой природы женщины, в частности женской психики, то по поводу второго можно найти много точек зрения.

Можно предположить, что респонденты этого возраста, ставящие в своих ценностных системах данную ценность на верхние ступени иерархии и имеющие соответствующую ей установку, на своем опыте познали со всех сторон ее значи-

мость. Это возраст, когда семейные отношения проверены достаточно длительным сроком супружества (в среднем эти люди находятся в браке 15 лет или около того), имеют относительно взрослых детей. Это люди со сформировавшимся мировоззрением, устойчивым к трансформациям и не так подвержены влиянию извне, прежде всего ситуациям, обусловленным социокультурным кризисом и влиянию СМИ. С другой стороны, это люди в расцвете сил (интеллектуальных, творческих, физических). Соответственно, они понимают и ценят интимную сторону супружества, ведь семья не только ячейка, в которой происходит воспроизводство общества и не только коллектив, предназначенный для совместного ведения личного хозяйства. Семейные отношения – это синтез духовного и физического, прозаического и романтического, любви к детям и любви к супругу...

В ряду же других семейных ценностей¹ половозрастная детерминация оказывает существенно меньшее влияние на распределение их в ценностной иерархии. Исключение составляют лишь ценности «сексуальная удовлетворенность» и «любовь между мужчиной и женщиной». А вот такой признак как «наличие опыта семейной жизни» оказался весьма существенным.

«Любовь между мужчиной и женщиной» среди наиболее значимых ценностей зафиксирована (в разных исследованиях) у 55-58% молодых россиян, у 45-48% людей среднего возраста и у 27-29% старших возрастов. Значимость сексуальной удовлетворенности в этих группах составляет, соответственно, 40-43%; 25-28% и 11-13%.

Для примера воспользуемся данными исследования «Мониторинг социальной сферы России 2005 г.» (¾ субъектов РФ по репрезентативной выборке, n=2918)

В рамках исследования респондентов попросили выбрать из предложенного в опроснике списка (16 позиций) или вписать самим 5 важнейших условий, необходимых для создания «крепкой» семьи, и шкалировать их (от 1 до 5) по степени важности. Все ответившие были разделены на 2 группы: имеющие опыт семейной жизни и не имеющие такового. В обеих группах «лидерами» рейтинга оказались 7 условий-ценностей (см. Рис. 1 и 2).

Другие ценности – «отсутствие вредных привычек», «аккуратность», «умение вести хозяйство» и т. п. были отмечены как важнейшие условия для создания крепкой семьи менее 25% респондентов. «Любовь между мужчиной и женщиной» обозначили примерно 70% в первой группе и более 80% во второй. Но её «рейтинг» почти в два раза выше у второй группы – 75% против 44%. Как тут не вспомнить классика: «...любовная лодка разбилась о быт». Хотя, объективно, показатели всё равно высокие. Это свидетельствует о традиционно очень большом влиянии духовного явления «любовь» на функционирование институтов семьи и брака в России (сохраняющемся даже в наше время). Причем классической любви, с присущим ей отсутствием сверхценности сексуальных отношений. Ещё

---

¹ Инструментарий указанных выше исследований включал термины и понятия, тождественные по смыслу, но различные по формулировкам. В данной работе автор старается их унифицировать, используя, в основном, термины инструментария мониторинга социальной сферы России.

А.Г. Харчев, на основании результатов исследований 60-х – 70-х гг., констатировал, что среди мотивов выбора супруга, факторов супружеского счастья и прочности брака женщины и мужчины на первое место ставят любовь. В социологических исследованиях стабильности брака во второй половине 70-х – начале 80-х гг. общность супружеских взглядов и интересов, чувство любви обнаруживается не только как ведущий мотив вступления в брак, но и как условие удовлетворённости супружеством.

Рис. 1. Важнейшие условия, необходимые для создания крепкой семьи

Рис. 2. Важнейшие условия, необходимые для создания крепкой семьи

Опросы 90-х – 2000-х гг. показывают, что и в постсоветской России любовь оценивается большинством как необходимое условие для сохранения семьи. Но любовь – категория не только сферы семейно-брачных отношений, но является особенным, очень специфическим и при этом универсальным типом социального взаимодействия.

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что уровень развития у личности свойства «способность любить» прямо коррелирует с уровнем гражданского самосознания, определяет формы проявления и интенсивность социальной активности.

Проиллюстрируем этот тезис данными исследований «Мониторинг социальной сферы России 2005 г.» и «Молодёжь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития» (2014 г., n=2000) [1].

Среди всего массива выделялась группа респондентов, отметивших любовь между мужчиной и женщиной как «высшую ценность». В эту группу вошло 39,1% от числа всех опрошенных в 2005 г. и 60,7% молодых москвичей в 2014 (что само по себе свидетельствует о высокой значимости этой ценности). В дальнейшем сравнивались ценностные суждения выделенного подмассива с показателями всего массива (см. Табл.1).

Таблица 1

Ценности	Кол-во отметивших как высшая ценность среди всех опрошенных		Кол-во отметивших как высш. ценность в группе, где любовь названа высшей ценностью	
	2005	2014	2005 (39,1%)	2014 (60,7%)
Патриотизм	24,4	22,0	60,0	25,4
Уважение к закону	19,7	28,5	66,8	29,9
Любовь к ближнему, готовность ему помочь	40,1	43,2	64,0	58,7
Гуманизм	21,4	28,7	65,0	34,7
Честность и порядочность	45,3	44,7	60,0	51,3
Общественная справедливость	39,7	35,7	55,6	48,1
Образование	28,7	40,8	63,7	45,6
Любимая работа	21,7	42,1	68,2	44,0
Творчество	12,0	27,2	73,4	31,0
Здоровый образ жизни	27,7	36,3	66,3	38
Секс	13,9	28,2	76,7	37,7
	Как ценность совсем не значима			
Способность перешагнуть через социальные, моральные нормы ради своих целей	23,4	12,5	41,0	20,5

В целом группа респондентов, отмечающих «любовь» в ряду наиболее значимых ценностей, продемонстрировала более высокий уровень социально значимых и нравственных качеств, чем группы мало или совсем не ценящих ее. Причем уровень устойчивый, т.е. по всей совокупности позитивных показателей. Среди людей (независимо от пола, возраста, региона проживания, других параметров), отнесших «любовь между мужчиной и женщиной» к высшим ценностям, наблюдаются в среднем в 1,5 – 3,5 раза более высокие показатели значимости гуманистических и гражданских ценностей как «высших». Кроме того, в описываемой группе меньше людей, находящихся на полюсах социально-статусной стратификации (бедные – богатые), больше работающих, высокообразованных, религиозных. Они более трудолюбивы, толерантны, бескорыстны, патриотичны, отзывчивы, сострадательны. В их окружении меньше циников, рвачей, эгоистов, прожигателей жизни, наркоманов и пьяниц. Представители этой группы больше верят в то, что для достижения успеха, благополучия в сегодняшней России по-прежнему важны честность и принципиальность, способности и талант, образование и трудолюбие, отзывчивость к людям. При этом невысоко оценили: важность связей с нужными людьми, умение приспособиться, способность переступить законы и мораль, эгоизм, а также власть денег (что подтверждено компаративным анализом данных, полученных в ходе ряда исследований последних лет).

Пока еще немногочисленные исследования феномена любви фиксируют прямую зависимость роста аномии, бездуховности и снижение стремления к творчеству, созидательному труду и соответствующие им девиантные последствия от неразвитости способности человека любить. Э. Фромм называл любовь способностью зрелой, творческой личности. Утрата или неразвитость способности любить ведет к социальной деградации личности.

Список использованной литературы:

1. Киреев Е. Ю., Красниковский В. Я., Сазонов А. А., Сазонова А. Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / под ред. А. А. Сазонова. – М., Издательский дом «Наука» 2013.
2. Осадчая Г. И., Носкова А. В., Варламова С. Н., др. Семья в России и в Москве в начале XXI века. – М.: Изд-во РГСУ, 2008.
3. Образ жизни в советской и постсоветской России / Под общ. ред. А. А. Возьмителя и Г. И. Осадчей. – М.: Изд-во РГСУ, 2009.
4. Сазонова А. Л. Любовь и развитие личности. Социальная политика и социология. 2010.
5. № 12 (66). С. 206-212.
6. Динамика социальной сферы России: реалии и перспективы: Информационно-аналитический бюллетень // Под общ. ред. Г. И. Осадчей и Л. И. Михайловой. – М.: Изд-во РГСУ, 2009.
7. Фромм Э. Искусство любить.- М., «АСТ», 2014

10. Фромм Э. Иметь или быть.- М., «Прогресс», 1990
11. ФОМ <https://bd.fom.ru/report/map/dof040505>
12. ФОМ <http://fom.ru/TSennosti/10813>
13. ФОМ http://bd.fom.ru/report/cat/val_of010506
14. Левада-Центр: <https://www.levada.ru/2007/02/12/den-svyatogo-valentina-2/>
15. Портал для молодых специалистов Career.ru <https://career.ru/article/16181>

КАТЕГОРИЯ ЛЮБВИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

М. Ю. Спирина

Душа обязана трудиться...

Н. Заболоцкий

Не секрет, что современный житель Земли значительно отличается от своих предшественников. Изменения затронули прежде всего духовную сферу, но не оставили в стороне и телесную оболочку человека. Подобные изменения стали причиной того, что ученые и практики сделали вывод о наличии в современном технократическом мире антропологического кризиса. Он имеет множество проявлений и тенденций. Одной из главных среди них выступает опасность изменения генофонда человечества. Генетическая основа человека подвергается опасным изменениям вследствие возрастания мутагенных факторов, оказывающих прямое (химические и радиоактивные воздействия) и косвенное влияние (появление все новых видов болезнетворных микробов и вирусов). Биологи пишут о растущих повреждениях генотипических структур, сформированных миллионами лет эволюции. Действие природных факторов сохранения генофонда (естественный отбор) в человеческом обществе резко ограничено, а социальные процессы, которые вроде бы можно интерпретировать как выполняющие функцию отбора, например, войны, действуют в противоположном направлении. Особо следует выделить в качестве фактора обострения антропологического кризиса современные тенденции к переконструированию биологической основы человека. Они обозначились в русле достижений генетики и разработки новых биотехнологий. Вместе с тем, всё чаще обсуждается идея «пост-человеческого будущего» (Фр. Фукуяма). В информационном обществе (т.н. «цивилизации знаний») появляется реальная возможность проектирования самой человеческой телесности – идея, сформулированная в рамках генной инженерии и становящаяся все более популярной.

Ещё более обостряют антропологический кризис изменения в духовной сфере человека. На рубеже второго и третьего тысячелетий политика, ставшая значимой компонентой массовой культуры, успешно играет на нижних регистрах человеческой души: ненависти, зависти, национальной спеси и постоянно дрем-

лющей в тайниках сознания тяги к агрессии. Многие учёные (футурологи, политики, культурологи и др.) убеждены, что для разработки новых принципов стратегии устойчивого развития мира требуется решение целого ряда научных и практических задач, среди которых особое место занимает проблема, связанная с формированием нового типа мышления, новой культуры и нового человека, способного ответить на «вызовы» XXI века [1].

В этом аспекте народная культура содержит образец идеальной совершенной личности, которую отличает, в первую очередь, высокая нравственность, духовное и физическое здоровье. У всех народов нравственность тесно связана с умением человека преодолевать трудности, выполнять определённые обязанности, проявлять волевые черты характера (упорство, терпеливость, настойчивость, трудолюбие). Народный идеал человека, как правило, связан с такими компонентами личности как трудолюбие, ответственность, терпеливость, человечность, самостоятельность, ум, здоровье, любовь к Родине, уважительное отношение к представителям других культур и др. Г. Н. Волков называет его «народным идеалом совершенного человека».

Именно в национальных культурах, способных дать своё неповторимое и обобщающее видение общего мира человечества, создавались универсальные этические и эстетические ценности. До сих пор разнообразие культур является источником творческих способностей человечества и основанием взаимоуважения различных народов. В связи с этим феномен традиционной (народной) культуры приобретает судьбоносное значение. Народная культура может служить источником не только сохранения, но и подъёма региональных, хозяйственных, общественно-бытовых, культурных потенциалов. Благодаря этому появляется возможность, уменьшив унификаторское влияние глобализации, полнее раскрыть творческий потенциал всех человеческих сообществ, создать условия для формирования человека настоящего и будущего, нравственно укоренного в собственной культуре. Традиционная культура сегодня определяется как специфический тип организации жизнедеятельности, основанный на иерархическом, эталонном, циклическом, смысловом и эмоциональном мышлении [6]. Р. Генон, который ввёл понятие «традиционная культура», изучал эту культуру как разворачивание сакрального времени и пространства. Традиционная культура основана на коллективистских ценностях, её этический идеал можно назвать этикой коллективизма.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года называет приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины [5]. Стратегия создает

условия для формирования и реализации комплекса мер, учитывающих особенности современных детей, социальный и психологический контекст их развития, формирует предпосылки для консолидации усилий семьи, общества и государства, направленных на воспитание подрастающего и будущих поколений. Она опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством. Мы можем говорить в этой связи о формировании российского менталитета. Его основные черты сложились в процессе многотысячелетней эволюции традиционной культуры.

Естественно, что на первое место следует поставить коллективизм и соборность, выработанные многовековой жизнью в сельской общине. Такая община появилась не одновременно, она обусловлена исторически сформировавшейся необходимостью существования. Коллективный сельский труд есть реакция на суровые климатические условия, выжить в которых в одиночку было невозможно, низкое плодородие почв, малоурожайность сельского хозяйства и т.д. Община требовала активного взаимодействия в самых разных сферах жизнедеятельности, откуда и возникли разнообразные формы совместного жития и взаимопомощи, которые невозможны без наличия у человека определённых нравственных категорий – национального этического идеала. История России свидетельствует о привычке русского населения к определённому образу жизни, особенно сельского населения — к жизни в общине. С совместным социальным и иным бытием связано и обострённое в русском народе чувство несправедливости, возникающее в случае социального неравенства, ущемляющего интересы малоимущего населения. Отсюда идущее издревле чувство социального сострадания к людям (сочувствования, «любви»), ущербным духовно и физически: нищим, юродивым, калекам и др., – и уравнивательные тенденции в русском понимании социальной справедливости. Мы не будем сопоставлять здесь устойчивость социо-, гено- и природообразованных черт менталитета (задачи этой статьи — иные), но подчеркнём, что урбанизация и быстрое сокращение сельского населения в России может в скором будущем привести к деградации коллективистской традиции и подрыву одного из основных устоев русской цивилизации.

Особое место среди этических категорий, образующих этический идеал, занимают такие нравственные феномены, как Добро, Свобода, Справедливость, Честь, Достоинство, Совесть, Смысл жизни, Счастье, Любовь. Их роль в системе морали настолько велика, что они по праву могут быть отнесены к высшим моральным ценностям, так как от их правильного понимания во многом зависит нравственность современного жителя страны: его взгляды, оценки, поступки.

Обратим внимание на то, что в отечественной традиционной культуре все эти качества глубоко связаны с понятием «любовь», хотя само это слово может и не употребляться. Категория любви считается всеобщим универсальным понятием, не ограниченным отдельными частными проявлениями. В эпоху античности любовь служила ценностным инструментом для понимания происхождения мира. Различные философские системы Древнего Мира расценивали любовь как космический принцип, посредством которого усмиряется и объединяется Вселенная во всем её стремящемся к распаду обилии сил и форм. И. Кант под этим чувством понимал момент долга и моральной обязанности.

В традиционной культуре Любовь носит всеобъемлющий характер, поскольку применяется не только к сфере отношений между людьми, мужчиной и женщиной, но касается взаимодействия человека с Природой (животными, растениями, материальными объектами). Исконная связь с занимаемой территорией и конкретной землёй, любовь к Родине составляют аксиому народного нравственного сознания. В сети Интернет можно встретить пояснение категории любви, как единения в целом, означающего согласованность, сочетающую одновременно единство и индивидуальность любящего Я и объекта его любви [4]. В этом аспекте любовь выступает как важная компонента всего человеческого бытия, как первоначальный фактор обеспечения духовного и психофизического здоровья человека, развития его природных данных (способностей, таланта). В этике любовь — это «добродетель личности в отношении к другой личности, представляющая собой частичку ценности личности любящего и направленная на ценность личности любимого, преданность ему... Ибо все, что есть в тебе ценного, выполняет свое назначение тем, что является также ценным “для кого-то”» [3]. В теории познания любовь полагают предпосылкой и началом процесса познания.

Традиционная культура относится к разряду неизменных общечеловеческих ценностей. В ней соединены как духовное, так и материальное, как общечеловеческое, так и национальное. Каждый народ не только хранит исторически сложившиеся воспитательные традиции и особенности, но и стремится перенести их в будущее, чтобы не утратить национального лица и самобытности. Живучесть традиций и особенностей в той или иной культуре воспитания говорит не о косности культуры, а о непреходящей нравственной ценности, необходимости сконцентрированного в этих традициях и особенностях народного опыта, который обязателен к использованию в современных социокультурных и экономических условиях. Любые конкретные нравственные заповеди ведут, в конечном счёте, к осознанию всеобщих моральных истин. Нравственные поиски личности направлены на поиск добра вообще, вневременного смысла жизни. Нравственные заповеди в традиционной культуре формулируются как законы мироздания, вот поче-

му любовь обязательно трактуется как решимость, требующая немалой силы воли для преодоления преград, появляющихся на пути любви к чему- или кому-либо.

В традиционной культуре любовь не просто глубокое чувство, она носит сакральный (во многом закрытый от посторонних), интимный характер и может быть оценена как закон существования человеческого мира. Человек без любви считается неполноценным существом, такой человек не знает смысла собственного существования. В широком смысле любовь — это нравственно-эстетическое чувство, выражающееся в бескорыстном и самозабвенном стремлении к своему объекту, в потребности и готовности к самоотдаче. Любовь — понятие необычайно ёмкое, многозначное и многогранное: оно включает в себя и любовь к людям (гуманизм), и любовь к Родине (патриотизм), к природе, и родительскую любовь, и любовь детей к родителям, а не только любовь мужчины и женщины.

Психологи относят любовь к крайне динамичной рефлексии чувств и отношений. При построении иерархии нравственной ценности видов любви они выделяют: общую установку на любовь, т. е. открытость миру, потребность в близости, способность к заботе, жалости, состраданию, нравственная ценность которой в возвышении личности; любовь к объектам высшего порядка – Родине, своему народу, которая в соединении с чувством долга, чести, ответственности образует основу нравственного мировоззрения; индивидуальную любовь к родителям, детям мужчине или женщине, придающую особый смысл жизни конкретному человеку; любовь к предметам и процессам, имеющая опосредованную нравственную ценность. Таким образом, любовь предстаёт не только высшей моральной ценностью, но реальным земным отношением, и влечением, и относительно самостоятельным стремлением, и потребностью, и в этом качестве — высшей формой межличностного общения. Духовными основаниями любви выступают духовная зрелость, добротолюбие, порядочность, благородство, сочувствование, сострадание.

В этом отношении весьма важно традиционное прикладное искусство, которое формирует предметно-пространственную среду, окружающую человека. Созданные художниками традиционного прикладного искусства тысячи бытовых вещей перманентно воздействуют на сознание, откладываясь где-то в его толще, влияют на душевное состояние человека. Постоянные и незаметные, эти раздражители, напластовываясь и взаимопроникая, связываются постепенно в рефлексии, отражаются так или иначе на здоровье. Личность человека едва ли не наполовину формируется этими «микрообразами» [7, с. 20]. И как тут не вспомнить слова Дж. Китса: «Прекрасная вещь есть радость навеки».

В современных условиях, когда повсеместно развиваются интеграционные процессы, необходимо отметить, что содержание морали в традиционной культуре разных народов примерно одинаково. Мораль везде ставит перед собой одну и

ту же цель: воспитание души человека, создание идеальной перспективы развития. Нравственность обладает объективным свойством – всеобщностью своих требований. Вот почему представляется необходимым сочетание отечественного и зарубежного опыта, но при этом нельзя забывать то, о чём писал ещё в XIX веке С.Я. Капустин: «Интеллигентный наш класс развивался доселе весьма своеобразным образом, заимствуя всякого рода познания у Западной Европы и упуская при этом ближайшее изучение своего отечества. Поэтому нам хорошо известны история, география, этнография народов западных государств, разработанные там до совершенства, но едва тронуты у нас, а, следовательно, и данные этих областей знания, касающиеся России, не вполне нам знакомы; незнание же их ведёт не к чему иному, как к бессознательному игнорированию их при обсуждении какого-либо чисто русского дела. Этим, конечно же, объясняется и лёгкость, с которой мы уже не первый десяток лет нашей сознательной жизни руководимся всецело только примерами Западной Европы, пересаживаем, недолго думая, её учреждения на свою почву и мало творим сами из своего собственного» [2, с. 8]. Наступила пора вернуть в общественный обиход те самые традиционные российские духовно-нравственные ценности, которые декларированы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, не ограничиваясь только словами, но безотлагательно переходя к Общему делу.

Список использованной литературы:

1. Бранский В. П. Глобализация и синергетическая философия истории [Текст] / В. П. Бранский, С. Д. Пожарский // *Общественные науки и современность*. — 2006. — № 1. — С. 35-46].
2. Капустин С. Я. *Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей*. — СПб., 1887.
3. *Любовь в философии* [Электронный ресурс] URL: <http://ru.science.wikia.com/wiki/> (дата обращения 02. 02. 2018)
4. *Любовь и дружба как категории этики. Любовь как высшая ценность* [Электронный ресурс] URL: <https://lektsii.org/8-3328.html> (дата обращения 02. 02. 2018)
5. *Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года* // *Российская газета*. 8 июня 2015 г.
6. Тимошук А.С. *Традиционная культура: сущность и существование* : дисс. ... докт. филос. — Нижний Новгород, 2007. — 402 с.
7. Чекалов А.К. *Эстетическое освоение предметно-пространственной среды* // *Искусство и промышленность. О промышленном искусстве и его организации*. / Сб. ст. под ред. В. П. Толстого и К. М. Кантора. — М.: Искусство, 1967. — 144 с. с илл. — С. 20-45.

ЛЮБОВЬ: ОПЫТ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ СУЩНОСТИ И ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ЛЮБВИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шачин С.В.

Тема любви имеет два аспекта, которые диалектически дополняют друг друга. С одной стороны, она вообще не может быть предметом рационального дискурса, поскольку имеет отношение к внутренним, интимным вещам, которые не принято обнаруживать общественности; любовь не подчиняется человеческому разуму: невозможно заставить себя полюбить кого-то, как и невозможно требовать ответной любви – она либо есть, либо её нет, а как возникает – Бог знает. С другой стороны, с помощью разума можно понять некую глубинную сущность любви в том смысле, что наряду с индивидуальным аспектом в ней присутствует и всеобщность: мы видим, что только на основе любви возникают подлинные крепкие семьи и воспитываются дети, а значит, происходит отображение вечности в мире в форме смены поколений. Именно духовно, душевно и физически здоровый человек оказывается способным любить, то есть от человека требуется большая подготовительная работа над собой, чтобы в ключевой момент своей жизни, когда приходит любовь, быть достойным её и создать вместе с любимым человеком единое целое, осознав себя в качестве половинок этого целого (а не разменять любовь на более низменные чувства или не утратить её в рутине и т.п.).

Вот такая диалектика конкретной всеобщности присутствует в любви: любовь делает разумное существо универсальным и вместе с тем по-настоящему индивидуализирует. Она позволяет человеку найти какую-то более глубинную сущность, чем чувственный ум (отождествляющий самосознание с телом), или совокупность социальных ролей, разыгрываемых ради удовлетворения телесных потребностей или разнообразных страстей, или совокупность социальных условностей, которые усваивает человек в процессе социализации и которые делают его представителем определённого класса, сословия, социальной группы и т.д. Если есть какое-то надёжное косвенное доказательство того, что наша бытие не ограничивается чувственно-воспринимаемым уровнем, а наша личность – социальными отношениями, то это и есть чувство любви, которое каждый человек может испытать в своей жизни и после этого понять, что ни мир, ни общество, ни он сам вовсе не такие, как ему казались, и что есть в жизни некий подлинный смысл, рождающий в тебе самом что-то более высокое, чем эмпирический субъект. Чувство любви открывает нам, что бытие в целом и наш социальный мир укоренены в беспредельном, излучающем в материальный мир некое высшее наслаждение, знание, силу, благодаря чему и возможно преодоление тенденции нарастания энтропии.

По преданию казаков Волгоградской области, на человека (прежде всего, на мужчину) смотрят особенно пристально высшие силы (родственники, в том числе и из пакибытия, ангелы, да и сам Бог) во время трёх основных событий в жизни: как родился, как женился и как умер. Это значит, что все эти три события имеют глубинную взаимосвязь, один и тот же источник, и человек, испытав все три из них, как раз и получает доступное его силам и пониманию разгадку на загадку своего существования (кто я, откуда я пришёл и куда иду).

Любовь никогда не пребывает в покое, она постоянно изменяется и в то же время сохраняет некую высшую сущность, на которую намёком было указано в предыдущих рассуждениях. К тому же любовь – субстанция очень тонкая, она не даёт никаких гарантий, она может приносить не обязательно наслаждения, но и безмерные страдания, причём последние также могут изменяться по степеням: от невыносимых от неразделённой любви до постоянных из-за разочарования в том, что любимый (любящий) оказался в реальности вовсе не таким, как он представлялся в свете любви... Так же любовь испытывает изменения во времени, которые могут вести как к развитию в смысле углубления в её сущность и открытия любящими всё нового содержания; так и к деградации, к потере достигнутого, к растворению любви в рутине и – в конечном счёте – к превращению любви в свою противоположность: в ненависть. Так же любовь не имеет чётких границ и определений: за любовь часто принимается влюблённость, страсть, ревность, желание обладания; любовь может хорошо начаться, но выродиться в отношения «палач» – «жертва», в борьбу за лидерство, кто-то из партнёров может попытаться «хорошо устроиться» в жизни за счёт другого, а кто-то будет вынужден нести свой и чужой крест...

Построить науку о любви – значит, объяснить её содержание как диалектически развивающийся процесс, в ходе которого партнёры постоянно сталкиваются с глубинными, экзистенциальными конфликтами, через их разрешение переходят к новому содержанию, более или менее стабильному и понятному им обоим, начинают вырабатывать коллективное самосознание, адекватное этому содержанию, пока, наконец, на достигнутой стадии не вызреют новые конфликты, указывающие на необходимость перехода к более глубокому уровню. А затем эта теория укажет на состояние нарушенности, утраты любви, превращения её в ослепление, в душевную и духовную болезнь, причём она укажет на те экзистенциальные конфликты, которые были разрешены неправильно или были загнаны в глубь, что и приводило к искажениям. Кроме того, данная теория обязательно выйдет на уровень социальной критики и покажет те предпосылки в процессе социализации, которые должны быть созданы для того, чтобы любовь могла нормально развиваться, а люди были бы способны испытывать это вечное чувство и духовно обогащаться при этом (а не обжигаться на ней, как ночная бабочка на пламени све-

чи). Далее эта критическая теория покажет, каковы господствующие в данную эпоху и в данном обществе установки общественного сознания, и соотнесёт эти установки с теми, которые необходимы людям для того, чтобы быть в состоянии любить и быть любимыми; именно на основе этого анализа теория объяснит эмпирически наблюдаемый феномен уменьшения объёма любви и ослабления её духовной глубины в тот или иной исторический период, а также укажет на те изменения в общественных отношениях и в общественном сознании, которые необходимы ради того, чтобы преодолеть кризис любви на коллективном уровне.

Так что в данном абзаце, по сути дела, была в абстрактной форме предложена программа исследований, которые будут вести в кооперации друг с другом философы (выступающие в роли методологов), социологи (выступающие в роли критических теоретиков), психологи (они будут конкретизировать изложенные выше методологические идеи и вырабатывать практические рекомендации по преодолению патологий в области любви), деятели культуры (которые будут выражать открывшийся им опыт любви в художественной форме), историки (которые будут искать в любви в её различных формах, в том числе и патологических, скрытые движущие силы прошедших событий), культурологи (которые будут сравнивать разные содержания любви в прошлом и в настоящем, в разных культурах и у разных народов), лингвисты (которые могут помочь нам, русским, углубить языковые средства для выражения любви на базе открываемых ими правил «языковой игры» у других народов, а также на основе углублённого знания языка наших предков, знавших о любви больше, чем сейчас, и использовавших другие способы её обозначения и осмысления) и мн. др. Наверное, нужен настоящий Институт любви, который возникнет в условиях, когда наше общество, наконец, сумеет преодолеть виток «нисходящей эволюции» (А. Зиновьев); а пока мы ещё на нём находимся, надо, по крайней мере, создать социальную сеть из межличностных контактов творческих людей и людей науки, которые так или иначе занимаются описанными проблемами, а также какое-то гражданское сообщество, которое будет выполнять целый ряд функций, практически вакантных в современном обществе. Дело в том, что, исходя из логики капитализма, существуют и развиваются только те сферы деятельности, которые выгодны, поэтому можно считать более или менее «закрытой» область знакомств как предмет работы разного рода брачных агентств. Но к любви надо молодёжь готовить (иначе в бюро знакомств будут приходить люди, уже уставшие от жизни); надо воспитывать в них определённые «демографические установки», как пишет Ю. Крупнов (иначе любовь будет редуцирована до преходящих наслаждений); надо помогать воспринять адекватные для поддержания здорового социума роли, причём особенно в тяжёлом положении находится роль отца и мужчины в целом (почему женщины вынуждены вообще отказываться от надежды найти настоящего мужчину среди русских,

что может привести фактически к изменению господствующего антропологического типа в российском государстве); надо восстанавливать качественное искусство о любви; надо помогать людям, уже нашедшим друг друга, разрешать описанные экзистенциальные конфликты, вооружая их арсеналом знаний и коллективного опыта человечества. Надо связывать друг с другом вполне успешные семьи, чтобы постепенно расширять пространство развития, а не обособляться в эгоистической скорлупе своей частной жизни (ибо по закону нарастания энтропии временное благополучие может скоро кончиться, если ты не будешь развиваться вглубь и вширь)... Всего и не перечислишь, но задача данной статьи состояла в том, чтобы обрисовать программу действий сообщества, которое всерьёз заинтересовано в обсуждении проблемы любви и которое будет содействовать её решению.

А теперь рассмотрим феномен расширения социального пространства не любви в современной России. Если мы согласны с этим – а в качестве основания для подобного вывода может быть опыт предыдущей исторической эпохи, при которой пространство любви было несомненно шире, а само содержание любви было многообразнее и глубже – то мы тем самым можем высказать суждение: это означает прогрессирующее расширение тенденции болезни и разложения нашего социального организма. Ибо альтернативой любви является даже не ненависть: это есть противоположность любви (о чём говорилось выше), а безразличие как некое вырожденное состояние, при котором человек оказывается неспособным ни любить, ни ненавидеть – у него просто нет к этому способности.

Но если мы хотя бы чуть-чуть посмотрим в будущее, то мы увидим, что состояние вырожденности есть проявление отсутствия укоренённости данного человека в бытии: он отождествляется с преходящей жизнью и вряд ли что-нибудь оставит после себя в мире. Другими словами, на уровне отдельного человека безразличие ведёт к безнадёжности в смысле приоритета временности с её страданиями и преходящими наслаждениями, но самое главное: суетой (как знал ещё М. Хайдеггер); на уровне общества безразличие ведёт к прогрессирующему разрыву связей между индивидами и их объединениями. Такое общество можно будет удерживать в каком-то целом только тремя способами: материальным интересом, насилием или идеологической манипуляцией; но все они оказываются, очевидно, ненадёжными. Такое общество, столкнувшись с ситуацией нарастающих исторических вызовов, ответит на них только всплеском ненависти и насилия (после чего уже само выживание в нём станет проблематичным)...

Так что диагноз поставлен довольно-таки сильный, но само по себе это не способствует излечению: надо, чтобы больной захотел стать здоровым. Потому мы сначала рассмотрим вот эту экзистенциальную задачу качественного перехода от усиления нелюбви к возрождению любви, и только после его решения этой за-

дачи мы можем строить какие-то программы постепенного исцеления от описанной болезни общества в целом и каждого конкретного человека.

Итак, каким образом каждый конкретно человек сможет преодолеть безразличие как состояние принципиальной неспособности к любви, а общество – враждебность и отталкивание людей друг от друга как состояние прогрессирующей дезинтеграции? Мы знаем из теории сложных систем, что выход из состояния деградации возможен благодаря тому, что система сможет увеличить свой информационный ресурс, усвоить более сложный порядок из окружающей среды, найти свой скрытый и нереализованный потенциал; путь к этому – либо инициирование саморефлексии внутри самой системы (процесс автопоэзиса), либо появление новых вызовов со стороны окружающей среды, на которые система должна будет дать ответ и при этом не разрушиться, не вступить в состояние необратимой деградации. Саморефлексия есть способность к самообучению: к этому способны не только разумные существа, но и искусственный интеллект, да и любая сложная система, где есть управляющий центр и управляемое тело. Поэтому человек может поучиться у окружающего мира умению сделать свою жизнь предметом осмысления как единого целого. Вызовы со стороны окружающей среды продиктованы самой логикой нынешнего исторического этапа человечества: капитализм как общественный строй вступил в состояние длительного кризиса, из которого может быть выход либо в нарастании тенденций к апокалипсису, либо через качественный переход к новому гуманистическому общественному строю.

Итак, где мы можем найти архимедову точку для искомого духовного переворота в личности, чтобы человек сформировал в себе своего рода духовный орган для восприятия любви? И как преодолеть дезинтеграцию в обществе?

Прежде чем отвечать на эти глобальные вопросы, сначала можно попробовать «размять свои силы» на разрешении более поверхностных проблем. Можно сказать, что любовь – это целый разнообразный мир, и каждый найдёт в нём всё, что ему по душе; что человечество накопило богатейший опыт в этой области, и осталось только захотеть к нему приобщиться. Можно идти путём искусства, религиозных традиций: прежде всего – православия, но также и других религий, ведь Россия – страна многонациональная (и практически во всех основных религиях именно через любовь происходит доступ в сферу сакрального). Можно попытаться создать систему образования на уровне общества или – на худой конец – какого-то сообщества, например, в форме введения предметов этики и психологии семейной жизни; можно проводить праздники, где государство, гражданское общество и церковь будут совместно работать над общим делом расширения пространства любви, скажем, праздники Петра и Февронии (можно также ввести Дни матери, отца, более разнообразно праздновать День детей 1 июня) и пр. Но всё равно такое рассуждение здравого смысла не даёт нам ответа на принципиальный

вопрос, каким образом человек окажется способным войти в эту сферу любви, если он сам этого не захочет?

Тут лежит тайна человеческой свободы, и именно поэтому-то вопрос о любви тесно связан с вопросом о жизни и смерти, причём как индивидуальной, так и коллективной: через любовь лежит доступ в вечность, а отказ от любви влечёт в небытие...

Ключевой идеей для решения этого вопроса может быть понимание некоей глубинной самоотнесённости любви, подобной той, которая имеется у духовных традиций: возрастая в духе может только тот, кто уже в духе; постигать истину образом может тот, кто уже понял истину хотя бы на уровне предварительного понимания. Так и в любви: быть способным полюбить может только тот, который уже находился в пространстве любви, кого уже когда-то любили – родители или кто-то другой... Люди, что выросли в экзистенциальной пустоте, в том смысле, что другие не радовались их присутствию в мире и не принимали их просто существующими – попадают в ситуацию бытийственной травмы, и излечить её будет намного сложнее, чем помочь вспомнить о любви тем, кто уже имел этот опыт по крайней мере на уровне подсознания. Такие люди будут искать возмещения в разных областях карьеры, или в материальных благах, или во власти, но не находят чаемого и глубоко разочаруются в жизни в целом (значит, они станут скрытыми жизнененавистниками – а проявить свою сущность они могут, как только попадут в подходящие условия). Также и общество в целом: имеется русская пословица, восходящая к Библии (к истории Лота, которому было велено покинуть Содом): «Город стоит семью праведниками»; следовательно, развивая дальше эту народную мудрость, можно предположить, существует некий критический уровень пространства любви в обществе, который является условием возможности его существования; если он понижается, то люди предаются таким порокам, что нормальному человеку останется только покинуть это общество, и после завершения «исхода» начинается его самоуничтожение или завоевание извне...

Значит, первый вполне практический вывод заключается в том, что образованное сообщество должно задуматься, каким образом как минимум остановить деградацию этой сферы любви, причём как в смысле сужения, так и в смысле потери глубины: надо, по крайней мере, не потерять тех людей, которые ещё способны любить, и если эти люди пойдут по пути духовного совершенствования в области любви (тем самым реализуя описанное диалектическое саморазвёртывание процесса любви), то они смогут даже расширять и углублять пространство любви в обществе. Что же касается остальных, не любивших и не могущих любить, то тут помогут более радикальные средства, и для описания их нам необходимо обратиться к критической теории общества.

В результате процессов последних десятилетий мы оказались направленными на путь «нисходящей эволюции», о чём уже говорилось. Смысл этого пути, по мысли А. Зиновьева, заключается в том, что происходит зеркальное переворачивание реальности: вместо преодоления процессов деградации происходит имитация деятельности, вместо гуманистических ценностей происходит погоня за иллюзиями, наконец, вместо интеграции общества возникает гибрид «рогатый заяц», который объединяет в себе уже оставленные в прошлом общественные порядки, но так, что происходит усиление негативных черт и ослабление позитивных. Мы взяли всё худшее из дореволюционных порядков, из советского строя, из западного капитализма, но не можем восстановить позитивный потенциал первых двух и не способны реформировать третий по образцу социал-демократических государств Запада... Решающая причина такого безнадёжного положения лежит в следующем: Россия решила вернуться на так называемую «столбовую дорожку мировой цивилизации» как раз в то время, когда общественный строй Запада вошёл в состояние общего кризиса. И как раз в то время, когда марксизм и левая мысль в целом были бы больше всего нужными, они были отвергнуты якобы за догматизм и вытеснены из общественного сознания. А ведь имеется блестящий анализ, проведенный Марксом, товарного и денежного фетишизма, который объясняет то, каким образом люди капиталистического общества принимают видимость за сущность и оценивают друг друга по месту каждого в отчуждённых капиталистических отношениях вместо того, чтобы суметь присвоить родовую человеческую сущность. Марксизм имеет слабую сторону в пренебрежении духовной составляющей и потому может быть дополнен в этом аспекте консервативной мыслью: у каждого человека помимо родовой сущности имеется ещё и экзистенциально-индивидуальная сущность, которая больше, чем ансамбль общественных отношений, которая укоренена в бесконечности и с которой мы можем соприкоснуться, если пойдём путём религии (Бог ближе к нам, чем наше собственное дыхание, а искажённый Бог Фейербаха как проекция вовне человеческой родовой сущности и иллюзорное возмещение страданий действительно есть продукт искажённых человеческих отношений, потому «левая критика» христианства поучительна в смысле указания пути к восстановлению его аутентичности). Вот это соединение левой мысли с консервативной (которое, возможно, примет форму чего-то похожего на «теологию освобождения», но на русской почве) поможет нам выработать требуемую критическую перспективу для осмысления пути для преобразования общества в направлении гуманизма.

Мы можем выйти из-под подчинения глобальному капитализму в роли энергетически-сырьевого придатка только тогда, когда процесс нарастания кризиса первого дойдёт до определённого предела: когда метрополия входит в состояние перемен, тогда колонии и зависимые страны получают «окно возможностей»,

и прогрессивные силы должны быть достаточно организованными, чтобы не упустить шанс на подлинное возрождение России. Общество должно стать здоровым, и тогда оно откроется для восприятия духа любви, который, возможно, веет, где хочет и только ждёт, чтобы люди впустили его в сердце (пока что оно наполнено страстями и упадочными настроениями). То есть нужна реформа капитализма в направлении гуманистического общества по социал-демократическому опыту европейских стран, но, не следуя буквально тем рекомендациям социалистов, что ведут общество к духовной деградации. А общественная сила, которая будет социальной опорой предстоящих перемен – это промышленная буржуазия (которая патриотична, в отличие от буржуазии сырьевой, компрадорской или финансовой олигархии) в союзе с прогрессивной интеллигенцией (которая будет формироваться по мере того, как в стране начнётся новая индустриализация на базе новых возможностей «цифровой экономики») и чиновничеством (которое начнёт служить возрождению России в целом, а не узким интересам конкретных группировок).

Вот это оздоровление общества окажет своё косвенное влияние и на духовное состояние людей, что впали в состояние описанной выше экзистенциальной пустоты: они найдут основание для социального оптимизма, а на базе этого осознают в себе некие скрытые резервы, о которых мы сейчас не подозреваем и которые с позиции нынешних знаний могут даже показаться чем-то чудесным... Даже многонациональность России и предстоящее изменение антропологического и культурного типа могут сыграть позитивную роль: чем более разнообразны по генетическим родителям, тем более талантливое поколение можно ожидать, а феномен двуязычия и даже больше можно сознательным образом развивать, например, в форме открытия билингвальных издательств или Интернет-ресурсов, многонациональных детских летних лагерей и т.п. Поэтому временную потерю пассионарности у русского народа можно будет восполнить за счёт взаимодействия с другими народами, вовлечёнными в орбиту «русского мира» самой логикой истории и предстоящих глобальных перемен... Может быть, тут-то и начнётся новый пассионарный толчок, который приведёт к обновлению самой природной основы русского народа: в таком случае энергия любви начнёт бить через край (хотя проблема духовной глубины любви ещё не будет тем самым решена: тут уже потребуются долгая работа в рамках того самого Института любви, о котором шла речь выше).

Итак, благодаря критической теории общества, которая синтезирует в себе «левую» и консервативную мысль, может быть найдено основание для преодоления пессимизма в вопросе оскудения любви в России; разум поможет сердцу изгнать из него дух уныния, а потом уже в него войдёт совершенно другая субстан-

ция, и начнётся целенаправленная работа над реализацией идей, что приходят в голову интеллигенции.

ОППОЗИЦИЯ «ЛЮБОВЬ-НЕЛЮБОВЬ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX - НАЧАЛА XXI ВВ.

О. С. Крюкова

В русской классической литературе не так много произведений, где нет любовной линии. Классический роман как жанр должен обязательно включать любовную интригу. Большая часть лирики рассказывает читателю о любовных переживаниях лирического героя. Трудно не согласиться со следующим утверждением: «Тема любви в литературе является вечной, она появилась вместе с первыми образцами художественной литературы. Эта тема универсальная: для нее нет возрастных или национальных рамок. К этой теме косвенно или напрямую обращается каждый писатель» [1, с. 245]. И только в произведениях документального или сатирического плана жанровое требование любовной линии не является обязательным. Любовь в мире художественного произведения может выступать и как высшая ценность, и как злая сила.

Не претендуя на психологическую полноту, можно выделить в русской литературе XIX века и рубежа XIX-XX вв. несколько типичных сюжетных ситуаций, основанных на таких моделях любви, как любовь-страсть, любовь-страдание, любовь-благодарность, любовь-дружба. Испепеляющая страсть лежит в основе сюжета таких произведений, как «Гроза» и «Анна Каренина», где трагический финал является закономерной развязкой. Любовь-страдание приносит женщинам Печорин, и это перекликается с мотивом неразделенной или отвергнутой любви в лирике Лермонтова, причем если лирический герой Лермонтова сам страдает, то Печорин заставляет страдать других. Любовь-благодарность испытывает к своему благодетелю героиня пьесы И.С. Тургенева «Холостяк». Любовь, основанная на дружбе, – так можно охарактеризовать отношения Ольги и Штольца в финале романа И.А. Гончарова «Обломов».

Категорию любви в русской литературе нужно рассматривать в контексте литературного метода или литературного направления. В классицизме человек предстал прежде всего как гражданин, противоречие между чувством и долгом решалось в пользу долга. Сентиментализм открыл читателю сложный и противоречивый мир чувств, в котором категория любви находится на первом плане. Романтизм изображал исключительного героя в исключительных ситуациях, чувства

такого героя гипертрофированны, уникальны и неповторимы. И свою любовную ситуацию романтические герои так же воспринимают как исключительную. Реализм, опираясь на типизацию, показывает героев в распространенных жизненных ситуациях и положениях. Любовь в реалистическом произведении – неотъемлемая часть человеческой жизни. Иногда герой не готов к любви, и этим определяется его авторская оценка (повесть И.С. Тургенева «Ася»).

В модернистской эстетике категория любви либо выдвигается на первый план, либо вообще исчезает. Герои Набокова, например, не знают истинной любви, а довольствуются ее призрачными подобиями. Это и Лужин, уподобляющий жизнь шахматной игре (роман «Защита Лужина»), и Гумберт Гумберт (роман «Лолита»), одержимый запретной страстью. В романе Юрия Олеши «Зависть» поведение главного героя Андрея Бабичева мотивируется его любовью к колбасе, что приобретает не просто социально приемлемые, а социально поощряемые формы. Но это не реалистическое произведение. В нормативности соцреализма концепт любви не исчезает, но любовь-дружба и любовь-сотрудничество в отражаемой литературой социальной иерархии ценностей стоят выше страсти. Эстетика постмодернизма лишена формальной логики, картина мира мозаична и фрагментарна, поэтому в постмодернизме любовь замещают осколки любви, она словно отражается в кривом зеркале неправдоподобных, гротескных ситуаций.

Современная литература развивается в русле различных литературных направлений. Исследователи отмечают и постмодернизм, и неореализм, и даже необарокко. Ярким представителем неореализма является современный писатель Захар Прилепин, который определяет свой творческий метод как «клинический реализм». Многие его герои, как и многие наши современники, живут в атмосфере нелюбви и неспособны испытывать любовь. Так, герой романа Захара Прилепина «Санька» — носитель разрушительного, деструктивного начала, в том числе и в области чувств. Недолюбленный ребенок становится трудным подростком, а затем уходит в радикальное подполье.

В русской классической литературе категория любви имеет еще одно измерение, связанное с христианской традицией. Г.И. Колесникова, которая предприняла попытку типологически описать категорию любви, справедливо утверждает: «Христианство предлагает качественно иные модели любви: сострадательную любовь Бога к человеку и почтительную любовь человека к Богу. И как ответ этой любви, любовь человека к ближним своим, где под ближними понимаются все люди в принципе, включая и друзей, и врагов» [2, с. 758]. Эта христианская традиция определяет гуманистическую направленность русской классической литературы, с ее состраданием «маленькому человеку», «чувствами добрыми», а иногда и открытой назидательностью. Только в русле этой традиции могли по-

явиться такие герои, как Лев Мышкин (роман Ф.М. Достоевского «Идиот»), Иван Флягин (повесть «Очарованный странник») и другие праведники у Н.С. Лескова.

Нравственное измерение категории любви включает ее в контекст патриотизма. Гражданственность была присуща русской литературе еще со времен Древней Руси. Патриотическое начало ставит в один ряд такие произведения, как «Слово о полку Игореве», «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого.

Социальная функция русской литературы заключается в том, что литература в России выступала и выступает в роли нравственного барометра общества. Истоки нелюбви нашли отражение в сюжетных коллизиях, к которым обращаются современные писатели: Алексей Иванов, Захар Прилепин, Людмила Улицкая, Юрий Поляков и др. Литература может поставить диагноз обществу, вынести беспощадный приговор тому или иному социальному явлению, но не дает готовых жизненных рецептов, оставляя право на выбор самому читателю...

Список использованной литературы:

1. Дюльдина Ж. Н., Морозова Ю. А. Духовно-нравственные ценности в категории любви в литературном творчестве А. С. Пушкина // Модернизация содержания педагогического образования: проблема и пути решения. Материалы педагогических, психологических, социологических исследований Международной научно-практической конференции. Сборник статей. Под общей ред. Р. К. Серёжкиной. 2017. – С. 244-254.
2. Колесникова Г. И. Любвиология: теоретико-методологическое основание // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 3-4. – С. 757-761.

ПОНЯТИЕ СМЫСЛА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

И. К. Джерелиевская

Изначальным проблемным контекстом возникновения смысла как научного понятия, отличного от понятия значения, принято считать изучение текстов, а первой теоретической парадигмой – герменевтику. Возникшая как учение о толковании скрытых смыслов Священного писания герменевтика постепенно расширилась до учения понимания смыслов в более широком контексте. В начале XX века она соединилась с философской мыслью в работах Х.-Г. Гадамера, В. Дильгея и др.

В дальнейшем проблема различения значения и смысла текстов и речевых выражений стала достоянием лингвистики, семиотики, логической семантики. Со временем эта проблема обросла множеством подходов, не став, однако, достоянием истории, сохранив актуальность до наших дней.

Обобщая различные точки зрения в контексте этого подхода, с большой долей условности можно сказать, что всякое слово, событие имеет одно значение, но

– множество смыслов в зависимости от контекста. Таким образом, смысл определяется более широким контекстом, чем значение. Смысл всегда указывает на замысел, задачу, интенцию автора высказывания, на неязыковый контекст, ситуацию употребления высказывания. Известна иллюстрация этой мысли: учительница корит ученика за неприличное произнесенное им слово: «Зачем ты говоришь это слово, ты ведь даже не знаешь, что оно значит!» - «Знаю, его говорил папа, а значит оно, что машина не заводится».

Вторым проблемным контекстом, обусловившим место понятия смысла в гуманитарных науках – это проблематика феноменологического анализа сознания, представленная, прежде всего, работами Э. Гуссерля и его последователей: Г. Шпета, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти.

Э. Гуссерль полагает, что источником, приписывающим смысл вещам, является сознание. Именно в жизни сознания «впервые получает свой смысл и свою бытийную значимость весь мир и я сам как объект, как сущий в мире человек» [1, с.4].

В контексте этого подхода возникает понятие «**внутреннего смысла**» (Г. Шпет), выражающего энтелехию предмета. Именно благодаря внутреннему смыслу в нас «возникает чувство собственного места в мире» [2, с.181]. Согласно Г. Шпету и М. Хайдеггеру смысл является результатом познания внешнего мира, который предстает как глобальный смыслообразующий контекст, как живое пространство человеческой деятельности.

Однако в контексте экзистенциально-феноменологической традиции возникает и иное понимание смысла (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр). Смысл, по Ясперсу, предмет не объяснения, а понимания и не столько внешнего, сколько внутреннего, личностного мира. Смысл жизни «определяется тем, как мы определяем свое место в рамках целого» [3, с.271].

Ж.-П. Сартр указывает, что «сознание всегда может выйти за пределы существующего, отнюдь не к бытию, а к смыслу этого бытия. Смысл бытия существующего, поскольку он сам открывается сознанию, – это феномен бытия. Этот смысл сам обладает бытием, на основании которого он обнаруживается» [4, с.30]. Источником этого трансцендентного смысла выступает создаваемый индивидом проект своего бытия в мире. Человеческий проект, по Сартру, представляет собой имплицитный смысл ситуации.

Отношение к смыслу как порождению индивидуальных проектов характерно и для крупнейшего представителя французского экзистенциализма М. Мерло-Понти, который полагает, что экзистенция и есть та операция, «посредством которой то, что не имело смысла, получает смысл». Для него смысл – это основной организующий принцип поведения человека, который может преодолевать данность именно потому, что его реакции зависят не от стимулов, а от смысла ситуа-

ции. Источником смыслов вещей выступает **действующий субъект**, которому принадлежит «универсальная власть надления смыслом». «Поскольку именно он, появляясь, заставляет проявиться смысл и ценность в вещах, поскольку всякая вещь может приобрести их, только сделавшись для него смыслом и ценностью» [5, с.176].

Третий контекст употребления понятия смысла в гуманитарных науках связан с проблематикой экзистенциального смысла человеческого бытия. Здесь, прежде всего, следует назвать видного представителя экзистенциальной философии П. Тиллиха, который в своей наиболее известной работе «Мужество быть» отмечает, что «человек есть человек лишь потому, что он обладает способностью понимать и формировать свой мир и самого себя в соответствии со смыслами и ценностями» [6, с.40]. «Человек живет «внутри» смыслов, внутри того, что имеет логическую, эстетическую, этическую, религиозную значимость» [6, с.61]. Утрата человеком смысла вызвана утратой духовного центра, что порождает невротические формы тревоги, характерные для нашего времени и проистекающие из чувства пустоты и ухода от вопроса о смысле жизни. Выход из этого состояния, по Тиллиху, мужественно принять отсутствие смысла как основу осознания скрытого смысла внутри разрушения смысла.

Проблематика бытийных смыслов занимает важное место в работах М.М. Бахтина. Понятие смысла для него – укорененные в культуре смыслы, трансцендентные индивидуальному существованию. Бахтин противопоставляет смысловую организацию жизни организации её во времени, считая, что **смысл дает человеку вневременную опору**. «Мое определение самого себя дано мне (вернее, дано как задание, данность заданности) не в категориях временного бытия, а в категориях ещё не-бытия, в категориях цели и смысла. Мое внутреннее бытие сплошь создано этим предстоящим смыслом, если оно в своем самодовольстве отрывается от него, пребывая в своей наличности, то оно впадает в глубокое противоречие с самим собой, приводящее к овеществлению человека» [7, с.70]

Наконец, четвертый контекст употребления понятия смысла подразумевает постановку проблемы смысла человеческих действий (В. Дильтей, Э. Шпрангер, М. Вебер). Здесь возникает понятие смысловой связи, предполагающей связь с ценностью, выступающей объяснительной инстанцией по отношению к смыслу. Э. Шпрангер говорит о наиндивидуальном смысле, лежащем в основании смысловых связей и существующем в мире духа. Он может быть объективирован в языке, произведениях искусства, в технических сооружениях, и через эти объективные формы быть воспринятым другими людьми.

Особняком стоит трансперсональный подход к понятию смысла В.В. Налимова. Его изложение представляет собой самостоятельную и непростую задачу. За неимением времени я здесь останавливаться не буду.

Если постараться обобщить многообразные понятия смысла в гуманитарных науках, то можно выделить два момента, объединяющие практически все трактовки (за исключением В.В. Налимова): смысл, во-первых, определяется через более широкий контекст, и, во-вторых, через интенцию или энтелехию (целевую направленность или направление развития).

Если обратиться к интерпретации понятия смысла в психологии, то я позволю себе остановиться на учении В. Франкла, которое имеет три части: учение о стремлении к смыслу, учение о смысле жизни и учение о свободе воли.

Стремление к поиску и реализации смысла жизни Франкл рассматривает как врожденную мотивацию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности. Он полагает, что для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым обладают его поступки. Отсутствие смысла порождает у человека состояние, которое Франкл называет экзистенциальным вакуумом, порождающим «ноогенные неврозы». «Необходимым условием психического здоровья является определенный уровень напряжения, возникающего между человеком, с одной стороны, и локализованным во внешнем мире объективным смыслом, который ему предстоит осуществить, с другой стороны [8, с.63-65]. Смысл всегда должен находиться впереди бытия, его основная функция, «смысл смысла – задавать темп бытию».

Учение о смысле жизни говорит, что смысл, в принципе, доступен каждому. Однако нахождение смысла – это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни – жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно отвечать на него, не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, он находит его в мире, именно поэтому он выступает для него как императив, требующий своей реализации. В нахождении смысла человеку помогает совесть. Франкл определяет совесть как смысловой орган, как интуитивную способность отыскивать единственный смысл, кроющийся в каждой ситуации. Однако смысл требует не только нахождения, но и осуществления, которое не может происходить автоматически, коль скоро смысл найден. Человек ответственен за реализацию уникального смысла своей жизни. Осуществляя смысл своей жизни, человек осуществляет себя; так называемая самореализация является лишь побочным продуктом осуществления смысла.

В свое учение Франкл вводит понятие «сверхсмысл» как смысл того целого, в свете которого приобретает смысл человеческая жизнь – смысл бытия, смысл истории, смысл вселенной. Этот смысл трансцендентен человеческому существованию, поэтому никакой ответ на вопрос о сверхсмысле дать невозможно. Из этого не следует вывод о бессмысленности бытия, с чем якобы приходится мириться человеку. По мысли Франкла, человеку приходится мириться с другим – невозможностью охватить бытие в целом, познать его сверхсмысл. «История, в которой

осуществляется сверхсмысл, – пишет Франкл, – происходит либо через посредство моих действий, либо наперекор моему бездействию».

Основной тезис третьего учения Франкла – учения о свободе воли – гласит, что человек свободен найти и реализовать смысл жизни, даже если его свобода заметно ограничена объективными обстоятельствами. Признавая очевидную детерминированность человеческого поведения, Франкл отрицает пандетерминированность. «Необходимость и свобода локализованы не на одном уровне; свобода возвышается, настроена над любой необходимостью», – пишет Франкл [8, с.106]. Человек свободен благодаря тому, что его поведение определяется прежде всего ценностями и смыслами. Человек – это больше, чем психика: человек – это дух.

В своем духовном качестве человек характеризуется двумя фундаментальными онтологическими характеристиками: способностью к самотрансценденции и способностью к самоотстранению. Первая выражается в постоянном выходе человека за границы самого себя, в направленности его на что-то вне себя. Вторая выражается в возможности человека подняться над собой и над ситуацией, посмотреть на себя со стороны. Эти две способности позволяют человеку быть (не абсолютно, а в определенных пределах) самоопределяющимся существом; механизмы самодетерминации принадлежат к смысловому измерению человека.

Наконец, важным вопросом для Франкла является вопрос, для чего человек обладает свободой. Общий смысл ответа – свобода взять ответственность за свою жизнь, свобода слушать свою совесть и принимать решения о своей судьбе. Это – свобода изменяться, стать другим. Свобода необходима человеку, чтобы обрести и осуществить смысл своей жизни.

Список использованной литературы:

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Лабиринт, 1994.
2. Шпет Г. Явление и смысл: феноменология как основная наука и ее проблемы. Томск: Водолей, 1996.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
4. Сартр Ж. – П. Проблемы метода. М.: Прогресс, 1994.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Ч.III, Глава 3. Свобода // От Я к Другому: Сб. переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Минск: Менск, 1997.
6. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М: Юрист, 1995.
7. Бахтин М. М. Работы 1940-х-начала 1960-х гг. //Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т.5
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990

РУССКОЕ СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Е. В. Виноградова

Формирование культуры – как хранилища смыслов и ценностей – это обобщение опыта народа, нации, государства, получаемого в процессе жизнедеятельности. Материальная культура, являющаяся производным человеческого труда, его объективацией в виде артефактов, вычленяет ценности взаимного общения, жизнеустройства отдельного народа, существование которого обусловлено географическими особенностями, религиозными представлениями, историческим опытом. Духовная же культура занимается осмыслением ценностей и выработкой смыслового стержня. Производным духовной культуры является искусство, литература, философия. Задача культуры – погружение в смысловые образы и понятия, воспроизводство нового поколения в этих пределах.

Иными словами, формирование культуры – это формирование самосознания народа в истории, выработка исторического целеполагания, миссии, формирования духа народа.

Если рассмотреть человечество в целом, то окажется, что все культурное многообразие, свидетельствующее о наличии ценностей и смыслов каждого отдельного народа, имеет общий, надкультурный, выходящий за пределы узконационального, смысл существования.

Гегель считал исторический процесс формой существования объективного духа и рассматривал отдельные народы как формы духа, наделенные каждый миссией формирования общего смысла истории, а единым смыслом истории – сознание свободы.

Гегель говорит: истинная свобода состоит в тождестве меня с другим, «я только тогда истинно свободен, если и другой также свободен и мной признается свободным. Эта свобода одного в другом соединяет людей внутренним образом; тогда как, наоборот, потребность и нужда сводит их вместе только внешне. Люди должны поэтому стремиться к тому, чтобы найти себя друг в друге. Но это не может произойти до тех пор, пока они остаются во власти своей непосредственности, своей природности, ибо эта последняя есть как раз то, что разобщает их друг с другом и препятствует им быть друг в отношении друга свободными» [1, с.224].

Другими словами, выделяется общий смысл сосуществования народов и государств – преодоление культурных особенностей, без утраты идентичности. Смысл истории существует независимо от сознания того или иного народа. Гегель называет это «хитростью мирового разума». Народы и их культуры в идеале должны подняться до этого всеобщего смысла, где преодолевается природность и упраздняется борьба.

В этом смысле можно отметить, что именно русская культура несет в себе общечеловеческие ценности и смыслы. В ней отражен идеальный образ будущего как гармоничной и свободной формы общежития, она проповедует синтез культурных особенностей, не препятствующих формированию общего смысла, но обогащающих восприятие мира, чему свидетельство – русская история.

Всеми признано считать русскую культуру мировой, внесшей свой заметный вклад в общемировое сознание.

На практике мы сталкиваемся с абсолютным неприятием тезиса о том, что русская идея со своим кафеличным подходом провозглашает «счастье для всех людей». Мы являемся свидетелями таких высказываний в наш адрес, что общего смысла нет, что счастье все народы понимают по-своему, что никакая русская правда не может включить в себя все остальные правды. Подобного рода выкрики свидетельствуют о незрелости отдельной личности, а если эта личность выражает взгляд целого народа или государства, то о незрелости духа этого народа, о добровольном выключении себя из общего исторического смысла.

Возникает вопрос, почему именно русская культура претендует на «вселенскость»? При всем культурном многообразии особенности каждой культуры не предполагают универсалистского подхода, кроме русской культуры. Только она, являясь производным русского духа, выходит за узконациональные пределы.

Русское смысловое пространство несет в себе ценности и принципы взаимного бесконфликтного сосуществования народов, являющиеся сутью русской идеи на уровне вербализации. В истории же мы наблюдаем поиск именно такой формы существования.

Гегель рассуждает о рабстве и господстве как о двух противоположностях, не соответствующих идеалу свободы. Рабством он называет отчужденный труд, и лишь делание чужого труда своим, усвоение чужой воли как своей есть преодоление себялюбия, есть начало осознания себя свободным. Господин же, напротив, остается во власти себялюбия, зависимости от раба, т.е. остается не свободным. Лишь освобождение раба делает свободным обоих. Это рассуждение легло в основу его идеи о социально-исторической сущности человека.

Противоречие раба и господина разрешилось в русской истории в виде русской революции 1917 года и повлияло на общемировую историю.

В отыскании идеальной формы сосуществования разных народов как цели и смысла истории важно соблюсти баланс между индивидуальным смыслом и коллективным, между индивидуальной свободой и коллективной.

Субъективный дух имеет две стороны рассмотрения. С одной стороны, он проявление особенного – воля к осуществлению своего. С другой, именно эта сопричастность, страстность, вовлеченность способна производить плод во всех материальных и духовных начинаниях человека. Задачей индивидуума является

нахождение всеобщего, разумного, стремление к поддержанию целостности, нахождение всеобщего в особенном и особенного во всеобщем. Такая зрелость индивидуума позволяет исходить из понятия общего блага и вносить свой особенный вклад в общее дело добровольно и неотчужденно.

Подводя итог, можно резюмировать, что именно русская культура транслирует всеобщее; русское, в этом смысле, синоним всеобщего, мирового. Это значит, что лишь приобщение к ней позволяет включиться в процесс осуществления смысла истории – осознание свободы, через которое реализуется действительная этика и настоящее христианство.

Русское смысловое пространство сформировалось благодаря последовательному отысканию общего исторического смысла. Все то, что противостоит этому подходу индивидуально или коллективно, есть проявление природного, особенного, неразумного.

Список использованной литературы:

1. Гегель Г. Система наук. Ч. 1: Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета. М.: Академический проект, 2008.

НООСФЕРНОЕ СОЗНАНИЕ – УНИВЕРСАЛЬНАЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОСТИ

Т. Е. Барсова

Жизненное пространство мира человека наполнено разными смыслами, регулирующими его субъективное отношение к миру. От того, какие ценности и смыслы лежат в основе этого отношения, зависит судьба человеческой цивилизации.

В 2018 году 12 марта исполнилось 155 лет со дня рождения В.И. Вернадского. Научное сообщество страны отметило эту дату проведением всевозможных конференций, семинаров, посвященных личности мыслителя, и его творчеству. В фокусе философской рефлексии – современный уровень понимания феномена ноосферы, ценностей ноосферного сознания. Учение Вернадского пронизано оптимизмом и верой в то, что при переходе от биосферы к ноосфере разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития. Насколько оправдан этот оптимизм в современных условиях?

С конца XX – начала XXI века мы все чаще говорим об обострении экологических, демографических, антропологических проблем, порожденных техногенной цивилизацией, которая в гуманистическом измерении во многом исчерпа-

ла себя. Приоритетные ориентиры человеческой деятельности: деньги, собственность, власть привели человечество к опасной грани, обострив до уровня глобальных, множество проблем. Обеспокоенность судьбами человечества, кризисом его жизненных реалий, заставила исследователей обратиться к анализу базовых ценностей техногенной цивилизации. Среди них приоритетен рациональный подход к миру. Он связан с наукой, техникой, рыночными отношениями.

Как известно, на ранних стадиях развития общества человек действовал в локальных, исторически ограниченных условиях, и его разумная деятельность, какой бы эгоистической по своим целям она ни была, не составляла угрозы для планеты в целом. Но сегодня разум стал общепланетарной силой и главным инструментом антропогенной деятельности человека. Сциентистская уверенность в том, что все можно просчитать и научно обосновать, не оправдана, когда речь идет не о локальном, а о глобальном, экологическом масштабе. Ведь, когда строили дамбу в устье Невы с благородной целью защитить город от угрозы наводнений, то не рассчитывали, что река в этом месте зацветет. Так же научная экспертиза разрешила строительство целлюлозно-бумажного комбината на Байкале, что было продиктовано производственной необходимостью и экономической целесообразностью, электростанции на озере Севан, а впоследствии оказалось, что произошла перестройка ландшафтных функциональных связей, обеднение почвенного и растительного многообразия. В рамках современной синергетической парадигмы стало необходимо учитывать нарастание феномена нелинейности и разнонаправленности изменений.

Цель данной статьи – сформулировать ценности ноосферной парадигмы, релевантной современному обществу, способные регулировать отношения человека к природе, выявленные в трудах русских мыслителей. Для достижения этой цели необходимо проанализировать и сравнить понимание мира и отношение к нему человека в разных течениях (философско-религиозном и научном) русского космизма.

Современная постнеклассическая наука ориентируется на ценностно рациональный способ мышления, ей уже тесно в узких рамках классической целерациональности. Пришло время менять приоритеты, осознать, что духовное измерение в человеке главное.

В трудах русских космистов просматривается мысль о необходимости поднять рациональность от утилитарно-прагматического уровня на высоту Разума. Целерациональное мышление основано на дуализме человека и природы, космоса – на антропоцентризме. Антитезой ему представляется идея единства человека и природы, антропокосмизм. К XX веку в результате мощного научно-технического развития возникло то, чему В.И. Вернадский дал название ноосферы, в рамках которой, по его мнению, будет осуществляться управление социаль-

но-природными процессами, как в интересах самого человека, так и для прогрессивного развития общества. Весь вопрос в том, какие ценности составят основу ноосферного сознания.

Русский космизм неопределим однозначно. В нем выделяются разные течения: естественнонаучное, литературно-художественное, религиозно-философское, объединенные идеей целостного мира-организма, все части которого связаны и влияют друг на друга и на целое.

В естественнонаучной форме идеи космизма развивались В.И. Вернадским, К. Э. Циолковским, Н.Г. Холодным, А.Л. Чижевским и др. Для них характерна убежденность в необходимости создания новой научной картины мира, в рамках которой человеческое существование уже не было бы случайным.

Поэтически-художественное направление в космизме связано с именами В.Ф. Одоевского, А.В. Сухова-Кобылина, Ф.И. Тютчева, А. Платонова и др.

Религиозно-утопическое направление соотносится с именем Н. Н. Федорова. Вместе с тем, мотивы, близкие ему, присутствуют у Вл. Соловьева, П. Флоренского, Н. Бердяева. Эти мотивы связаны с кризисом традиционного гуманизма, с критикой идеалов Просвещения, где человек ориентирован на внешний порядок вещей. Космическая тема в таком контексте приобретает характер одного из возможных вариантов выхода из всеобщего мировоззренческого кризиса.

Сравним взгляды философов-космистов и ученых-космистов. История, человек, разум, космос представляется ими по-разному.

Философы-космисты видели путь к общему благу и гармонии человека с миром через всеединство. Историю рассматривали как богочеловеческий процесс, в котором человек реализует свое богоподобие, эволюционирует от природного человека к богочеловеку (Вл. Соловьев).

Ученые-космисты (В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский и др.) рассматривали эволюцию природы, ее направленное и прогрессивное развитие, видели в ней внутреннюю цель. Жизнь на Земле мыслилась как результат космических излучений, т.е. как космический феномен.

Философы-космисты считали, что гармония и совершенство мира могут быть достигнуты в результате духовного единения человека с богом, погружения в божественную реальность, открытие бога в душе, преображение себя.

Ученые-космисты считали гармоническое мироустройство результатом преобразовательной деятельности человека. Ноосфера, по Вернадскому, сфера качественного преобразования биосферы на началах разума и социальной справедливости, преобразования и одухотворения окружающей среды. В.И. Вернадский отмечал, что человек как «природообразующий фактор» ответственен за происходящее в биосфере и должен превратить биосферу в ноосферу. Человече-

ство становится геологической силой, но действует она в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого [1, с. 218].

Философы-космисты в традициях всеединства мыслят космос как духовную бесконечность, сверхрациональную реальность.

Ученые-космисты рассуждают о разумном космосе, о звездных мирах, о причастности человека этому космическому Разуму.

Философы-космисты в понимании единства человека и природы исходят из концепции целостного человека, который руководствуется единством знания (эмпирического и теоретического) и веры. Для них ставка только на разум в деле совершенствования жизни не оправдана. Сам по себе разум, не будучи ограничен и дополнен верой, нравственностью, – источник бед и потрясений, зла.

Ученые – космисты оценивают разум иначе – как благо великое. А губительное вмешательство человека в природу от неразумия, утраты связи с космическим разумом. Космический разум – предельное основание бытия, а человеческий – его часть.

Понимание человека как богоподобного существа, смысл и назначение которого в творческом самопреображении и обожении жизни, характерно для религиозно мыслящих космистов. В. И. Вернадский же – мыслитель планетарного масштаба – смотрит на человека как на творца ноосферы, сознательно и разумно управляющего процессами.

Несмотря на выявленные различия в оценках человека, разума, космоса, места человека в космосе, русские космисты едины в том, что, во-первых, человек внутренне причастен космосу, природе, их связь органична; во-вторых, человечество едино как планетарная общность; в-третьих, необходимо утвердить новое отношение человека к природе, основанное на единстве сознания и действия (внутреннего и внешнего). Отношение к космосу не может оставаться созерцательным. Н. Федоров еще в XIX веке призывал соединить человека (разум) и космос (силу). Взаимозависимость человека и космоса требует целостного видения мира.

Продолжением учения о ноосфере является идея коэволюции, развитая Н. Моисеевым. Совместное развитие человека и природы все больше осознается как регулятив человеческой деятельности. Звучит очень современно, актуально. Найти бы еще способы ее реализации.

Ноосфера сегодня – это во многом техносфера, и управлять приходится не естественной, а искусственной реальностью. Общим местом стала тревога по поводу того, что технические системы становятся совершеннее и автономнее от человека, превращая его в своего заложника (вспомним хотя бы тревожные ожидания сбоя компьютеров на рубеже 2000-х годов). Вызов времени – смена ценностного императива: не человек для техники, а техника для человека.

Разумная регуляция природы, коэволюция (совместное и согласованное преобразование себя и природы) предполагает отказ от антропоцентризма во имя антропокосмизма. Нужно помнить о своей укорененности в природе, о том, что меняется не только природа, но и сам человек. Деятельность планетарного человечества подчиняется иным критериям. Переход от локальных масштабов деятельности к ее глобальному измерению требует принятия экологического императива, идеи антропокосмизма, культуросцентризма, т.е. приоритета культурных духовных ценностей перед ценностями потребления, материальными; идеи всеединства человека с космосом должны стать фактом массового сознания. Но это легче сказать, чем достичь.

Ноосферное сознание предполагает иные мировоззренческие идеалы отношения к природе, иную этику, базирующуюся на идее ответственного, а не хищнически-потребительского способа жизни, предполагает диалог человека с миром. Оно задает видение человека не как хозяина и господина природы, а как ее сотрудника, терпимо и ответственно относящегося к окружающему.

Ноосферное сознание связано с поиском прочных оснований для спасения, выживания человечества перед лицом глобальных кризисов, а, возможно, и катастроф. В основу ноосферного сознания могут быть положены иные ценности. Они осмыслены в трудах русских философов.

Это – ценность приоритета духовных потребностей в жизни общества и человека. Все стороны жизни человека связаны, но духовно-нравственные ориентиры в ней самые верные. Человек амбивалентен, ему нужен комфорт, благополучие, дарованное цивилизацией, но и красота, истина, добро, что идет от культуры, связано с духовными потребностями.

Это – ценность соборности, всеединства. Сегодня как никогда человечество должно быть едино, переживая личную ответственность за зло в мире, за те последствия своей утилитарно-прагматической деятельности, которые поставили человечество на грань выживания. Эти ценности вполне можно осмыслить и в светском варианте. Об этом неоднократно писал В.Н. Сагатовский [3, с. 36-46].

Это – ценность творчества. Генетический признак философии русского космизма – идея активной эволюции, т.е. преобразования не только внешнего мира, но и собственной природы. Человек-творец – самобытная, самоценная, свободная личность, отвечающая за строй всего мироздания. Творчество – это, прежде всего, самопреображение, актуализация духовного измерения. Очевидно, что русские космисты всех направлений смогли обобщить главное, в чем нуждается современное человечество, а именно – глобальное понимание проблем и ответственное отношение личности в решении задач планетарного масштаба, а это требует от него новой экологической этики, умения и желания соразмерять свои потребности с возможностями биосферы.

Ноосферное мировоззрение, по В.И. Вернадскому, исходит из того, что наука, религия и философия есть три независимые формы Разума, каждая из них решает свои задачи. Кратко говоря, наука стремится к истине; религия ориентирует на спасение; философия ищет истину для спасения.

Задачи постнеклассической науки заключаются не только в рациональном познании мира, но и в ценностно-целевом, ответственном освоении его. Религия дополняет науку тем, что дает представления о человеке, его смысле жизни, о добре и зле. Философия же рассматривается в теории Вернадского как интегрирующее, обобщающее начало, идущее к объяснению мира через критику и поиск истины.

Об отношении науки и религии В.И. Вернадский писал: «Если же мы рассмотрим всю историю христианства в связи с вековым его спором с наукой, мы увидим, что под влиянием этой последней понимание христианства начинает принимать новые формы, и религия поднимается на такие высоты и спускается в такие глубины души, куда наука не может за нею следовать. Как христианство не одолело науки в ее области, но в этой борьбе глубже определило свою сущность, так и наука в чуждой ей области не сможет сломить христианскую или иную религию, но ближе определит и уяснит формы своего ведения» [2, с. 52]. В. И. Вернадский хорошо понимал (и сегодня это особенно актуально), что ученому мало быть хорошим специалистом, надо быть гражданином – нравственным, ответственным, равнодушным к судьбам людей. Будущее человечества зависит не только от научно-технического прогресса, но и от многих других проявлений духовной жизни человека.

Человечеству, как и любому биологическому виду в природе, приходится бороться за выживание, но способы выживания, жизненные установки в современных цивилизационных реалиях придется в корне менять. В.Н. Сагатовский, размышляя об этом, предлагает исходить в понимании ноосферы как развивающейся гармонии общества, личности и природы на основе развивающейся гармонии души, духа и материи. Он видит источник глобальных проблем современности в установках, доминирующих в современной цивилизации, где во главу угла ставятся субъектно-объектные отношения: подчинить, использовать, стремиться к максимуму всего.

Ноосферная же организация бытия делает упор на отношения субъект-субъектные: понять, принять и вместе совершенствоваться и совершенствоваться в режиме оптимума. Воля к любви должна одолеть волю к власти. «Чтобы служить гармонии мира, люди сами должны стать гармоничными. А поскольку гармония эта – развивающаяся, то нет другого пути, кроме как взять на себя ответственность за саморазвитие и развитие бытия» [4, с.226].

В заключение подчеркнем, что ценности ноосферного сознания, выработанные в русской философии, вполне современны. Мир целостен, как бы сильно мы ни отличались друг от друга по менталитету, уровню и качеству жизни, традициям и научно-техническим достижениям, у нас единая общепланетарная судьба. Ноосферное сознание – универсальная общечеловеческая парадигма современности.

В.И. Вернадский сообщил импульс процессу всестороннего осмысления стратегий воздействия на природу и границ права на такие воздействия. Основой ноосферы в ее современном понимании должен быть разум, возведенный на глобальный уровень заботы и ответственности.

Список использованной литературы:

1. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста . М.: Наука, 1988. – 520 с.
2. Вернадский В. И. Избр. труды по истории науки. - М.: Наука, 1981. — 359 с.
2. З Сагатовский В. Н. Базовые ценности русской культуры // Парадигма - философско-культурологический альманах. 2009. - Вып.12. – С. 36-46.
3. Сагатовский В. Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. -СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2004. - 232с.

СВОБОДА И ОСМЫСЛЕННОСТЬ

В. Ф. Гановичев

Свобода воли, т.е. воля как внутренняя, имманентная – это существенное отличие человека от животного, которое целиком подчинено диктату инстинкта. Как бы ни искали исследователи признаки интеллекта, языка, абстрактного мышления и других человеческих проявлений у животных, пытаясь уравнивать их с человеком, они тем самым лишь подтверждают, что собственно человеческое в человеке – более всех этих качеств и заключается в его универсалистской двойственности (без которой он был бы равен животному).

«С одной стороны, человек – природное существо...– Во-вторых, он существо духовное и разумное. Взятый с этой стороны, он не бывает от природы тем, чем он должен быть. Животное ... от природы есть то, чем оно должно быть. Оно лишь природное существо. Человек же должен согласовать две свои стороны, привести свою единичность в соответствие со своей разумной стороной, иначе говоря, сделать последнюю господствующей» [1, с.61].

Царство природы подвижимо побуждениями, определяемыми внешними ему законами инстинктов, а цели и смысл его существования также находятся над ним и вне его (подобно биороботу с заданной программой). Человек вообще обладает

способностью к усвоению господствующей над миром Всевышней воли, т.е. способностью постигнуть объективный смысл и определить вытекающую из него цель как свои собственные (имманентные) и осмысленные. При этом отдельный конкретный человек может не стать тем, кем должен – равным Богу [2, Флп.2:5-6] (здесь – обратная сторона свободы воли и природа греха), двойственная же сущность не позволяет обрести природную невинность животных (потому не бывает в живой природе большего зверства, чем человеческое).

Наличие такой двойственности делает стремление к осмысленной жизни неотъемлемым свойством и сущностной потребностью всякого, рождённого человеком, залогом его совершенной свободы. Оформившись как мировоззрение эта осмысленность (со-Знание) определяет высочайшую цель, в рамках которой все действия и побуждения человека облагорожены и оправданы духовным содержанием – теперь желания выходят из-под власти природных инстинктов и пребывают в свободе его собственной (и, в то же время, всеобщей) разумной воли.

Осмысленность жизни – высочайшее достоинство личности, а лицо, не обретшее её, – ещё не до конца состоявшийся человек.

Подобно единичному человеку таким духовным даром, а, соответственно, духовным долгом (высшей целью) – стать вместилищем Абсолютной воли [2, Лев. 26:12] – обладает народ в качестве социального организма. Во всесторонности общественных связей выявляется не простой конгломерат из множества индивидуальных сознаний, но единое коллективное сознание народа, его эгрегор, уровень которого имеет отражение в созданной народом культуре и его интегральном мировоззрении (ценностно-смысловой системе, оформленной как религия и идеология).

Этот общий дух, эта культурная атмосфера существенно влияет на становление сознания каждого члена общества – в соответствии со своим уровнем наставляет на верные пути [2, Мар.1:3] в достижении индивидуумом человеческой полноценности. Кроме того, культура – своего рода иммунитет от смертельной для общества болезни оскотинивания.

Всякая душа не сама приходит в этот мир, но по воле, для неё трансцендентной, – воле Божьей. Потому высший смысл существования сознательного человека – выполнить Его волю, и более того – выполнить её как свою. Вера – первый шаг к осуществлению этого предназначения, но окончательный – это знание предмета веры как убеждённость, абсолютная идейная устойчивость в его понимании.

Порождённая высокой культурой религиозность помогает индивиду осознать наличие абсолютной, превосходящей, объективной воли и, тем самым, помогает противостоять рабству вожделений, зависимости от природной стороны

через традиционные обряды и психологическую настройку. Осмысленность не дана от рождения – каждому поколению приходится заново проходить путь её обретения. Не каждому члену общества хватает духовной силы дойти до конца, но вера в Абсолютную волю обуздывает природное существо, направляя его устремления к вершинам, достигнутым культурой.

Религиозный настрой противостоит рабству природности, подавляя и уничтожая его, но до конца человеческое предназначение реализуется в познании промысла Божия, когда Его благая воля живёт в человеке, устроая гармонию обеих сторон (только лишь религия как ориентация на чистую духовность – это деспотизм по отношению к природной стороне, тирания всеобщего, преобладание долга над свободой). В идеологии как сознании общественного организма, нацеленного на конкретную жизненность, – не отрицание, а подчинение и использование инстинктов, «демократический централизм» либеральности, контролируемое «цветущее многообразие».

Религия и идеология – та сфера коллективной полноты, которую дано вместить во всём объёме каждой частичке общества – каждой отдельной личности (без которых она не может считаться полноценной).

Эпидемия потакания вожделениям, охватившая в последнее время большую часть земного шара, не только не способствует реализации универсальной человеческой потребности в свободе, но затрудняет её достижение стремящемуся к ней человеческому духу. Этот духовный недуг низводит религию до развлечения, идеологию до потребительства, а культурное основание до его поверхностных форм. Смысловая дезориентация, необузданность природной стороны разрушительно действуют на общество – разлагают коммуникативные связи, порождают всеобщую невротизацию и перманентный социальный кризис.

Русская культура, достигшая предельных высот человечности, способна защитить проникнутые ею народы от тотальной деградации.

Исстари Русская культура возбуждала в человеке поиск смысла (духовную неуспокоенность) и добровольное подчинение высшему долгу (внешне выглядящего как «рабский менталитет»), но воспевала при этом «волю вольную».

В русском языке слово «обыватель» (обитатель) имеет негативное содержание, характеризуя человека несознательного, не постигшего смысл своей жизни, бесцельно «обитающего» в общественной среде. Определение «смысл жизни – в самой жизни» – не для русских, у которых идея (осознанность), вера, традиции играют существенную роль.

Русское общество, невзирая на его нынешнее состояние, можно охарактеризовать как до конца человеческий коллективный индивидуум. Сатанинской идеоло-

гии порабощения инстинктами не под силу разрушить русское когнитивное пространство, созданное и поддерживаемое великой культурой. Однако отсутствие подлинной идеологии как вербализованной национальной идеи лишает культуру важного инструмента для немедленного оздоровления общества.

Долг совести представителей Русского культурного мира – тех его частичек, которые в полноте восприняли его духовные богатства, – озвучить это содержание, облечь всечеловеческую Русскую идею в осмысленное слово (которое всегда в начале и без которого «ничто не начало быть, что начало быть») [2, Ин.1:3].

Список использованной литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М.: «Мысль», 1971.
2. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (Синодальный перевод).

НАРОДНЫЙ ОРНАМЕНТ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВ

М. Ю. Спирина

Современная наука определяет культуру как результат деятельности человека, результат обработки и осмысления им окружающих вещей и мира в целом. Очевидно, что при таком взгляде культура той или иной эпохи будет определяться, прежде всего, мировидением человека в эту эпоху, тем, какие смыслы он видит в этом мире. Образ мира в сознании человека выступает здесь как стержень культуры.

Культура как результат деятельности людей включает результаты воспитания и образования человека, соответствующего той или иной эпохе. Многие глобальные проблемы грядущего века могут быть решены в условиях интеграции естественнонаучного и гуманитарного подходов, где культура образует важный интегрирующий фактор. Главными составными частями культуры являются вещественная (опредмеченная) и духовная. Наиболее ярко это проявляется в традиционной культуре, в ней важной особенностью народной жизни выступает синкретичность. Синкретизм традиционной культуры предстает как слитность духовного и материального начала, первозданная цельность духовного и материального бытия. В особую сферу традиционной культуры входят те знания и опыт, которые выражают своего рода опорные точки в духовной эволюции, непрерывном процессе самообновления человека и человечества. Из этих точек формируется путь поступательного развития человека как объекта и субъекта истории. Традиционная культура определяла и нормировала все аспекты жизнедеятельности общины: уклад жизни, формы хозяйственной деятельности, обычаи, обряды, регулирование социальных взаимоотношений членов сообщества, тип семьи, воспи-

тание детей, характер жилища, одежды, питания, освоение окружающего пространства, отношения с природой, миром, верования, поверья, знания, язык. Фольклор выступал как знаково-символическое выражение традиции. Сегодня научное изучение традиционной культуры ограничено, но она постоянно напоминает о себе в самых разных сферах человеческой жизнедеятельности.

Одной из составных частей традиционной культуры является традиционное искусство, в коем перекрещиваются бытовые и художественные потребности, труд, игра и обряд, коллективные представления и индивидуальное творчество, будни и праздники, различные формы художественного постижения мира. Важнейшей особенностью традиционного искусства предстаёт его жизнерадостность, которую М. А. Некрасова определяет как главный принцип традиционной культуры в целом. Этот принцип тесно связан с высокой нравственностью произведений народных мастеров. В изделиях народного художественного гения никакая нечисть, никакое зло никогда не имели словесного или зримого образа. Образный строй должен был соответствовать понятию красоты и гармонии, лада. Не обладая научными знаниями, наши предки, тем не менее, бессознательно понимали, что худое, безобразное оказывает на человека плохое влияние, способно причинить ему зло. Поэтому избираемые и веками отработанные формы, цветовые решения, словесные сочинения обязательно были нацелены на то, чтобы способствовать духовной эволюции. В своё время В. В. Уперов отмечал, что эстетическое чувство повышается, становится полнее и напряжённее, когда «восприятие физической красоты осложняется и дополняется разного рода чисто духовными состояниями приятного характера, которые вызываются физически прекрасным, целым или какой-либо его частью, и дают физической красоте то, что называется обыкновенно внутренним содержанием» [9, с. 120].

Традиционное (народное) искусство включает в себя: устное народное творчество, имеющее материалом СЛОВО; пластические искусства – народное зодчество и народную скульптуру, где зрение (и мировоззрение) синтезировано с чутким, живым ощущением (осязанием) пространства (мира и космоса, в котором живет человек); народную музыку, народный танец и народный театр, где царствуют звук и движение. Особое место в нем занимает изобразительное творчество в форме традиционного прикладного искусства – народного художественного ремесла, использующего в качестве главного выразительного средства линию, цвет и форму. Именно в традиционном (народном) искусстве выражается национальный образ мира, миропонимание и мировоззрение народа, его представление о мироздании [8].

Предметно-пространственное окружение, издревле создаваемое руками человека, занимает важное место в его духовном самосовершенствовании. В традиционной культуре бытовые предметы, включая и народный костюм, являлись вы-

разителем не только личности мастера, но и национального мировоззрения, отражая национальный этический и эстетический идеал. Любой предмет домашнего обихода, сам народный костюм представал образом человеческих чувств, желаний, стремлений, мыслей, скрытых в соответствующих изделиях народного художественного ремесла. В произведениях традиционного прикладного искусства воплощаются радость и оптимизм, принятые как мировоззрение и образ жизни. Наличие неразрывных связей художественного творчества со всеми иными аспектами народного бытия явилось той питательной средой, которая позволила в традиционном (народном) искусстве разных стран и эпох вновь и вновь воспроизводить с необходимой степенью жизненности древнейшие, общие для всего человечества художественные формы и смыслы. По мнению П. Р. Гамзатовой: «Именно в архаическом и народном прикладном искусстве, основанном на мифопоэтической системе представлений, предмет оказывается носителем значительной, внутренне ему присущей мироустроительной функции, т.е. актуализируется некая “созидательная”, “конструктивная” функция. Произведение прикладного искусства в этом контексте представляется не просто чем-то утилитарным или, напротив, удовлетворяющим чисто эстетические потребности, но активно входящей в мир формой, выстраивающей, образующей, организующей мир, пространство и человека в соответствии с некоторыми фундаментальными представлениями о миропорядке» [2, с. 36-37]. Л.Н. Гумилев некогда так определил бессмертный смысл традиции в народном искусстве: «Истлевают полотна и пергаменты, гниет дерево, окисляются металлы, крошится камень... Но формы, воспроизводимые из поколения в поколение, при наличии живой традиции, противостоят Времени и заполняют Пространство, превращая хаос в космос» [3, с. 40].

Традиционное прикладное искусство рассматривается некоторыми исследователями как постепенно уходящее прошлое. Дизайнеры, например, уверены в том, что его в будущем, несомненно, заменит дизайн. Но реалии повседневности свидетельствуют: в современном мире традиционное прикладное искусство объективно приобретает особую, судьбоносную роль. Оно обладает общечеловеческими, национальными и локальными (местными) проявлениями. Их истоки связаны с периодом первоначального становления человечества. Генезис художественных форм и основополагающих художественных принципов традиционного прикладного искусства, их сложение происходили непосредственно в трудовой деятельности древнего человека, в процессе создания бытовой вещи, которая всегда обладала духовным содержанием. Развитие и изучение (в том числе и обучение различным видам традиционного прикладного искусства) позволяет решить задачи возрождения и развития национальной культуры, пробуждения национального самосознания, те социальные и культурные проблемы, что становятся все более и более насущными в странах Евразии XXI века.

В сферу традиционного прикладного искусства исторически входят художественно обработанные вещи, используемые в быту, труде, культе, торговле, спорте: посуда, мебель, одежда, ювелирные изделия, художественное оружие, рекламная продукция; а также художественное оформление различных элементов интерьера. В традиционной культуре вещь была дорога, но ценность её определялась сочетанием функциональности и полезности, которые неизменно коррелировали с Красотой. Вещи образовывали собой бытовое предметно-пространственное окружение человека, формировали его повседневность. «Семейный дом — специфическое пространство, мало зависящее от объективной расстановки вещей, ибо в нём главная функция мебели и прочих вещей — воплощать в себе отношения между людьми, заселять пространство, где они живут, то есть быть одушевлёнными» [1, с. 11].

Предметный мир современного человека дифференцирован: по различному назначению предметов, по различным типам творчества, обладающим разными культурными функциями. Изделия народных мастеров, формируя жизнерадостную, нравственную среду обитания, позволяют противостоять тому процессу, который происходит в настоящее время в жизни человека и общества, когда достижения современной цивилизации, унифицируя образ жизни и среду обитания, оттесняют человека от истоков национальной культуры. Вещи, сотворенные мастерами традиционного (народного) искусства, создают художественную упорядоченность предметно-пространственной среды, придают ей духовную полноту. Традиционное искусство представляет живую память народа, составляет живую традицию, связывающую современность с прошлым. Оно всегда являло и являет сейчас высочайшие качества единства и целостности. Богатство и разнообразие традиций народного искусства образуют генофонд, содержащий к тому же огромные адаптационные возможности. С помощью предметов традиционного прикладного искусства возможно сохранение национальной картины мира, традиционных ценностей, составляющих базис культуры и искусства этноса. Напомним в связи с этим о мировоззренческих универсалиях, которые В. С. Стёпин определил как ДНК социума, как культурно-генетический код этноса.

В рамках психосемантического подхода в научных оборот вошло понятие «художественный конструкт» [7, с. 31-35]. Такие конструкты отражают как мировоззрение отдельного человека, так и общественное сознание. Они способны развиваться и трансформироваться во времени. Конструкты выступают строительным материалом концепта, создание которого является функцией миропознания. Ж. Делёз и Ф. Гваттари определяют концепты как устойчивые сгустки смыслов. А Дж. Келли создал на этой основе теорию личностных конструктов, в коей конструкт рассматривается как индивидуальная форма познания мира, как некий индивидуальный познавательный эталон. Личностными конструктами могут быть

социальные стереотипы, пословицы, поговорки и даже фрагменты рекламных текстовок, заменяющих в житейском сознании систему философского или религиозного мировоззрения [6, с. 31]. Названные личностные конструкты вырабатывались в течение тысячелетий в народной философии, народной словесности, традиционном прикладном искусстве, повседневной жизнедеятельности предков современного человека.

В изделиях народных мастеров важное место уделяется декорированию изделия. Народная орнаментика включает не просто линии, геометрические формы, растительные, орнитоморфные, зооморфные, антропоморфные мотивы. Каждый орнаментальный мотив наполнен глубоким смыслом, который не только украшает бытовую вещь, но передает целостный знаковый комплекс, основанный на архетипах и символах, в течение многих тысячелетий выработанных тем или иным народом и всем человечеством. Мифы, архетипы и символы неразрывно связаны друг с другом [10, с. 11]. Народная мифология на века сохранила все те культурные смыслы, что обрел человек в процессе собственной эволюции. В ней нашли отражение взгляды древних славян на сотворение и структуру окружающего мира. Архаичное представление об устройстве вселенной и месте в ней человека, о времени и пространстве, об отношениях с природой не следует считать плохим или отсталым. Оно просто иное, не такое, как у современного человека. Архаичное представление основано на другой логике и предполагает особое поведение человека по отношению к окружающему миру. Такое поведение включало в себя целую систему обрядов, магических действий и текстов, которые человек должен выполнять, чтобы правильно общаться с природой. Вся эта система знаний передавалась от одного поколения к другому с помощью устного слова и личного примера старших. Сегодня исследователи отмечают так называемый «инициационный голод», о котором говорят развитые народы, особо выделяя молодежь. Он проявляется, в том числе, в потребности людей в ритуалах. М. Мафессоли пишет, например, о росте числа специфических молодежных субкультур («квазиэтносов») и их устойчивом социальном запросе на образцы традиционного искусства, этнической символики, мифосознания [4, с. 278–279].

Особенную роль играют культурные архетипы — исторически устойчивые элементы коллективного бессознательного, объединяющие поле культуры в единое семантическое пространство и определяющие систему диспозиций личности по отношению к базовым основам бытия: жизни и смерти, времени и вечности, счастья и несчастья, любви и ненависти, свободы и ответственности, смысла жизни. Культурные архетипы определяют и формируют исторически устойчивые модели жизненных стратегий, смыслы человеческого существования и национальные образы мира. Набор архетипов и архетипических сюжетов не многочислен, но отражает множественность жизненных ситуаций и разнообразие эмоциональ-

ных переживаний, свойственных и конкретному индивиду в частности, и всем людям в целом. Интерпретация архетипов не требует логических усилий, поскольку они воспринимаются на бессознательном уровне и имеют единый смысл для всего человечества.

Знаковая система, содержащаяся в произведениях традиционного искусства, приобретают особую значимость, поскольку выступает ныне как исконный, но технологически обновленный язык, как визуальный ресурс актуализации культурного наследия. Мир культурных универсалий носит общецивилизационный характер, принимая участие в формировании ценностно-нормативного и ментального ядра субъекта культуры. Современные исследователи называют знаковую систему символической системой этничности, т. е. рассматривают как сгусток самых различных смыслов, практик, моделей поведения, закрепленных в традиционной культуре и имеющих большую эмоциональную силу. Особо подчеркивается, что символ способен существовать вне человека и сохранять культурные ценности в «свёрнутом виде».

Символы в народной орнаментике явились результатом многотысячелетней и упорной рукотворной и умственной деятельности человека. Их на протяжении веков сохраняет традиционное прикладное искусство, включая в декор бытовых изделий, народного жилища, народного костюма. В. С. Воронов выделял огромную художественную способность, с какой в изделиях народных мастеров было претворено вековое идейно-символическое наследие в формы, образы и узоры исключительно бытового и чисто декоративного применения. В культурологии символ рассматривается как особого рода знак, несущий в себе живую психическую связь с тем бытием, которое он обозначает [11, с. 346]. Приведем несколько примеров. Любой ребенок начинает свою изобразительную деятельность с «верчения» карандаша по спирали, а ведь спираль есть символ жизни, бесконечности, космоса (достаточно вспомнить структуру ДНК, строение Вселенной и пр.). Когда ему попадает в руки чистый лист бумаги, и он начинает рисовать картину, то первой линией, которую он проводит, является прямая горизонтальная линия, в народной орнаментике символизирующая землю, низ. Уже здесь присутствует элемент творчества и элемент миропонимания, поскольку такой чертой автор изображения отделяет землю от неба. На земле он затем «строит» дом, а на небо помещает солнышко. Так ребенок становится Творцом.

Примером может служить и Мировое Древо, которое в мифологии славян выступает символом мироздания. Мировое Древо выражает идею гармонического единства мира. Его изображение претерпевает с течением времени определенные изменения, но сохраняет неизменным свое архетипическое значение. Как архетип Мировое Древо можно найти в мифологии индоевропейских, тюркских, иных народов. Оно присутствует и в мифологии древних египтян, китайцев, обитателей

Древней Америки. Мировое Древо до сего дня сохраняется как орнаментальный мотив в различных видах русской народной вышивки, кружевоплетения, разнообразных народных росписях и резьбе по дереву.

Сегодня использование символов, в частности, в рекламе, составляет проблему, настоятельно требующую внимательного и адекватного изучения. Проблематичность эта определяется несколькими факторами: во-первых, обычно неправильным использованием символов, что обусловлено отсутствием особых знаний по изображению и содержанию символов (как результат недостаточного научного изучения); во-вторых, вульгаризацией символических значений в угоду сиюминутным интересам; в третьих, смешением понятий «символ» и «символическое изображение».

Своим смыслом обладают и цвета, которые применяют народные мастера. В традиционном прикладном искусстве роль цвета трудно переоценить. Именно цветовые сочетания создают в предметно-пространственном окружении человека благоприятно воздействующую на него, его эмоциональное состояние оптимистическую среду, обладающую и нравственной компонентой. П. Сезанн в своё время отметил, что цвет – это «место, где сходятся наш мозг и универсум». В процессе эволюции традиционного прикладного искусства путём длительных и многочисленных практических опытов были выработаны оптимальные для человеческого восприятия колористические решения, несущие в себе нравственный потенциал. Достоверно известно, что каждый цвет вызывает подсознательные ассоциации, а они у представителей различных этносов определяются различиями культурных особенностей. Цвет есть свойство человеческого восприятия, обусловленное психофизиологическими и когнитивными характеристиками индивида. Традиция упорядочивания объектов и событий окружающего мира в их символической окраске восходит к глубоко архаическому мышлению. Цветовой символизм, объединяя объекты, помогает упорядочить их, построить простые обобщения и выделить некие закономерности, позволяющие человеку ориентироваться в окружающем мире. Сегодня учёные пришли к выводу о межкультурной универсальности цветовой символики наряду с национально-культурной специфичностью.

Цвета вызывают эмоции, а эмоции обязательно содержат оценочную составляющую. Здесь следует иметь в виду мифологические парности. Так, универсальная пара «белое — черное» представляет собой две зеркальные грани, два мира: белый свет и иной мир (подземный, мрачный, чёрный). Символика белого цвета означает одновременно рождение нового и исчезновение старого. В традиционных верованиях славян современный исследователь обнаруживает противопоставление Белбог — Чернобог. У европейских народов белый цвет олицетворяет свет, жизнь, святость, вечность, божество. Это цвет совершенства, ассоцииру-

ющийся с Абсолютом. Чёрный цвет ассоциируется с потусторонним миром, тьмой, смертью, всяческой нечистью.

На Руси красный цвет был цветом жизни, красоты, почему являлся и цветом праздничных одежд и свадебных нарядов. Зелёный цвет в большинстве случаев ассоциируется с природой, этот цвет означает жизнь у многих евроазиатских народов. Он расслабляет, смягчает, успокаивает человека. Предпочтение зелёного рядом исследователей оценивается как общая нормализация психического состояния. Синий определён как цвет покоя, расслабления. Он отражает физиологическую и психологическую потребность человека в покое. То, что цвета символизируют некое определённое миропонимание и мировосприятие, позволило П. В. Яньшину сформулировать понятие «цветовой архетип», который обогащается с развитием культуры [12].

Как видим, традиционная культура дает множество возможностей передачи смыслов «мировоззренческих универсалий» в сегодняшнем социокультурном пространстве. Такой потенциал традиционной культуры определяется ее органичностью, тем, что она сохраняет и формирует во времени сознание человека, неизменно живущего своей причастностью к народному целому, чувством своего места в космосе. Традиционная культура представляет собой базис современной культуры, корневую систему национальной культуры. Ее генеральная функция — «воспроизводство человеческого в человеке», воссоздание связей личности с общенародным, общечеловеческим при сохранении национальной укоренённости — необыкновенно важна для современного человека. Однако нельзя не учитывать, что в современном обществе все сильнее проявляется отсутствие народного искусства в культурной жизни населения. Из жизни наших детей искусственно убрано все, что может напомнить им об особом характере русского народа, о его этических и эстетических принципах, о бесценных произведениях народного художественного ремесла и в целом о национальной культуре.

Все нации стремятся к социальному прогрессу, умело используя для процветания свои социальные гены, свой характерный образ жизни, свою национальную психологию. С точки зрения М. А. Некрасовой, пренебрежение проблемой сохранения, возрождения и развития традиционного прикладного искусства приводит к профанации, дискредитации духовно-нравственных ценностей народа, что порождает развал и депрессию. Масштаб приносимых разрушений и подмен приобретает силу, угрожающую нравственному здоровью молодого поколения и государству в целом утратой народом своей национальной, гражданской, духовной идентичности [5]. В связи с этим в настоящее время руководители ряда евразийских государств и включили в планы обеспечения устойчивого развития возвращение традиционных ценностей в повседневную жизнь граждан своих стран и как обязательное условие – их защиту. Наличие в традиционной культуре

ценностей красоты, природы, альтруизма и творческой деятельности не позволит человеческой культуре и цивилизации прийти к самоуничтожению, а даст возможность поднять ее на новый духовный уровень.

Список использованной литературы:

1. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. С.Н. Зенкина. М.: Рудомино, 1995.
2. Гамзатова П. Р. Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. К проблеме культурного архетипа. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Гумилев Л. Н. Искусство и этнос // Декоративное искусство СССР, 1972, № 1. С. 39-42.
4. Мафессоли М. Околдованность мира или божественное социальное // Социо-логос. Общество и сферы смысла. — М.: Прогресс, 1991. 480 с.
5. Некрасова М. А. Спасти промыслы [Электронный ресурс] URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2009/04/06/spasti_narodnye_promysly/ (дата обращения 03.07.2009)
6. Петренко В. Ф. Психосемантика искусства / Ред. М.И. Черкасская. М.: МАКС Пресс, 2014. 320 с.
7. Петренко В. ., Пронин А. А. Художественный конструкт как форма семантической организации литературного текста // Оптимизация речевого воздействия / под ред. Р.Г. Котова. М.: Наука, 1990.
8. Спирина М. Ю. Традиционное прикладное искусство в условиях глобализации // Осенняя школа традиционного прикладного искусства. СПб., 1-15 ноября 2006. Программа и учебные материалы. СПб.: изд-во СПбГУ, 2006. — 80 с. — С. 17-29.
9. Уперов В. В. Реклама — ее сущность, значение, историческое развитие и психологические основы и средства. Рига: тип. Vārds, 1932. — 266 с.
10. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. Большаков В.П. 3-е изд. М.: Академический проект; Королев: Парадигма, 2005.
11. Энциклопедический словарь по культурологии. М.: Центр, 1997. — С. 346.
12. Яньшин П. В. Психосемантика цвета: монография. СПб.: Речь, 2006 (СПб.: Типография «Наука»). 368 с

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ИГРОВОМ СООБЩЕСТВЕ:

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, СМЫСЛЫ

Е. М. Владыкина

Культура досуга и напряжённая творческая деятельность

После драматических событий 90-х годов – полного провала «модернизации» страны и как следствие – крушения советской империи, прорабами перестройки был провозглашён курс на переход к западной рыночной модели экономики. Деграционные процессы затронули государство, общество, сознание граждан.

Общество потребления более не нуждается в передовиках производства. Государству, отбросившему идеологию, оказалось выгоднее цинично торговать богатствами страны и на вырученные деньги заполнять прилавки иностранной продукцией, чем развивать собственные промышленность, науку, культуру, сель-

ское хозяйство. Да и ньюкапитализму на русской почве, построенному для узкого слоя власть предержащих в результате криминализации партийной номенклатуры, нужен не человек труда, не исследователь, не художник, а законопослушный, ориентированный на сиюминутные цели обыватель с высокой покупательной способностью. Оказалось, эти цели можно успешно формировать через рупор СМИ, пропагандируя роскошную жизнь и лёгкость обогащения. В годы «шоковой терапии» власть с помощью телевидения, которому доверяли как отцовской воле, торговала ваучерами, растлевала целомудренные души порнографией, втягивала в строительство финансовых пирамид, даже прибегла к массовому гипнозу, пытаясь усыпить целую страну. До сих пор памятливы телесеансы выдающихся гипнотизёров с их «установкой на добро» и заряженной водой. И надо признаться, небезуспешно. Недовольных удалось переформатировать, увлекая броской эстрадой, сенсационными передачами и плеядой юмористов. Обошлось даже без разрушения мавзолея. Фронтвики и послевоенное поколение естественно покидают нас. А народившееся перестроечное – демонстрирует в результате «реформ», телезомбирования и всеобщей компьютеризации не только предельно низкий общекультурный уровень (а иной, увы, и не востребован), но и полную индифферентность к происходящему и утрату пассионарности. Только вот потреблять, исключая главный мегаполис страны, не очень получается. Информационная война в разгаре. Реклама творожка на ведущих каналах выполняет в первую очередь идеологическую задачу. Формирование сознания происходит через стимулирование покупательной способности, через выстраивание модели семьи, собирающейся, в основном, вокруг стола. Обывателю навязывают ненужные импортные товары, заодно демонстрируя образ современной женщины – подтянутой, ухоженной, напористой и с огромными запросами. Индустрия красоты приносит и продолжает приносить баснословные доходы производителям товаров и услуг в этой области. Главное – это опять-таки работа с сознанием. Увести человека подальше от интеллектуальной и духовной жизни, заразить нарциссизмом, ввергнуть в перманентный процесс совершенствования плоти: от юношеских прыщей через коррекцию фигуры – до старческих морщин. Мужчина же, чьё призвание завоёвывать небо, выглядит с экрана безвольным исполнителем женских капризов, услужливым, податливым, домашним, комичным, вечно что-то приобретающим. Ибо смена гендерных ролей – примета нашего времени. Семья же неспроста классиками марксизма очень точно была наименована ячейкой общества. Общество, меняясь, не может не затронуть семью. Последняя, полностью ориентированная на достижение материального благополучия, не имеет будущего. Впрочем, как и общество. В ситуации победившего прагматизма и упразднения идеологии культуре отводится второстепенная роль. В мире расчёта и стяжательства на неё никогда не будет времени. Нет идеи – нет цензуры – отсутствуют критерии в оценке лично-

сти, художественного произведения, чего бы то ни было. Культура – некий прида-ток, причудливый аппендикс, излишняя роскошь. В итоге на сегодняшний день в российском современном обществе (и это надо признать с горечью) нет запроса на культуру. Напомним, в советском обществе культура была фактом общественной жизни. Сегодня всё решает спрос, а его легко формировать, и это – как правило, низкопробный непритязательный вкус. Зато есть огромный запрос на индустрию развлечений. При таком раскладе редкие часы досуга будут потрачены на расслабленное приятное времяпрепровождение. Здесь разница в возможностях: для кого-то сёрфинг – дайвинг и нездешние лазурные берега, для других – смакование любимой шоу-программы и футбольный матч под пиво.

В действительности, культура – платформа для формирования личности. Созданный по образу и подобию Бога человек призван творить. Его видовая задача – преобразование себя и мира. Дооформить видимую первоначальную реальность, довести её, согласно законам красоты, разума и гармонии до совершенства. Напротив, общество потребления видит в совращённом идеей успеха индивидууме исключительно средство, как и главного гаранта затянувшегося апокалипсиса.

Безвозмездная, не предусмотренная теорией личной материальной заинтересованности, творческая деятельность неприятно контрастирует с насаждаемым образом жизни, при котором отстранённый обезличенный труд сменяется гедонистическим бездельем. Творческая активность не продиктована законами рынка. Всё по-настоящему новое, смелое, талантливое, отвечающее на вызовы современности, изгоняется, замалчивается, а начисто лишённое материальной поддержки – уничтожается. Кроме того, российское общество до конца не избавилось от установок советского времени, когда материальный базис был в основе, а физический труд уважался и ценился гораздо более интеллектуального. Вспомним оскорбительные пассажи румяного генсека в адрес художников и бульдозерную выставку.

Культура в современной России делится на музейную, представленную шедеврами прошлого, массовую или культуру досуга и культуру андеграунда. Именно последняя отвечает своему понятию до конца. Загнанная в подполье, она прорывается сквозь время, мистически сметает все запреты и созидает иную реальность. Творческим людям поневоле приходится служить двум господам, отдавая «кесарю кесарево» ради счастливых часов рабочего вдохновения. Не стяжая славы, денег и власти над душами, музыканты, художники, поэты, мыслители вынуждены работать на вечность. Тем свободнее их творчество, тем совершеннее – его плоды. Ушедшая в катакомбы подлинная современная, пронизанная пророческим духом, русская культура сегодня гонима как христианская первоапостольская церковь.

Религия как обряд и христианская этика

Христианская православная церковь в России, несмотря на провозглашённый нейтралитет, стала духовной опорой власти и, таким образом, вписалась в рынок. Дух христианства – в попечении о больных и немощных, а не в освещении сильных и богатых. Допускать вопиющее социальное неравенство, благословлять насквозь пронизанный мамоной мир, закрывать глаза на беззакония, обращаясь лишь к совести горстки верующих – очень удобная и лукавая позиция. Бывшим советским гражданам, выросшим на рассказах о героях революции, после крушения мощной советской идеологии предложили вдохновляться религиозными ритуалами и обрядами, твердя молитвы и осеняя себя крестом. При этом одной из причин социалистической революции стала утрата РПЦ духовного лидерства. Процесс десакрализации русской культуры был запущен ещё царём-плотником, небезосновательно прозванным в народе антихристом. Влияние русской православной церкви на умы и души закончилось более столетия назад. Идеологией, в основе которой лежала атеистическая пропаганда, занимались на всех уровнях и очень серьёзно. Однако «Москва – Третий Рим, а четвёртому не бывать», – провозгласил некогда один из церковных иерархов. Пророчество сбылось: Россия остаётся единственным истинным оплотом православия в мире. Советская идеология изжила себя на исходе второго тысячелетия. Так как же быть с Третьим Римом? Попытки реставрации православия, выходя в глазах униженных и обобраных граждан костюмированным фарисейством, идущим вразрез со всеохватной пропагандой стяжательства и натываются на языческий посясторонний характер народа. Люди в массе своей, принимая обряд как хорошо забытые национальные традиции, не уповают на блаженство на небесах, а жаждут земных благ, достойной жизни, справедливого социального устройства, всесторонней реализации, мира. Все реставрационные проекты возвращения к царской России или к Советскому Союзу утопичны и не отвечают вызовам современности.

Христианская этика сегодня – жить жизнью мыслящего, внутренне свободного, не присягнувшего золотому тельцу человека. Воплощать христианские заповеди собственной биографией, минуя назидания, морализаторство, не ограничиваясь обрядом. Быть не в тренде, не в русле. Не в моде. Это жизнь по заповедям любви и благодати, а не греховное самокопание. Это раскрытый Новый Завет – время деяний, исцелений (не столько плотских, сколько духовных), время совершения чудес (не обязательно явных), время проповеди Слова Истины (пусть для немногих, избранных), время принесения добрых плодов. Нести свет христианской религии – это создавать свободную от семени греха среду обитания, собственный социум для реализации духовных идеалов, отстаивать свой, отличный от навязанного, стиль жизни. В некотором смысле он близок монашескому уходу от мира, исихазму, иночеству, духовному отшельничеству. «Итак, посылаю вас

как овец среди волков...и будьте просты как голуби и мудры как змии» - наставлял Христос апостолов.

Человек играющий и человек-творец: уход в виртуальность и регенерация идей

Когда из мира уходит идея, он становится иллюзорным. Человек перестаёт быть носителем высших ценностей, он отстранён от формирования новой реальности, его созидательная космическая энергия направляется на частные сиюминутные интересы, часто на саморазрушение, а также на преодоление искусственных преград. От человека больше ничего не зависит. Вместо духовного прорыва, научных открытий, культурных достижений ему предлагают игру. Будь то новомодный квест, виртуальный мир, экранная «развлекуха» или зрелищный спорт. Не случайно центровыми фигурами в глобальном мире являются артисты и спортсмены. Именно они, виртуозные игроки, якобы по заслугам вошедшие в элиту, чуть ли не единственный пример успешности и подкреплённой материально профессиональной реализованности. В то время как другие достойные профессии, как и отдавшие жизнь родине выдающиеся личности, даже не заслуживают упоминания. Их невидимый титанический труд никем не отмечен, их молчаливый торжественный уход не сопровождается гражданской панихидой.

В условиях деиндустриализации и идеологической индифферентности страны сотни профессий исчезают. Человек ощущает своё бессилие, свою ненужность, свою отверженность от социума. Можно закрыться в собственном мирке, уткнуться в личные проблемы и, затеплив лампадку тщетной веры, заняться выживанием. Можно уйти в молчаливый протест и источить весь духовный потенциал на саморазрушение. Можно азартно отыскивать поле чудес в стране дураков. Но, взвалив на себя груз исторической ответственности, отсидеться в уютном местечке, слабовольно изображая жертву, невозможно.

Свободное творчество – это альтернативный образ жизни сегодня. Это не только чистая эстетика. Искусство ради искусства, но и этика прежде всего. Это не игра по правилам, не положение «вне игры», а ведение своей собственной партии. Это есть бескомпромиссная борьба с духом «мира сего» в себе и вне себя. Каждый, всерьёз, не понарошку, включённый в неё есть непризнанный герой нашего времени. Сколько любви, веры, терпения, смирения и мудрости требуется той личности, которая каждый день сражается за кусок хлеба, человеческое достоинство, здравый смысл, высшие идеалы! На фоне всеобщего сатанизма, уже откровенных алчности, злобы и предательства... Но «всё тайное, как известно, становится явным и зажегши свечу, не ставят её под кровать, а да светит всем в доме». Не стоит бояться материальных лишений – от них никто не застрахован. Не нужно опасаться безвестности – в ней лучше всего работается. Необходимо

достигать высшего качества и филигранного мастерства в избранном виде деятельности. Речь идёт, прежде всего, о регенерации идей, производстве духовных ценностей. Люди не достигают только потому, что не хотят. Слишком человеческое, то есть рационализм, помноженный на предрассудки, пересиливает спонтанный творческий порыв, в котором человек забывает всё, в том числе самого. Время расставит вещи на свои места. Останется только настоящее, лучшие образцы искусства, технического гения, философской мысли.

В эпоху фальшивых ценностей о настоящем признании и материальном вознаграждении можно забыть. Именно поэтому свободное честное творчество на сегодняшний день – это настоящая христианская этика и внутренний незримый подвиг. Но это также есть настоящая жизнь. Не лишённая трагедии, но полная смысла и подлинной радости. Радости, несравнимой с ребяческим счастьем от экстремального селфи, виртуальных подвигов, да стука деревянных мечей на игровом поле.

Крушение иллюзий и смысл человеческой жизни в эпоху Творчества

Всё подлинное стремится к Истине. Всё ложное и двуличное занято приспособленчеством. Формирующаяся личность неизбежно проходит через разрушение иллюзий и потерю себя в старом качестве. Нет уже прежних авторитетов, новое сознание формулирует иные ценности, ставит другие задачи. Нет комичнее зрелища, чем человек, пытающийся увязать идеалы советской эпохи с реалиями постсоциалистической России. Реальность груба, бездуховна, несправедлива, материалистична. И самое веское, что у неё есть – это то, что она реальность. Можно сбежать от действительности, скажем, в виртуальный мир. Так, население уткнулось в смартфоны. Можно на время изменить состояние сознания, прыгая, бегая, путешествуя, а также химическим способом. Но переделать бытие без воли народа – невозможно. А воля народа известна: жалобные сетования и неизменный «одобрям». Возможно, сказывается историческая усталость от трудовых и ратных подвигов. Необходимо конструировать методом искусства смысловую реальность, которая мистически предвосхитит надвигающиеся события. В основе будет искусство мышления, занимающееся теософией и идеологией. Для многих в ситуации затянувшегося кризиса творчество является единственным достойным выходом. Это жизнь без иллюзий, с широко раскрытыми глазами, способность правильно распорядиться Богом данной свободой.

Духовная личность в игровом сообществе, являясь исключением из правил, занимается регенерацией смыслов и идей. В наступившую Эпоху Творчества это нелёгкий путь, но действительно воплощение Божьего замысла и подлинный смысл человеческой жизни.

ПОИСКИ СМЫСЛА ЖИЗНИ В ПРОШЛОМ И В СОВРЕМЕННОСТИ: ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ОПЫТА

О. С. Крюкова

Дефицит осмысленности существования в наше время сопровождается осязаемым кризисом идентичности, вследствие которого человек с трудом осознает свое место в мире. Именно кризис идентичности, основными функциями которой «являются адаптивная функция, оберегающая ценность и индивидуальность собственного опыта, и организующая функция, которая организует прошлый опыт в индивидуальное «Я» [1, с. 68], и ведет к утрате смысла жизни в целом. Традиционные для русской цивилизации ценности (например, коллективизм или уважение к труду) во многом дискредитированы, а лишённые целевых ориентиров существование заполняют псевдоценности.

Между тем, и в предшествующие исторические периоды русской истории смысл жизни не был очевидным, что демонстрируют многие герои русской классической литературы. Литературный тип «лишнего человека», наиболее яркими представителями которого являются Онегин, Печорин и Обломов, порожден именно отсутствием жизненной цели у этих героев. «Зачем я жил? Для какой цели я родился?» – размышляет лермонтовский Печорин, вызывая если не сочувствие, то хотя бы оправдание автора. «И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели...», – напишет поэт в стихотворении «Дума», которое идейно перекликается с романом «Герой нашего времени». Бесцельность существования угнетает лермонтовского героя, человека активного действия, но не более. Диагноз поставлен, социальную болезнь вылечить трудно, почти невозможно во времена Лермонтова. В середине XIX века в русской литературе появляются деятельные герои, противопоставленные «лишним людям», но общую картину это существенно не меняет. На смену рефлексующим дворянским интеллигентам приходят деятельные разночинцы, которые, как впоследствии оказывается, либо родились не вовремя, либо опередили время, либо являют собой инонациональный тип характера (Инсаров в романе И.С. Тургенева «Накануне», частично Штольц в романе И.А. Гончарова «Обломов»).

В литературе XX века пафос социального оптимизма приглушает поиски смысла жизни, но герои Шолохова, Леонова, Распутина, Астафьева, Шукшина задают себе все тот же вечный вопрос: «А зачем я живу на этой Земле?» Было бы логичным предположить, что в новейшей литературе нет ответа на этот вопрос, но это не так. В 2017 г. вышел роман современного писателя Сергея Кузнецова «Учитель Дымов», который уже своим названием подчеркивает связь с

традицией русской классической литературы, напоминая о чеховском герое-подвижнике – докторе Дымове из рассказа «Попрыгунья». В этом произведении один из героев приходит к осознанию смысла жизни всей семьи в целом.

Три поколения семьи Дымовых объединяет не географическое пространство, оно, скорее, их разъединяет, а стремление передавать свои знания и умения – просветительская традиция, заложенная еще до революции матерью Владимира и нашедшая отражение в заглавии романа. Жизненная стратегия (бегство-возвращение) вначале одного человека, которая объяснялась социальными катаклизмами XX в., распространяется и на следующие поколения и декларируется в конце романа в разговоре Жени с Андреем: «Он знал, что из любой ситуации найдется выход, потому что можно уехать в другое место, унести свою ситуацию с собой и там, на новом месте, найти выход, которого не было здесь» [2, с. 391–392]. Герои романа пытаются освоить, подчинить своим целям новое для них пространство, но реальность не всегда соответствует их планам, поэтому они постепенно возвращаются к исходному пункту своих жизненных ситуаций. «Охота к перемене мест» для них (наследие традиции русской классической литературы) становится знаком глубинного экзистенциального кризиса. Перемещаясь в пространстве, герой хочет обмануть судьбу, исправить ее замысел, но жизненный сценарий словно закрепляется в памяти поколений, и внук Владимира Дымова тоже выбирает путь вынужденных перемещений в пространстве, который в современном обществе носит название дауншифтинга.

Последнее перемещение в романе (переезд Андрея в Тулу) делает финал произведения открытым. Герой обязательно вернется в Москву, но уже в новом качестве, как это произошло с его отцом и дедом. Географическое пространство для Дымовых вторично, главное для них в жизни – это самореализация, которая не привязана только к одной географической точке пространства, и самоотдача. Предназначение семьи Дымовых можно определить как служение, но каждый из Дымовых-мужчин его понимает по-своему. И только к Андрею, внуку Владимира Дымова, приходит прозрение: «А я недавно понял про свою семью. Мы же все время делаем одно и то же, я никогда не замечал, а тут сообразил. Мы – учителя» [2, с. 407].

Список использованной литературы:

1. Кочетков В. В. Идентичность и культура в современных международных отношениях: Учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 320 с.
2. Кузнецов С. Ю. Учитель Дымов. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 413 с.

РУССКАЯ КЛАССИКА КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВ И
ОТРАЖЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА
(на примере учения о доминанте Ухтомского и соотношения эстетических катего-
рий формы и содержания)

М. Г. Пересторонина

Соборность русского менталитета в XIX веке наиболее ярко отразилась в произведениях русской классики, невзирая на сильное влияние западного стиля мышления. Так же, за неимением в России иных площадок, кроме литературных (журналы), для ведения политических и социальных дебатов, этот диалог перешел в русский реалистический роман, что активно препарировал не только героя, но и общество в целом. Именно в литературном пространстве создавались традиционные ценности культуры, конструировались и предвосхищались – новые, а так же прогнозировались все возможные варианты развития нашего общества.

Намеченные в XIX веке все возможные сценарии развития российского общества, которые были смоделированы литературой как наиболее вероятные, носят универсальный характер, и поэтому приложимы для прогнозирования путей развития всей западноевропейской цивилизации.

В XIX веке русская классическая школа, активно исследуя душу героя и дух общества, породила интерес к философской антропологии, в самом широком смысле. В XX веке это стремление стало доминирующим в естественных науках.

На российском пространстве в начале XX века наиболее ярко естественно-научный подход к исследованию человеческого духа нашел отражение в творчестве физиолога А.А. Ухтомского, важнейшим достижением которого явилось учение о доминанте. Учение, которое давно вышло из области физиологии.

Понятием доминанта Ухтомский обозначил господствующий очаг возбуждения в нервной системе человека, который предопределяет его поведение и реакции на внешние воздействия. Ученый описал трехфазовую закономерность в формировании доминанты – возбуждение, протекание и торможение, – тесно связав их с проблемой жизненного выбора человека.

На примере героинь А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого – Татьяне Лариной, Наташе Ростовской и Анне Карениной – можно с легкостью проследить эти циклы или фазы в поведении наших героев, связав их для большей наглядности с эстетическими категориями формы и содержания.

Первая фаза: внутренне состояние преобладает над всеми формами внешних явлений; здесь содержание еще не нашло своей адекватной формы, поэтому – $C > \Phi^1$. Вторая фаза: внутреннее состояние-содержание находит внешнюю форму

Здесь и далее по тексту условные обозначения: С – содержание, Ф – форма.

для своего выражения – $C=\Phi$. Третья фаза: всё внутренне состояние направлено вовне, т.е. к форме, следовательно, здесь форма превышает свое содержание, поэтому – $C<\Phi$.

Момент, когда содержание находит адекватную себе форму ($C=\Phi$), является кратким мигом; поиск адекватной формы ($C>\Phi$), а затем её использование ($C<\Phi$) может быть продолжительным, но не бесконечным.

Следовательно, должно быть какое-то еще одно действие, которое позволяет перейти от пользования привычными ценностями ($C<\Phi$) к освоению и накоплению новых ($C>\Phi$): в ситуации с Ростовой – это отложенная помолвка, в ситуации с Лариной – это отказ Онегина, в ситуации с Карениной – это беременность героини. Результатом выхода из всех этих ситуаций мы получаем трех героинь в кризисном состоянии или так называемой доминанте «страдания», которая является ничем иным, как этим недостающим действием или четвертой фазой.

Длительность доминанты «страдания»: в осознанном случае – это ситуация добровольно взятого на себя обязательства, которое со временем найдет для себя ту или иную форму воплощения, и ситуация получит разрешение, т.е. перейдет к созиданию новых ценностей и смыслов ($C>\Phi$); в неосознанном случае – это патологическое состояние, когда человек постоянно живет или возвращается к одним и тем же чувствам, мыслям, поступкам; в типичном случае – этот выход осуществляется посредством внешнего вмешательства (Р. Генон), которое ведет к «перемене ума» через сильное эмоциональное потрясение или так называемый этический катарсис.

В случае Лариной ситуация «страдания» разрешилась осознанно; в случае Ростовой – с помощью внешнего вмешательства; в случае Карениной – было проигнорировано внешнее вмешательство, в результате ситуация получила искусственное продление, возможное в строго ограниченных рамках игры со старыми изжившими себя смыслами и ценностями ($C<\Phi$).

Подтверждение четвертой фазы находим в трудах Ухтомского: «...возможно возникновение в центрах новой доминанты, несовместимой с первой. Это – задача «не думать про белого бычка», задача теоретического морализирования. Кора более успешно борется с доминантами, не атакуя их «в лоб», но создавая новые, компенсирующие доминанты в центрах, могущие свети их на нет» [6, 41–42]. Таким образом, третьей фазе наследует краткий период, приводящий к переходу в качественно иное состояние на базе предыдущего – или четвертая фаза, – где происходит обнуление старого и нахождение нового содержания, которое с неизбежностью приведет к разрушению и старых форм, следовательно, $C=0=\Phi$.

Объект	Доминанта А.А. Утомского	Первая фаза	Вторая фаза	Третья фаза	Четвертая фаза
	Соотношение формы и сод-ния	$C > \Phi$	$C = \Phi$	$C < \Phi$	$C = 0 = \Phi$
Ростова выбор объекта – ситуация 1	Бал: Наташа переполнена собой, поиск адекватной формы для выражения своего внутреннего содержания	Визит Болконского после бала: нахождение – закрепление объекта	Влюбленность в объект: трансляция в мир своего состояния через выбранную форму	Синтез предшествующего в отложенной помолвке > подготовка к новой жизни	
Ларина выбор объекта – ситуация 1	Чтение романов: наполнение объекта романтическим содержанием, поиск формы	Онегин в гостях: нахождение – закрепление объекта	Влюбленность в объект: осознание своего состояния через выбранную форму, написание письма	Синтез предшествующего в отказе Онегина > период «страдания»	
Ростова после помолвки – ситуация 2	Подготовка к новой жизни посредством выбранной формы, процесс наполнение новым содержанием	Встреча с Курагиным: нахождение нового объекта посредством <i>негативного внешнего вмешательства</i>	Влюбленность: трансляция в мир своего состояния через новую форму	Синтез предшествующего в подготовке побега > <i>внешнее вмешательство</i> > переход к «страданию»	
Ростова после расстроенного побега – ситуация 3	Период «страдания»: аккумуляция внутреннего состояния	Ростова в церкви у Разумовских: нахождение гармонии в мире посредством молитвы – <i>позитивного внешнего вмешательства</i>	Взросление: трансляция в мир своего состояния через стремление быть полезной другим, отказ от детского эгоизма	Синтез предшествующего во встрече с Болконским > получение прощения, уход за Болконским, возобновление отношений	
Ларина после отказа – ситуация 2	Период «страдания»: аккумуляция внутреннего состояния	Ларина в библиотеке Онегина: разочарование в объекте	Взросление: осознанное внутреннее принятие «страдания»	Синтез предшествующего позволил Лариной выйти замуж, но «страдание» по Онегину так и останется скрытой доминантой, которая во многом определит будущее поведение героини	

Четвертая фаза – $C=0=\Phi$ – является переходным моментом, в котором синтезируются новые ценности и смыслы, что станут основополагающими на следующей этапе, новом цикле доминантного поведения или предзаданного морфологического развития: «возбуждение, протекание и торможение», «рождение, развитие и угасание» и т.д.. На примере Ростова-Ларина этот переход виден весьма чётко.

В ситуации с Карениной непреодоление героиней четвертого этапа привело к фатальным последствиям.

фазы доминант. поведения	третья	четвертая	первая	вторая	третья
соотношение формы и сод-ния	$C < \Phi$	$C = 0 = \Phi$	$C > \Phi$	$C = \Phi$	$C < \Phi$
для Анны	размеренная жизнь с уважаемым мужем	синтез предшествующих интенций > искушение другой формой	наполнение новым содержанием: борьба между долгом предшествующей стадии и чувственными желаниями	трудный выбор в пользу искушения	склонение в пользу чувственных желаний, моральное бремя поправного долга
Ситуация		встреча на вокзале	год после встречи	день принятия решения	начало связи
для Вронского	исходя из текста романа – это поиск формы для выражения амбиций	нахождение формы	трансляция в мир своего состояния: наполнение формы своими амбициями	синтез предшествующих интенций >	удовлетворение амбиций в новом статусе успешного любовника
соотношение формы и сод-ния	$C > \Phi$	$C = \Phi$	$C < \Phi$	$C = 0 = \Phi$	$C > \Phi$
фазы доминант. поведения	первая	вторая	третья	четвертая	первая

Как видно: фазы доминантного поведения наших героев не совпадают, отчего завязавшийся между ними роман был так страстно мучителен и сладок одновременно. Каренина, вступая в связь с Вронским во второй фазе ($C=\Phi$), была запрограммирована на результат платы за недозволенное счастье – вечная страдальца, – в результате чего ее пространством для жизни как физического существования стала возможна лишь третья фаза, где только и может происходить игра прежними смыслами, их бесконечный калейдоскопический перебор. Для Врон-

ского ситуация была запрограммирована в обратном направлении – на успешность, поскольку начало романа пришлось на четвертую фазу ($C=0=\Phi$), в которой его честолюбие обрело новые смыслы для демонстрации своей успешности.

Однако после ряда событий герои вместе окажутся в четвертой фазе, в которую их погрузит Анна, когда после родов заставит Вронского поддаться искушению прежними ценностями, т.е. уже формой, чем уведет обоих в третью фазу – $C<\Phi$, когда любое столкновение с реальностью автоматически погружает героев в доминанту «страдания» или четвертую фазу, $C=0=\Phi$, которая каждый раз настойчиво заявляет о необходимости качественных изменений в ситуации. В итоге, герои безвозвратно упустят время: Каренин, как внешний источник, окончательно оставит их в четвертой фазе.

На примере «Анны Карениной» очень хорошо видна как важность своевременного перехода от третьей фазы ($C<\Phi$) к первой ($C>\Phi$), так и фатальность задержки в четвертой фазе ($C=0=\Phi$); как и то, что затягивание четвертой фазы ведет к необратимым разрушительным изменениям, преодоление же – дает переход-перерождение в другое качественное состояние.

1 фаза: $C>\Phi$	2 фаза: $C=\Phi$	3 фаза: $C<\Phi$	4 фаза: $C=0=\Phi$
Возбуждение, суммирование возбуждений, известная доля инерции	- стимул для перехода к торможению; возбуждение близкое к кульминации - пик творческого подъема (озарение)	- переинтеграция опыта, торможение через переход к противоположному - нахождение ответов, проверка, процесс творчества	Синтез предшествующего опыта, подбор и отметка нужного > рождение новых доминант

Так, русская классика показывает все возможные выходы из кризисных ситуаций, в которых по определению вырабатываются новые ценности и смыслы: осознанная устремленность, приводящая к качественным изменениям (Ларина); внешнее вмешательство, приводящее к качественным изменениям (Ростова); игнорирование (или противоречие) внешнему вмешательству, искусственное продление прежних смыслов (Каренина).

Пользуясь методом аналогии, мы можем утверждать, что подобные выходы из кризисных ситуаций актуальным и для общества в целом, поскольку трехфазовую морфологию развития общества мы можем встретить в трудах многих ученых, например, О. Шпенглера, А. Тойнби, В.Я. Данилевского или П. Сорокина, а культуры – у Г.Ф. Гегеля, П. Сорокина или французского социолога Ж. Дюрана, создавшего социологию воображения на базе теории доминантных рефлексов А.А. Ухтомского.

В итоге XX век вырабатывает целый ряд концепций культуры: философских (А. Шопенгауэр, Ж.-П. Сартр, Э. Гуссерль, А. Швейцер, О. Шпенглер и др.), исторических (А. Тойнби, К. Ясперс, Э. Тайлор, К. Ламберг-Карловски, Дж. Саблов и др.), социологических (М. Вебер, А. Вебер, А. Камю, П. Сорокин и др.), психо-

аналитических (К. Юнг, З. Фрейд, Э. Фромм и др.), цивилизационных (Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Элиот, В. Шубарт и др.)

Так, западная элита, стремясь избежать социальных потрясений и трансформаций при необратимом переходе культуры от третьей фазы к первой, разработала новую пространственно-временную матрицу мышления парадигмы постмодерна, которая является ничем иным как четвертой кризисной и самой болезненной фазой-переходом в развитии любой ситуации, но сегодня намеренно представляется как зона культурного комфорта в рамках западной цивилизации.

Эта современная нам зона культурного комфорта есть не что иное, как третий, или «кареинский», вариант выхода из кризисной ситуации обнуления и обесценивания всех ценностей, что сегодня ощущается практически каждым человеком, принадлежащим к культурному полю западноевропейской цивилизации.

В результате всего вышеизложенного в настоящее время русская классика требует прочтения с цивилизационных позиций, как литература, дающая не только сценарии развития кризисных ситуаций, но и рецепты выхода из них.

Список использованной литературы:

1. Антропологическая философия: учение о доминанте А. А. Ухтомского. [Электронный ресурс] // Портал: СибГМУ. URL: <https://studfiles.net/preview/2250421/page:20/> (дата обращения 21.03.2018)
2. Ахматова А. А. Тайны ремесла. [Электронный ресурс] // Портал: Русская поэзия. URL: <http://guroem.ru/ahmatova/byvaet-tak-kakaya.aspx> (дата обращения 21.03.2018).
3. Пушкин А. С. Евгений Онегин. [Электронный ресурс] // Портал: Lib.ru: "Классика". URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0170.shtml (дата обращения: 18.03.2018).
4. Толстой Л. Н. Анна Каренина. [Электронный ресурс] // Портал: Lib.ru: "Классика". URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0080.shtml (дата обращения: 18.03.2018).
5. Толстой Л. Н. Война и мир. Том третий. Часть первая. Глава 18. [Электронный ресурс] // Интернет библиотека Алексея Комарова. URL: <http://ilibrary.ru/text/11/p.181/index.html> (дата обращения: 18.03.2018).
6. Ухтомский А. А. Избранные труды / Алексей Алексеевич Ухтомский // Л.: Наука, 1978. — 360 с.: ил. — (Классики науки).
7. Antropologicheskaya filosofiya: uchenie o dominante A. A. Uhtomskogo [Anthropological philosophy: the doctrine of A. Ukhtomsky's dominant]. [Электронный ресурс] // Портал: СибГМУ. URL: <https://studfiles.net/preview/2250421/page:20/> (дата обращения 21.03.2018)

О ПЕРЕХОДНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ПРИЧИНЕ ДЕФИЦИТА ОСМЫСЛЕННОСТИ И О ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ОСОЗНАНИЯ ВСЕОБЩНОСТИ

С. В. Шачин

Чтобы ответить на вопрос о сущности дефицита осмысленности существования, надо сначала разобрать сущность смысла, сущность человеческого существования, каким образом они соотносятся друг с другом, затем понять, что означает дефицит, понять причины этого дефицита, понять, почему подобный дефи-

цит ведёт именно к нездоровью общества и личности, при этом осознать, каким образом личность и общество соотносятся друг с другом через нездоровье, и затем соотнести друг с другом все рассуждения по данным темам, что и позволит построить некую целостную теорию. Так мы бы и действовали, если бы взялись за дело по-немецки основательно и методично. При этом сама логика наших рассуждений привела бы к установлению внутренних связей между нездоровым человеком в психологическом отношении и дефицитом у него смыслов, между дефицитом осмысленности у людей и аналогичным дефицитом у общества в целом, между больным обществом и невозможностью быть в нём здоровым и много-много других связей, так что построенная теория была бы не линейной, а многомерной: мы приступили бы к решению проблемы одновременно с разных сторон.

Однако у нас нет места и времени для таких методических изысканий, поэтому мы выбираем путь интуитивного озарения, которое покажет нам ключевые характеристики современного российского человека и, как растение в семени, будет потенциально содержать в себе ответы на все эти сложные вопросы. От того, насколько верно это исходное озарение, зависит, каким образом будут даны эти ответы; а верность его будет заключаться в том, сумеют ли русские люди реально узнать самих себя в символическом описании этого озарения, или оно будет бесплодной субъективной рефлексией кабинетного мыслителя.

Ключевой характеристикой российского человека будет его распятость в сфере промежуточных состояний между разными эпохами в развитии общества, общественного сознания и индивидуальной духовной эволюции, и именно эта промежуточность даёт ему как приманку видимость спасения в сфере поверхностности и телесных наслаждений, но не позволяет ему слишком сильно отождествиться с этой сферой: мы все ощущаем близость новых исторических эпох и совершенно новых смыслов, которые будут качественно изменять смыслы существующие, страшимся прихода этих смыслов, стараемся преодолеть этот страх и, в то же время, увлекаемы некоей высшей судьбой к этим состояниям.

Конкретизируем мы эту интуицию как на уровне общественном, так и личностном. Будем действовать по принципу: от простого – к сложному, от общественному – к личному. В сфере общества Россия прошла только половину пути к формированию настоящего индустриального общества, с характерным для него сознанием убеждённого горожанина, который уважительно относится и к кормящему его крестьянину, но который способен качественно менять природную реальность так, что индустриальная деятельность гармонично развивается ради роста человеческого благополучия и в коэволюции с природой. При этом такая индустрия будет уже не повторением предыдущих этапов развития человечества, а предполагать совершенно новые принципы устройства производительных сил в том смысле, что всё больше рутинных видов деятельности будут отданы искусственному интеллекту, а на долю человека придёт творческое саморазвитие личности и установление отношений сотрудничества со своими союзниками. Однако перепрыгнуть в это светлое завтра за счёт разрушения якобы отсталой промышленности в 90-е годы не получилось, поскольку устойчивые инновации могут со-

вершаться не путём разрушения старого, а путём его диалектического сохранения в трёх смыслах одновременно: рассмотрения того лучшего, что остаётся в старом, сохранения этого лучшего, но в изменённом виде, добавления чего-то нового, что раньше считалось принципиально невозможным и даже несерьёзным. Только привлечение всех трёх аспектов в комплексе, чему нас учат великие немецкие мыслители Кант и Гегель (которые именно в этих трёх смыслах употребляли понятие *Aufhebung*, что на русский язык ещё до конца не смогли адекватно перевести), и позволит говорить об удачности того самого качественного перехода, который ожидаем и о котором повествовалось ранее. Очень просто было бы абсолютизировать только один из этих трёх аспектов, но это всё задерживает общество и личность в целом в промежуточном состоянии, пока, наконец, данная задача диалектического перехода в результате коллективного усилия не будет решена. Вот тогда-то в России и возникнет подлинная городская цивилизация в дополнение к развитию оригинальной цивилизации крестьянской (последняя сумеет обеспечить не только русских горожан, но, возможно, и весь мир качественными продуктами питания потому, что будет основываться на любви к родной земле и телесном развитии человека в смысле обретения им новых способностей, что сегодня могут показаться экстрасенсорными). Но это не означает, что все россияне уйдут в свои «родовые поместья»: горожане смогут принести крестьянам новые творческие обретения в смысле проникновения в глубинные тайны окружающего мира, своего человеческого существа и в смысле создания новых общественных порядков как альтернативы тем большим порядкам, поражённым вопиющей несправедливостью и тотальным отчуждением, что приводят к такому большому уровню коллективных страданий и к раннему уходу из жизни как единственно возможному протесту в этих условиях. Это означает, что режим выживания сменится на режим творческого развития, потому что только в этом случае Россия сможет сохраниться в обозримой исторической перспективе, а не превратиться в младшего брата Китая или в постоянного изгоя европейской цивилизации на «века геополитического одиночества», что приведёт к окончательному растаскиванию нашей Родины на изолированные «кластеры», в каждом из которых будут имитационные порядки, а реальная власть уже будет принадлежать выходцам из иных, чем российское, социокультурных пространств.

Этот общесоциологический анализ позволяет нам объяснить ситуацию «идеологической помойки», по образному выражению А. Зиновьева, в которой российское общество пребывает после крушения марксистско-ленинской идеологии в конце 80-х гг., т.е. мешанины самых разных идеологических систем, которая устроена таким образом, что начинают усиливаться их недостатки, а достоинства каждой из этих систем остаются нереализуемыми или же взаимно компенсируют друг друга в ходе конфликтного противостояния их сторонников (считающих себя единственно правыми). Описывать составные части этой мешанины несложно, они лежат прямо перед глазами: от традиционности идёт заgrimированный под современность монархизм и чиновничество (поскольку современное российское чиновничество стремится стать закрытой привилегированной кастой); от западного сознания идёт неолиберализм, который почему-то принимает форму

пораженческого признания того, что России всю обозримую историческую эпоху предстоит быть отсталой и потому только обслуживающей Запад и Восток своим сырьём, своими землями (которые отдаются в аренду и пр.); от советского сознания идёт вера в высшую ценность социализма, которая причудливо переплетается с державной идеологией. Таким образом, возникает желание ничего серьёзного не менять, оставить всё как есть (а это приведёт к реализации варианта, который наиболее выгоден именно чиновничеству, как уже говорилось). Наконец, интеллигенция, которая находится в состоянии «отщепенчества» и потому всё больше осознаёт, что от неё мало что зависит, исповедует (своеобразно понятый на русской почве) постмодернизм, согласно которому смысл бытия – в том, чтобы выгоднее себя продать в роли обсуживающего сословия для чиновничества и в лучшем случае творить в свободное время в качестве отдушины, не надеясь на признание результатов (единственная надежда – найти таких же единомышленников, что ведёт к «кружковщине» как форме общинного сознания). В нашем описании содержания общественного сознания не присутствует то, которое свойственно народу, то есть большей части россиян, что заняты выживанием; они – объект покровительственного патернализма чиновничества и последняя надежда для местного бизнеса в смысле выживания и его также, а для интеллигенции – также надежда на какое-то признание. Но чиновничество сохраняет дистанцию и инстинктивное опасение к народному русскому бунту, а интеллигенция знает только один способ растворения в народе – разные способы «опрощения», но у её представителей не возникает желания и даже способности пожелать стать народными духовными лидерами, явить образцы праведности, потому что они в духовную цельность не верят и её, честно говоря, лишены. Происходит также всё большее выдавливание из системы тех, кто ещё сохраняет в себе стремление к личностной аутентичности и самостоятельному мышлению (в том числе и в форме подталкивания к эмиграции). Будучи лишённым духовного подвижничества интеллигенции, народ впадает в состояние тоски по чему-то более осмысленному, но в качестве возмещения принимает идола общества массового потребления, которые приходят с Запада. Однако качественных изделий человеческого труда в России очень мало, происходит много имитаций и в одежде, и в питании, и в транспорте, и в устройстве городской среды (чего стоят те же самые плохо построенные торговые центры, если не сказать радикальнее: разбухающие крупные города...), а критериев различения оригинала и подделок в народном сознании в области потребительской культуры не так уже много (остаётся чуть ли не последний резерв здесь: качественные продукты питания в летне-осенний период, особенно со своего участка земли).

Если бы начался диалог и дискуссия между представителями различных идейных ориентиров, движение интеллигенции в народ, уменьшение расстояния во всех смыслах между народом и чиновничеством, увеличение циркуляции во власти за счёт представителей интеллигенции и наиболее талантливых представителей народа (которые быстро бы учились великими педагогами-новаторами и сами были бы мотивированы к саморазвитию), то данная ситуация негативной конвергенции различных взглядов (описанная А. Зиновьевым) постепенно пре-

одолевалась бы. Но пока что вместо диалога присутствует монолог, вместо способности выслушать другого – взаимное перекрикивание, общественное мнение жёстко формируемо СМИ, стереотипы мышления и социальной ориентации заменяют поиск новых решений, причём становится всё менее заметной грань между оппонентом и противником.

Наконец, нам осталось описать личность современного российского человека и прийти к выводу о том, насколько у неё ограничено пространство для самостоятельных решений и самостоятельных действий, и насколько благоприятнее выживать в форме коммунального сознания, с ограничением своего кругозора до уровня своей социальной группы, с отчуждённым отношением к государственным и коллективным интересам (они осознаются в лучшем случае в форме праздников, мероприятий или краткосрочного всплеска энтузиазма). Современный россиянин всё больше превращается в подростка, который не получил некоей высшей инициации (заключающейся в пробуждении в себе не житейского, а подлинно морально-практического разума, с его императивом «мыслить самостоятельно», с его способностью вырабатывать всеобщие принципы и «жить не по лжи»). Вместо этого россиянин на глубинном уровне осознаёт коллективную фальшь и неискренность, а также нестабильность существующих порядков общества «полупериферийного капитализма» (А. Бузгалин), но своей народной интуицией понимает, что распад этих порядков может повести к общенациональной катастрофе, и потому давайте продлим это промежуточное состояние на то время, пока будет ещё возможно... Найти опору в обществе, состоящем из частных собственников, как на Западе, у россиянина не получается (вообще традиция гражданского общества в России слаба, да и низкий уровень развития производительных сил, особенно в условиях деиндустриализации, не позволяет ему сформироваться). Найти защиту в коммунальности также становится всё сложнее в силу того, что пространство коллективной защищённости последовательно уменьшается, поскольку некий бюрократический молох постоянно требует показательных жертв отдельных членов (как правило, отличных от других), то есть коммунальность всё больше усиливает негативные черты при ослаблении момента взаимовыручки и взаимопомощи. Государственная бюрократия начинает слышать народ только тогда, когда требуется периодически повторяющееся общее одобрение существующего порядка, но по большому счёту не может считаться надёжной (поскольку преследует свои собственные интересы), а потому народ научился её обманывать с целью выживания, а бюрократия смотрит на это до определённого предела сквозь пальцы. Да в плане взаимоотношения между поколениями всё ещё действует поговорка «плохи те родители, что не поддерживают своих детей до их (детей) пенсии, а внуков – до совершеннолетия», поскольку среди молодёжи распространено «полу-образование» (которому не доверяют), а средние поколения в любой момент могут быть насильственным образом вышвырнуты из коммунальных порядков в форме описанной жертвы... Не проще ли устраивать свою молодёжь в форме передачи своего рабочего места и социальных связей в своём кругу по наследству? Не идём ли мы тем самым к квази-кастовой системе, где положе-

ние человека во многом предопределяется рождением, а смена социального строя возможна только в форме катаклизма?

Описание промежуточности современного россиянина как его главной характеристики в индивидуальном и коллективном смысле мы тем самым завершили. То, что эта промежуточность является ненормальным состоянием, вытекает из предыдущего анализа: ведь и сама болезнь является чем-то переходным между полноценной и счастливой жизнью и безнадежной гибелью, и имеет самые распространённые две формы: хроническую и острую. Чтобы у болящей России нашёлся бы лекарь, он должен быть вооружён особым знанием, которое будет иметь нелинейный характер в том смысле, что причины такого кризисного состояния потери смыслов являются комплексными, и потому имеет место не одна, а целый букет болезней, что усиливают друг друга. То есть тенденции деградации социокультурной системы сначала надо суметь описать, а потому уже будут найдены идеи для их лечения. Философ не может заменить обществоведов широкого профиля, он может разве что предложить некую отправную идею-интуицию, которую они осознают в качестве того, что всех объединяет, согласиться с нею, модифицировать через конкретизацию материалом из своих областей и применения к своей сфере. Другими словами, философ может выступить в роли методолога социального познания и терапии. И эта идея философа может быть также развитой исходя из своей логики уже в смысле ориентира для выздоровления.

Таким ориентиром может быть выздоровление общества в смысле обретения целостности из разорванности и фрагментарности. По сути дела мы должны сначала постигнуть загадку самой целостности, и только на базе этого знания мы можем понять идею выздоровления в смысле преодоления тенденции «нисходящей эволюции» (А. Зиновьев). И если мы говорим не о механической, а об органической целостности, тот тут мы наталкиваемся на парадокс, который заключается в том, что она выражает в себе всеобщность бытия. Органическая целостность потенциально неисчерпаема по смыслам, но актуально представляет собой определённую форму выражения этой универсальности. То есть само человеческое бытие как разумное бытие вообще сначала должно открыться русским людям в тех аспектах, которые допускают своё выражение средствами искусства, религии и философии как образованиями Абсолютного духа; а потом это открывшееся содержание будет ориентиром для развития всех многообразных видов человеческой деятельности, высвечивающих новые грани этого всеобщего смысла. Данные абстрактные рассуждения приводят к неожиданному выводу: выздоровлению от дефицита осмысленности должен предшествовать творческий подъём российского общества, формирование новой среды самостоятельной мысли и поступков, установление представителями различных творческих сообществ контактов друг с другом. Именно в такой среде конкретная творческая личность получит защиту от негативных явлений коммунальности, что уже будет большим шагом вперёд, в направлении активизации творческого потенциала России. А но-

вые обретения в смысле постижения всеобщности станут возможными тогда, когда достижения различных творческих сообществ окажутся открытыми друг другу, когда найдутся члены сообществ, способные к синтетической деятельности: выразить опыт своего сообщества на символическом языке, понятном и доступном языку другого сообщества, причём последнее сумеет осознать в этом новом опыте способ выхода из внутренних противоречий или способ актуализации своего собственного потенциала, не реализованного в той форме осмысления истины, которая господствует в данном сообществе: начнётся взаимное диалектическое движение в смысле *Aufhebung*. Нам надо поразмышлять над тем, каким образом негативная конвергенция идей превратится в синергию, во взаимное усиление позитивно-прогрессивного содержания и компенсацию негативно-реакционного. Это будет первым днём рождения страны, вернувшейся с войны (И. Тальков).

Так, из идеи православного монархизма можно взять представление о хозяине земли российской, власть которого нацелена на благо всего общества, включая будущие поколения, а не на увеличение прибыли любой ценой: то есть, надо развить представление о домостроительстве как о праведной экономике, ориентированной не на обогащение элит, а на создание общегосударственного организма, который будет работать на благо каждого из его членов (а не поглощать их и жертвовать ими, как Молох). Но конкретизировать эту интуитивную идею можно на базе опыта советского планирования, который был ориентирован на сбалансированное развитие всей экономики с целью обеспечения устойчивого прогресса, причём критерии прогресса мы можем увидеть в показателях «индекса развития человеческого потенциала», разработанных современной экономической мыслью. Данный опыт всё более востребуется в глобальном масштабе в силу того, что справиться со всемирным экономическим кризисом можно только за счёт увеличения планомерности всемирного хозяйства, но для этого необходима выработка всемирного сознания человечества – тем самым Россия может активизировать ещё одну способность своей интеллигенции, которую Ф.М. Достоевский назвал «общечеловеческой отзывчивостью» (социальной опорой тут могут быть образованные русские люди, которые не потеряли любви к своей Родине, но жили на Западе как творческая элита, труд которой был там оценен и признан). Данная способность у нас имеется в силу нашего геополитического положения между различными культурами, в силу того, что мы сами образуем целый мир, а не замкнуты в определённую национальную культуру; следовательно, первым шагом к этому будет активизация диалога между национальными культурами внутри России. Также субъектом планетарного сознания может быть креативный класс, работающих в транснациональных корпорациях, который начнёт задумываться о смыслах своей деятельности в результате того, как под влиянием не потерявших духовные и гуманистические ориентиры культур станет способным к философскому

способу мышления. Российская интеллигенция имеет опыт пребывания в таких сообществах, и необходима встреча социального слоя интеллигенции как посредника между разными культурами с интеллигенцией внутри транснациональных корпораций. Эта встреча приведёт к активизации сознания свободы, на которой так настаивает неолиберализм; однако ценность свободы лишится своей ограниченности уровнем исключительно негативной свободы и материального благополучия, но вберёт в себя новые смыслы: творческой самореализации личности ради осуществления всеобщей цели (рефлексивная свобода) в солидарных действиях людей и сообществ, заинтересованных в трансформации существующей институциональной системы в глобальном масштабе в направлении её гуманизации (то есть социальная свобода). Тем самым творческий человек будет опираться уже не на самого себя, а на другие творческие сообщества, создающие разнообразный мир, где всем интересно в силу того, что каждое сообщество видит и делает мир по-разному. Исламская культура может раскрыть недостаточность идеала чистого материального благополучия для человека (почему он не остановится на достигнутом, как только добьётся желаемого им достатка), а также несёт в себе опыт социальной поддержки слабых за счёт сознательной помощи сильных, оказываемой своим братьям по вере и культуре, а также – опыт солидарного предпринимательства, не знающего финансовой олигархии. Под влиянием китайского мира русский человек сможет понять и оценить своих учителей и наставников, а также осознать свои родственные корни и восстановить целостность родового сознания путём обновления, включения в род представителей других национальностей, что может привести к рождению талантливому новому поколению. Индийский мир, с которым мы также будем всё больше соприкасаться, сможет передать нам свою тоску по сверхматериальному, а также свой опыт его непосредственного восприятия в жизни при условии иной организации самого процесса социализации: вместо идолов общества массового потребления подросток будет получать нечто вроде инициации, второго рождения, что приведёт к открытию в нём способностей разума и одновременно – пробуждению своего подлинного духовного я.

Надо отметить, что все эти трансформации сознания будут предполагать серьёзные изменения в общественных отношениях, поскольку существующая сырьевая финансовая и бюрократическая элита не будет допускать потерю господства. Возможно, эти изменения произойдут в контексте коренных изменений социального строя всего мира под влиянием всемирного кризиса. Мы, русские интеллигенты, можем только надеяться на то, что наша деятельность по определению духовных ориентиров для общества будет содействовать тому, что эти изменения будут в меньшей мере стихийными, а в большей – сознательными.

СМЫСЛЫ АБСУРДНОГО В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

М. В. Бейлин, Л. М. Газнюк

Опыт последнего десятилетия беспрецедентного использования манипулятивных технологий в различных сферах жизнедеятельности человека убедительно свидетельствует о том, что использование методик, основанных на создании различных абсурдных ситуаций, способно приводить вполне адекватного человека в состояние, когда он теряет способность критически осознать происходящее, различать реальное и мнимое, становится субъектом с ослабленной или парализованной волей, в нём может исчезать воля к сопротивлению и даже к спасению. Такое воздействие может осуществляться без явного насилия, исключительно благодаря воздействию на его сознание и чувства. Следствием манипулятивных технологий является дезориентированный и деморализованный индивид, хорошо поддающийся властному воздействию. Анализируя информационные войны, Г.Г. Почепцов отмечает, что «население должно быть переориентировано на новый тип поведения исключительно вербальными средствами, а не с помощью силы или наказания» [2, с. 212]. К созданию абсурдистского спектакля сегодня активно приобщаются СМИ различных идеологических направлений и финансовой принадлежности, и отличает этот спектакль от произведений известного жанра искусства то, что он разворачивается в информационном поле, где не существует, как на сцене театра, грани, отделяющей зрителя от игрового, воображаемого.

Последствия воздействия абсурдного на сознание и подсознание широких слоев населения, как правило, не заставляет себя долго ждать. Алогизм и несуразность, ошибочность и бессмысленность создаются, как правило, сначала в информационном пространстве, в сфере вербального дискурса, и только после этого «внедряются» в жизнь. Благодаря вербальной фиксации случайное и невозможное приобретают черты возможного, то есть степень их реальности значительно возрастает. В частности, логическое и рассудочное не отторгаются человеком и не требуют подвига веры для своего принятия. Предметом воздействия абсурдистских манипулятивных технологий являются ценностные структуры духовного мира человека, а также логический склад его мышления. Относительно последнего следует подчеркнуть один важный момент. Как это ни странно звучит, но оказалось, что манипулировать проще всего сознанием человека, рассуждения которого соответствуют чёткому и жёсткому алгоритму. Легко разрушить именно логику и манипулировать мышлением, которое является максимально рациональным, но и при этом наиболее беззащитным. Дело в том, что логическое мышление является прозрачным, его структура хорошо изучена, а поэтому в него можно проникнуть и целенаправленно исказить. В результате субъект теряет способ-

ность делать правильные умозаключения, и одно только это уже имеет серьезные последствия: человек чувствует свою беспомощность и начинает искать себе поводыря, попадая в зависимость от него. Иногда удается так исказить мышление, что индивид и сам начинает делать нужные манипулятору выводы. Не является далёким от истины утверждение, что в некоторых случаях путем манипуляций власть сознательно создает ряд странных и причудливых, с точки здравого смысла, ситуаций абсурда, включая в их состав иррациональные компоненты и в значительной степени руководствуясь ориентацией на традиционные нормы и неявное знание, проверенные опытом и здравым смыслом многих поколений, которые оказываются устойчивыми к влиянию абсурда. Традиционные установки и выполняют эту важную охранную функцию. Их действие заключается в том, что укоренившиеся в глубинах исторической памяти знания не подвергаются сомнению и дискурсивному рассмотрению, они действуют автоматически, поэтому они практически недостижимы для манипулятора. Из этого следует и то, что жертвами манипуляции в значительной степени оказываются слои населения с «логизированным» мышлением.

Результатом манипуляций является формирование «нового» типа поведения масс, когда человек начинает самостоятельно совершать действия, которые не только идут ему во вред, но и ставят под угрозу само его существование. Абсурдизация в сегодняшних условиях рассматривается специалистами как один из эффективных инструментов информационных и смысловых войн (иногда используется выражение «консциентальные войны») [3; 5; 6]. Прежде всего, необходимо объяснить смысл понятия «консциентальное оружие». Это понятие представляется как технология работы с сознанием (лат. – *conscientia*), нацеленная на поражение и уничтожение определённых форм и структур сознания, а также некоторых режимов его функционирования. Эта технология предполагает: а) снижение общего уровня сознания людей, живущих на определённой территории; б) замещение рациональных установок разного рода ценностными симулякрами, вследствие чего происходит уничтожение общества; в) разрушение традиционных механизмов самоидентификации и замещение их механизмами идентификации нового типа через создание разного рода «групп участия»; внедрение в общество специально конструируемых матрицы ценностей, норм поведения и реакций как единственно возможной модели жизнедеятельности населения; г) уничтожение способности ставить глобальные и стратегические цели – разрушение субъектности целых этносов и народов, осуществление их цивилизационной перевербовки и т.д. [1].

Консциентальные войны следует отличать не только от обычных вооружённых конфликтов, но и от войн информационных. Информационная (политическая) война представляется как вертикальная – это классический вариант, когда

информационный поток распространяется сверху вниз с пассивным реагированием аудитории, для чего необходим большой и желателно монополизированный аппарат СМИ: масс-медиа, сарафанное радио, группы и лидеры мнений в социальных сетях. Смысловая (социологическая) война представляется как горизонтальная – это стиль жизни и типы поведения, которые становятся нормой в обществе. Эта война практически незаметна, поскольку сами контексты жизни подталкивают к «нормативному» и «правильному» мышлению.

Политическая пропаганда является распространением идеологии, смысловая (социологическая) – её проникновением благодаря существующим экономическим, политическим и социальным факторам. Информационная война не меняет убеждений человека, как это делает война смысловая. Если в информационных операциях меняется информация, то в смысловых трансформируется знание и понимание. Знание является более устойчивым продуктом, чем информация. Факты могут меняться, а правила, по которым человек их понимает, остаются прежними. Смысловые операции является экспортом клише и стереотипов сознания. Такие клише формируют решетку восприятия (фрейм, фильтр сознания), разделяющую сознательное и бессознательное человека [4]. По своему инструментарию смысловые войны направлены на продвижение идей не напрямую, а в фоновом режиме. Частично это связано с нежеланием вызвать сопротивление объекта воздействия, с другой стороны, они более пассивны и могут продолжаться тогда, когда никто, кажется, этой войны не ведет. Информационные и виртуальные объекты имеют два аспекта, один из которых находится в поле зрения реципиента информации, а другой – вне него. Если информационные войны работают в одном направлении, то войны влияния – в другом. В системе методов информационной и смысловой войны одним из важнейших является правило создания максимально гомогенной информационной среды, где не должны присутствовать альтернативные точки зрения. Проблема заключается в необходимости преодоления внутреннего сопротивления субъекта, который сопротивляется восприятию сообщения, являющегося явно бессмысленным или несовместимым с его основополагающими гносеологическими установками или убеждениями.

Понять механизмы сопротивления / подчинения внешнему воздействию позволяют разработки С. Аша, который в середине 1950-х годов провёл систематическое исследование явления конформности. В результате была получена информация о проблеме влияния группы на поведение индивида. Экспериментальная ситуация, смоделированная в эксперименте С. Аша, была очень близка к реальной ситуации общения человека, когда друзья или другие люди обсуждают определённый вопрос, а после того, как все они выразили своё мнение, спрашивают того, кто еще не высказался. В таком случае человек должен или согласиться с другими высказавшимися, или сообщить свою точку зрения. С. Аш имел це-

люю установить, насколько стремление к адаптации меняет поведение человека. Ученый ограничил исследования сферой восприятия; явление зависимости от группы он изучал в контролируемых лабораторных условиях на примере простых задач визуального сравнения. Была проведена хорошо спланированная серия экспериментов по стандартной методике. Эксперимент продемонстрировал силу действия социально-психологических законов, показал, насколько сильным был фактор влияния группы. В этих простых экспериментах участники полностью осознавали ошибки других людей и свою правоту, но всё же стремились подстроиться под общее мнение. Исследования С. Аша произвели большое впечатление, ведь они демонстрируют социально-психологический механизм зависимости человека даже в тех условиях, когда он чётко осознает свою правоту и ошибки других. Коллизии общения становятся драматическими в сложных ситуациях, когда участник опроса не имеет определённой позиции, задаваемые ему вопросы достаточно сложны, а давление заинтересованной группы достаточно сильно. Работы С. Аша стали толчком к исследованиям механизма конформности, продолжающимся и поныне. Одним из важнейших выводов, сделанным С. Ашем, является вывод о том, что социальная поддержка снижает конформность. Когда есть хотя бы один человек, который является нашим союзником, мы можем оставаться верными своей позиции, сопротивляться групповому давлению и избегать конформности.

Таким образом, становится вполне понятным, почему информационное поле в зоне конфликта должно быть максимально гомогенным. В пользу этого тезиса говорит и то обстоятельство, что даже тогда, когда человек принципиально не согласен с господствующей точкой зрения (в частности, очевидно абсурдной), он будет поддерживать её в сфере внешней коммуникации. Абсурдные представления в информационно-коммуникативной среде поддерживаются и распространяются даже в случаях, когда значительное количество отдельно взятых индивидов остро чувствуют их абсурдность.

Другой аспект существования человека в абсурдной среде описывается с помощью средств теории когнитивного диссонанса. Американский психолог Л. Фестингер, опираясь на результаты своих исследований, сделал вывод, что люди стремятся к внутреннему балансу для недопущения когнитивного диссонанса, который может возникнуть по нескольким причинам. Например, логическая причина, когда персонаж не обращает внимания на мнение окружающих и в то же время хочет стать знаменитым. Причиной может быть несоответствие решений и поведения индивида культурным обычаям, принятым в его стране, социальной группе или семье. Диссонанс может возникнуть и тогда, когда субъект идентифицирует себя с какой-то группой людей. Например, человек считает себя либералом, но вдруг осознает, что не хочет жить в тесном соседстве с людьми другой

расы и вероисповедания или причисляет себя к патриотам, но испытывает желание бежать из своей страны. И, наконец, самой распространённой причиной когнитивного диссонанса является ситуация, когда новая информация противоречит имеющейся картине мира, и когда у человека возникают противоречивые представления, причиняющие ему дискомфорт. Из диссонанса вытекает стремление преодолеть возникшее противоречие. Это можно сделать, найдя новую информацию, позволяющую устранить рассогласование в восприятии действительности и идеальных представлениях о ней. Ещё один способ решить когнитивный диссонанс – поменять окружающую среду на новую, где сочетание «взаимоисключающих параграфов» уже не будет вызывать ощущения противоречия. Если человек изменил политические взгляды, то, скорее всего, у него возникнет потребность больше общаться с новыми единомышленниками. Проблема в том, что, пытаясь преодолеть когнитивный диссонанс, человек часто занят не поиском истины, а формальным приведением знаний и мотивов к общему знаменателю. Многие люди преодолевают внутренние противоречия, используя самый простой способ, т.е. самооправдание.

Сознание в состоянии когнитивного диссонанса имеет определённые особенности, делающие его восприимчивым к манипулятивному воздействию. Человек склонен не к поискам истины, а к удобным и «лестным» объяснениям, в полной мере используемым субъектами влияния, для чего нужно найти необходимую для манипулятора и одновременно приемлемую для объекта воздействия интерпретацию. Примером может быть такой неотъемлемый элемент массового политического сознания, как образ врага, позволяющий объяснять имеющиеся проблемы не действительными причинами, а действиями врагов.

Одним из самых эффективных приёмов является разрушение исторической памяти, экскурс в прошлое на ту глубину, на которой происходит ревизия истории. Тот, кто пишет историю, господствует над будущим. Абсурдная «историческая правда» требует подкрепления авторитетами. Человек может опираться на историю, если она связана единой цепью времен. Чтобы разрушить историческое сознание человека или народа, необходимо «рассыпать» историю, разорвать в её изложении связь времён, изъять из неё «неудобные» для заказчика ревизии события и факты, подменить интерпретации освещаемых фактов, ввести в неё абсурдные, ни с чем не согласованные эпизоды. Вследствие подобных действий возникает внутреннее экзистенциальное состояние – ощущение безысходности человека, погруженного в среду сплошного абсурда.

Итак, абсурдизацию следует считать неотъемлемым и одним из самых эффективных инструментов манипулятивных технологий, используемых для изменения массового сознания. Сегодня этот инструмент широко применяется как в

политике (информационные, смысловые войны), так и в других областях жизнедеятельности человека.

Список использованной литературы:

1. Громыко Н. В. Использование информационных технологий в качестве «консциентального оружия» / Н. В. Громыко [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_artrp_984.htm
2. Почепцов Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2000. – 576 с.
3. Почепцов Г. Г. Смысловые войны в глобальном контексте XXI века / Г. Г. Почепцов [электронный ресурс] Режим доступа: <http://psyfactor.org/psyops/infowar22.htm>
4. Почепцов Г. Г. Смысловые войны в политике и бизнесе / Г. Г. Почепцов [электронный ресурс] Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/sociowar2.htm>
5. Почепцов Г. Г. Смысловые и информационные войны: поиск различий / Г. Г. Почепцов [электронный ресурс] Режим доступа: <http://psyfactor.org/psyops/infowar16.htm>
6. Почепцов Г. Г. Стратегические войны: как «гонка смыслов» побеждает гонку вооружений / Г. Г. Почепцов. – К. : Альтерпрес, 2009. – 294 с.
7. Пучков Д. Б. Идея индивидуального бытия человека и проблема абсурда / Д. Б. Пучков // Вестн. Лен. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. Философия. – 2009. – № 3. – Т. 1. – С. 155-162.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

О ВКУСАХ СПОРЯТ ИЛИ КУДА ПОДЕВАЛАСЬ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА?

А. А. Шпаковский

По ТВ показывали замечательный город Ставрополь, губернатор самозабвенно рассказывал об успехах на фоне некоего пантеона великих земляков. Однако даже по телевизору было видно, что «земляки» сделаны непрофессионально: Андропов со своими крупными и жесткими чертами лица был не Андропов, а сморщенный старикашка.

Ну да Бог с ним, автор, видимо, не успевал, как водится, отдать работу студентам, событийно можно понять – сроки! Но сам «мемориал» (бронзы переведено тонны) – псевдобарочный китч. Я не знаю, кто автор или авторы, да и знать не интересно. Жалко «бедного» губернатора, явно гордящегося увековечиванием земляков, но ничего не понимающего в искусстве, впрочем, я и не требую этого от него, у него другая профессия.

А что творится в столице? Я сейчас говорю не о персоналиях, а о тенденциях. Персонажи известны и без меня, а кто не знает, есть интернет, он знает всё!

Антимонументальная вакханалия условно началась со сноса великолепного, с градостроительной точки зрения, памятника Дзержинскому на Лубянской площади. Ничего подобного по простоте и лаконизму в Москве с тех пор не появилось.

Мой учитель скульптуры С.Л. Рабинович, когда нас ругал, говорил: «Что вы мне куколок лепите?» Так вот за последние годы Москва заполнена бронзовыми «куколками» громадных размеров, пролеплены пуговички и галуны, аксельбанты и кресты, а монументов нет, нет символов, нет смыслов, нет скульптуры как пластики. Зато много сомнительной «литературщины» в духе псевдоклассицизма и псевдобарокко.

Можно вообразить, как бы наш современник слепил памятник Минину и Пожарскому. Прежде всего, – без пьедестала, чтобы была «интерактивность»: можно было бы сделать селфи в обнимку с героями или у них на коленях. Это народу очень нравится, особенно туристам из Юго-Восточной Азии. Минин согбенно стоял бы с двумя ведрами собранных драгоценностей в армячке и шапке, подобно Ивану царевичу из детских сказок. Перед ним на богатырском коне в броне, тоже сказочный, весь в сияющих доспехах, дотошно вылепленных, с сабелькой и обязательным темляком на ней, князь Пожарский в русском шеломе, аля иерихонская шапка. За князем Пожарским – толпа пеших и конных ополченцев, переходящая в перспективный рельеф. Вокруг среди бревен (образ смуты – разрухи) сирый и умильный народ взирает с надеждой на героев: « Спасите, соколки, не разворуйте!» всю эту лепоту обязательно благословляет церковный иерарх. Неплохо было бы присовокупить ещё бронзовую карту похода из Нижнего Новгорода до Москвы, хотя бы на четверть Красной площади; тогда бы и дети, и туристы глубоко прониклись грандиозностью трудов наших предков.

Что случилось, как получилось, что даже неплохие, мастеровитые скульпторы не понимают, не знают, забыли законы монументального жанра? Ведь я многих помню еще по советским художественным советам и выставкам, они мне и другим говорили умные и правильные вещи, за что я им до сих пор благодарен.

На фоне современного декораторства вместо монументальной скульптуры формальный гипермонументализм Вучетича, пронзительный трагизм Сидура, роскошная простота Мотовилова, победная страстность Мухиной, калёная ясность Никогосяна, поиск нового языка монументальности у Эрнста Неизвестного и т.д. становятся несбыточным сном для нынешнего поколения.

На словах, у нас на Руси каждый первый скульптор числит себя «внучатым племянником» если не Микеланджело, то, по крайней мере, А.Т. Матвеева – русского советского классика, заложившего пластическую традицию бесконечно глубокого уважения к натуре при максимальном обобщении и сугубом выражении формы.

Но как-то не просматривается этой традиции в современных драпированных бронзовых куколках с ученически, старательно вылепленными пуговками. Пуговицы есть, складочки есть, а монумента нет!

У Гегеля есть рассуждение о действительном и недействительном. Например, преступление есть, т.е. бытийствует, но оно недействительно, ибо неистинно! В последние 25 – 30 лет в области монументального искусства у нас складывается подобная ситуация: памятники есть, а монументального искусства нет.

Субъективные причины этого феномена просты и лежат на поверхности: хочешь иметь работу – угождай заказчику, который, как правило, обладает недоразвитым эстетическим вкусом, «застрявшим» в «понятном» XIX веке, еще до импрессионистической эпохи. Соответствующий подход и к оценке произведения: чем больше лошадей, людей и картушей «всунешь» в произведение, тем выше вознаграждение за труд. Вот скульпторы и усердствуют.

Но есть и объективные причины: в обществе потребления не рождаются высокие смыслы: нельзя одновременно служить Богу и мамоне. Торжество буржуазных идеалов не только искорежило человеческие души, но и посягнуло на человеческий дух.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Обобщая различные по своим мировоззренческим установкам письменные (и устные) тексты, можно обозначить объединяющую их мысль: техногенная цивилизация, в которой человек ориентирован на внешний порядок вещей и испытывает глубочайшее отчуждение, полностью исчерпала себя в гуманистическом аспекте. Технологический (и экономический) прорыв, о котором так много говорится в последнее время, может быть только сопутствующим продуктом, но не идеальной конструкцией. На первый план вышла проблема полноты и осмысленности человеческой жизни как важнейшего условия воспроизводства самой человечности.

Конфликт XXI века – это острейшее противоречие между хаосом и гармонией, абсурдом и разумом, жадой справедливости и вопиющей несправедливостью, смыслом жизни, требующим своего осуществления, и обесмысленной жизнью. Стремление разрешить этот конфликт понуждает нас осуществить выбор между рабством материальности и свободой духа, изменить жизненные установки и способы жизни. Мы ищем свет, направляющий во тьме, нам необходим ориентир за пределами пространства и времени, которым мы можем руководствоваться в деле самосовершенствования и совершенствования бытия. В нашей душе есть частица Вечности, которая делает нас свободными, фиксирует нашу индивидуальность и одновременно объединяет с другими людьми.

Всякая человеческая жизнь имеет смысл, но его постижение связано с возможностью и способностью человека к самотрансценденции, т.е. к выходу за гра-

ницы своего «Я», своей жизни, своего материального благополучия. Мы не отрицаем возможности материального благополучия и не отвергаем его, но утверждаем необходимость в справедливости его обретения: путь к собственному благополучию лежит только через созидание всеобщего блага. Соединение индивидуального благополучия со всеобщим благом, что является первейшей задачей политического руководства страны, есть факт придания смысла любой общественной деятельности и нашему общему существованию. Но одновременно это – и сердцевина Русского уклада жизни, запечатленного в культурном коде. Это наследие есть сочетание опыта многих поколений, служивших нашей Родине и утверждавших своей жизнью нравственность и ответственность, правду и справедливость, милосердие и любовь. Принимая во внимание априорное стремление человека к полноте жизни, современность не может отвергнуть эти концепции.

Мы не хотим превращаться в «Иванов, не помнящих родства», утрачивая связи со своей традицией, культурой, историческим опытом. Мы не хотим скитаться в выдуманных, постоянно меняющихся, искусственно направляемых мирах, стремящихся к тотальному контролю над жизнью человека: они закрывают небеса и мертвят души.

Наследие, которым мы обладаем, актуально. Это – след человеческого духа, в нём звучат голоса людей, живших до нас. Мы должны в высшей степени бережно и мудро обращаться с этим наследием, приумножив его, передать своим детям и внукам.

Резюме «круглого стола» на тему: «Ценность служения: проблемы в современной России»:

- Слово «служение» не несет в других языках того смысла, которым оно наделено в русском языке;
- ценность «служения» выражает стремление человека к Вечному, Абсолютному, включает в себя смысл самого высокого уровня, дающий смысл самой жизни и выступает надбиологическим способом жизни, духовным бытием человека;
- служение всегда является результатом свободного выбора, осознанной необходимостью;
- служение приподнимает человека над ситуативной целесообразностью, внутренне освобождая его от бытовых обстоятельств, политических и других амбиций, поэтому выступает онтологической основой свободы человека;

- служение как социальная ценность имеет место в том социуме, где осознано и артикулировано всеобщее благо, как цель целей, придающая разумно-осмысленный характер всякой деятельности, как постулат, необходимый для того, чтобы вообще можно было мыслить человеческую деятельность как целесообразную;
- всеобщее благо как идеальная конструкция обуславливает и воспроизводит стремление человека к Вечному и Абсолютному, оно центрирует общество, открывает пространство Духа и придает нравственный и социальный смысл всякой человеческой деятельности – в противном случае человек теряет связь с Вечностью и утрачивает социальный и нравственный смысл своей деятельности, превращаясь в общественную функцию;
- отсутствие ценности служения в культурной регулятивной системе выступает важным индикатором не только бездуховности общественного бытия, но и показателем социальной дезинтеграции, поскольку демонстрирует отсутствие общего смысла общественной деятельности, когда каждый трудится исключительно во имя самого себя;
- нам необходимо стимулировать широкий общественный диалог в целях артикуляции Смысла нашей совместной жизни и деятельности, из которого черпались бы смыслы отдельных действий и поступков. Это была бы высшая форма интеграции общества, предполагающая его духовное единство.

Резюме «круглого стола» на тему «Ценность справедливости: проблемы реализации в современной России»:

В процессе дискуссии было подтверждено, что чувство справедливости (тяга, стремление, интенция к справедливости), которое несет в себе русский человек, являет себя при встрече с несправедливостью и выражается в качестве побуждения к действию во имя торжества Справедливости. Поэтому, несомненно, революционные катаклизмы XX века, а именно: революция 1917 года, а также события 90-ых годов могут быть рассмотрены в логике движения русского народа к созиданию абсолютно Справедливого общества. С этой же точки зрения была дана оценка и современной социокультурной, социально-экономической и социально-политической ситуации в России.

Исток стремления к справедливости – в православии, определяющем культурную ментальность народа, а именно в положении о связанности бытия человека с Богом. Бог есть абсолютная Справедливость, часть которой присутствует в каждом человеке в виде совести, и именно она побуждает перманентное стремле-

ние к «вечной справедливости». Связь с Богом – самотрансценденция выступает для русского человека как цель, содержание и пространство духовной жизни. Он ориентирован на постижение высшего смысла сущего. Это – поиск Бога (высших ценностей), правды (идеала), нравственного закона (справедливости). Это – путь обретения свободы и субъективности. Именно эти ценностные ориентации русского народа определили политические события XX века.

Советский этап русской истории был оценен как весьма противоречивый. С одной стороны, он отмечен высокими социальными стандартами (бесплатное среднее и высшее образование, медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение, практическое отсутствие безработицы: «молодым везде у нас дорога, старикам – везде у нас почет»), побудившими страны Запада формировать у себя соответствующие социальные программы. С другой стороны, осуществление социальной справедливости посредством выравнивания условий жизни (равенства) предполагало одновременно уничтожение различий в поведении и внутреннем мире людей. В послереволюционный период происходил процесс «рационализации» духовности русского народа: поиск Бога был заменен устремлением в «светлое коммунистическое завтра», роль идеала была отдана «кодексу строителя коммунизма». Этот факт позволил А.С. Панарину назвать советский период «временем небывалой эксплуатации духовной энергии народа».

Процесс рационализации сопровождался упрощением и унификацией многообразия общественных отношений и обернулся феноменом «социального механицизма». Общество, так или иначе, рассматривалось как некий «агрегат» компонентов, наборы которых, включая и человека, можно было комбинировать в различных сочетаниях. Открывая пути различных вариантов реформирования, радикальной переделки общества и человека, этот рациональный «механицизм», с одной стороны, создавал беспрецедентные условия индустриального развития, но с другой стороны, он способствовал накоплению отчуждения, крайне ограничивая пространство духовности. «Технизированная» духовность оказалась весьма узкой для сохранения и воспроизводства всего сложного пласта духовного развития общества и его истории, что и явилось одной из причин развала СССР.

Однако события 90-ых годов обернулись глубоким разочарованием: в короткий период были разрушены высокие социальные стандарты, сформированные в советское время, стремительно стало нарастать социальное неравенство, причем скорость этого процесса увеличивается до сих пор. Но **наиболее травмирующим моментом**, согласно результатам социологических исследований Института социологии РАН (а именно так следует понимать результаты исследования, приведенные в процессе дискуссии) **является не неравенство как таковое, а предметно не обусловленное неравенство, т.е. неравенство несправедливое, не связанное с высоким образованием и высокими трудовыми успехами. Это**

свидетельствует о том, что в **качестве социально справедливого неравенства народ признает только такое неравенство, которое является следствием самоотверженного служения Общему Делу.** Иными словами, чем выше уровень обязанностей и ответственности, чем очевиднее для всех творческие успехи, тем справедливее представляются высокие материальные и социальные преференции.

Второй травматический момент заключается в том (об этом также свидетельствуют те же социологические исследования), что свои надежды, связанные с установлением справедливого социального порядка, народ обращает к государству, но в то же время сомневается в способности государственной власти справедливо обустроить общественную жизнь. Иными словами, **народ признает современную организацию общественной жизни несправедливой и считает государственную власть неспособной изменить ситуацию к лучшему.** А это уже проблема фундаментальная, свидетельствующая о противоречии сущности государства, сформированного в постсоветское время, менталитету русского народа, согласно которому государственно организованное общество есть нечто большее, чем условие выживания и безопасного существования индивидов. Оно – способ добродетельной жизни и в своих адекватных формах мыслится как опредмеченная справедливость.

В заключении дискуссии было подчеркнуто, что социальная справедливость в России не может быть выражена только в правовой и социальной формах. Она здесь требует и духовного выражения, что обуславливает внимание к субъектно-экзистенциальному, ценностно-смысловому аспекту организации общественной жизни. Всякая институция, общественное событие, слово политического деятеля – смыслонесущие конструкции, которые воспринимаются в народе в качестве справедливых только при условии их соответствия ментальным ценностям – единства, правды, любви и милосердия.

И.К. Джерелиевская

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ, НО НЕУДОВЛЕТВОРЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ¹

Для человека, как существа социального, потребность в справедливых отношениях является одной из базовых для полноценной жизни в обществе. Поэтому она включена в основные ожидания граждан от государства, которое, согласно

---

¹ Публикация была размещена <http://www.rosinfonet.ru/society/170702>

общим представлениям, должно быть сильным во внешней политике и справедливым во внутренней политике. Иными словами, державность и правда (традиционный синоним справедливости) – главные категории, каковыми общество оценивает работу государственных структур. Относительно державности можно констатировать, что в последнее время это требование в некоторой мере удовлетворяется, вызывая патриотический подъём и одобрение действиям власти. Что же касается правды-справедливости, то здесь имеется значительное отставание, вызывающее критический настрой во многих слоях общества.

Хотя вопросы социальной справедливости присутствуют в сегодняшнем академическом дискурсе, они не стали актуальным трендом государственной внутренней политики, несмотря на свою злободневность. Отсутствие внятного ответа (теоретического, идеологического и, соответственно, практического) на такие существенные запросы населения создают напряжение в обществе, только усиливающееся по мере затягивания их решения. Это напряжение создаёт питательную среду для проявления разнообразных форм недовольства: от оппозиционных и антипатриотических до откровенно нигилистических, вплоть до террористических. Нельзя забывать, что вопрос социальной справедливости восходит к смыслу совместного социально-упорядоченного существования и поэтому определяет легитимность всех общественных действий и форм жизни. Неверное решение этого вопроса является источником революционных катаклизмов.

В связи с этим представляется чрезвычайно интересной попытка осмысления революционных и реформаторских событий XX – XXI вв. в фокусе неустанного стремления русского человека к «вечной справедливости», предпринятая РОО «Центр этики и эстетики Русского Мира» при проведении очередного круглого стола на тему «Ценность справедливости: проблемы реализации в современной России» в конце декабря 2017 года. В мероприятии приняли участие как представители научного сообщества (избавленные здесь от диктата академических канонов), так и независимые исследователи, свободные от ограничений, определяемых системным контекстом.

Как правило, обсуждение вопроса справедливости не выходит за рамки категории равенства – имущественного, политического, правового. Имущественное равенство, будучи недостижимо даже на уровне малых групп, ныне отвергнуто как философской мыслью, так и историческим опытом человечества, оставаясь лишь в жутковатых утопических фантазиях литераторов. Однако оно используется в качестве повода деструктивными силами, выдающими её за ключевой фактор несправедливости – на уровне региональном («Москва всех объедает...») или индивидуальном («олигархи и нищий народ»). Увлечённость такой демагогией способна привести к тому, что мы наблюдали в недавнем прошлом как результат т. н.

«борьбы с привилегиями» 80-х годов – хаосу и разрушению государства. Всё это – оборотная сторона превратного понимания так чаемой всеми справедливости.

В ходе дискуссии, проведённой «Центром этики и эстетики Русского Мира» значительное внимание было уделено необоснованно забытой русской религиозно-философской традиции, исходя из достижений которой (также с учётом мировой исторической практики) участники утвердились в определении справедливости как соединения равенства и неравенства, а именно справедливости как жизненно-верного, предметного обоснования неравенства. Кроме того, само понятие равенства было рассмотрено с двух сторон, исходя из двойственной природы человека, и обогащено духовным, метафизическим измерением.

Сегодня, к сожалению, взята на вооружение западная модель установления справедливого общественного порядка, базирующаяся на главенстве закона («правовое государство») и на мифическом «равенстве возможностей». Западная версия справедливости не является универсально-общечеловеческой и не принимается инокультурными народами – об этом свидетельствует, в частности, неразрешимое противоречие с мусульманским умонастроением, воспринимающим западный порядок несправедливым и дошедшим до радикального отрицания западной цивилизации вообще. Ограниченная правовым аспектом интерпретация справедливого устройства жизни тем более не прижилась в русском сознании и не способна занять в нём место общенародной идеи. Менталитет нашего народа гораздо глубже уровня подобных схем, он сформировался под воздействием богатейшего исторического опыта различных методов утверждения справедливых отношений, тысячелетним царствованием христианской идеи, выросшей из неё классической литературы и обогатившейся ею народной культуры.

Нерешённость вопросов справедливости общественных отношений создаёт ощущение нестабильности, порождает пессимизм и алармистские настроения среди значительной массы населения. Недостаток эффективных мер со стороны государственных структур частично восполняется «снизу» – посредством проектной деятельности некоммерческих организаций благотворительной и иной социальной направленности. Это практический уровень, облегчающий жизнь, но не устраняющий корень проблемы. «Центр этики и эстетики Русского Мира» – одна из редких, если не единственная некоммерческая организация, занимающаяся разработкой более глубоких слоёв – на уровне идей, что предоставляет возможность находить пути решения проблемы восстановления общественной справедливости уже на системном уровне. В таком ключе развивалась дискуссия на прошедшем Круглом столе – рассмотрение известного вопроса с иных ракурсов, определение новых (хорошо забытых старых) смысловых ориентиров, анализ с позиций традиционной культуры, что позволило приблизиться к более чёткому пониманию смысла и значения справедливости. В частности, был предложен эти-

ко-антропологический принцип постижения сущностного содержания справедливости, рассматривающий стремление к справедливости как цель, содержание и пространство духовной жизни русского народа, обозначена связь русского понимания правды с монархическим устройством государства, вскрыта связь проблемы справедливости и категории отчуждения, аргументирована невозможность социально-экономического развития современной России и её модернизации без социально справедливого устройства общественной жизни.

Нельзя пренебречь тем колоссальным культурным багажом, который накоплен нашим народом (все века своего существования жадно стремившего к справедливости). Наличие в нём достаточных интеллектуальных и духовных сил, неистребимой воли к Правде, помогает смотреть в будущее не иначе, как с оптимизмом, возжигает веру в то, что мы способны справиться с любыми трудностями и победить любого врага ради всех людей.

В.Ф. Гановичев

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джерелиевская Ирина Константиновна, доктор филос. наук, председатель «Центра этики и эстетики Русского мира»

dzhereli@mail.ru

Спирина Марина Юрьевна, кандидат истор. наук, проректор по научной работе Университета при МПА ЕврАзЭС, член Творческого союза художников России, Международной федерации художников, Русского географического общества

mus931@inbox.ru

Шачин Святослав Вячеславович, кандидат филос. наук, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского Арктического государственного университета

s_shachin@mail.ru

Виноградова Екатерина Владимировна, член Совета «Центра этики и эстетики Русского мира»

89037517701@mail.ru

Гановичев Вадим Федорович, член Совета «Центра этики и эстетики Русского мира», главный редактор сайта

obschina@mail.ru

Канарш Григорий Юрьевич, кандидат полит. наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

grigkanarsh@yandex.ru

Владыкина Екатерина Михайловна, член «Центра этики и эстетики Русского мира», поэт, композитор и исполнитель собственных музыкальных произведений

vlade-katerina@yandex.ru

Сазонова Анна Львовна, кандидат социолог. наук, доцент кафедры «Психология, социология, государственное и муниципальное управление», Российский университет транспорта (МИИТ)

an-netic@yandex.ru

Крюкова Ольга Сергеевна, доктор филолог. наук, зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова

florin2002@yandex.ru

Барсова Татьяна Евгеньевна, кандидат филос. наук, доцент Новгородского Государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ)

teb50@yandex.ru

Пересторонина Маргарита Геннадьевна, аспирант Литературного института имени А.М.Горького

margarita_perest@mail.ru

Бейлин Михаил Валерьевич, доктор филос. наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета

mysh_07@mail.ru

Газнюк Лидия Михайловна, доктор филос. наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета

lgazn@mail.ru

Шпаковский Алексей Алексеевич, ст. преподаватель Московской государственной художественно-промышленной академии имени С. Г. Строганова, член Московского Союза художников, член Творческого Союза художников России

ashpakovsky@yandex.ru

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ РУССКОГО УКЛАДА ЖИЗНИ: ПРОЙДЕННЫЙ ЭТАП ИЛИ УТРАЧЕННЫЙ РЕЦЕПТ?

**Сборник материалов «круглых столов»,
проведенных Региональной общественной организацией
«Центр этики и эстетики Русского мира»
(октябрь 2017 – май 2018)**

Техн. редактор

Гановичев В.Ф.